

61:06-7/840

**Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого**

На правах рукописи

Handwritten signature

**ХОХЛОВ
Илья Владимирович**

**Исторические традиции гренадерских и пехотных полков
русской армии: Опыт изучения и сохранения
(1874-1918 гг.)**

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель -
кандидат исторических наук,
профессор **В. Ф. Андреев**

Великий Новгород
2006

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Исследования по истории войсковых частей	28
1.1. Предпосылки и причины развития жанра историй войсковых частей	28
1.2. Политика органов военного руководства в вопросе развития исторических исследований в войсках	34
1.3. Основные этапы составления истории войсковой части	42
1.4. Содержание и структура истории войсковой части	52
1.5. Исторические памятки для нижних чинов	63
Глава 2. Развитие музейного дела в русской армии	80
2.1. Развитие мемориальной функции полковых церквей как одна из предпосылок появления музеев войсковых частей	80
2.2. Возникновение и развитие музеев войсковых частей в последней четверти XIX - начале XX в.	87
2.3. Состав коллекций и структура музеев войсковых частей	99
Глава 3. Военно-исторические праздники в войсковых частях	127
3.1. Полковые и ротные годовые праздники	127
3.2. Юбилеи войсковых частей	144
3.3. Юбилеи событий отечественной военной истории в войсковых частях	169
3.4. Вручение наградных регалий войсковым частям	180
Заключение	196
Источники и литература	202
Список сокращений	222
Приложение 1. Полковые праздники и старшинство гренадёрских и пехотных полков, начало XX в.	223
Приложение 2. Статьи устава строевой пехотной службы 1900 г. о церемониальном марше полка и о знамени	229
Приложение 3. Проект положения о войсковых музеях и исторических комиссиях, собирающих материалы для истории части, 1913 г.	238
Приложение 4. Иллюстрации	252

Введение

Актуальность темы. В жизни каждой армии огромную роль играют её традиции. Помимо профессиональных навыков военнослужащий должен обладать достаточно высоким моральным духом и иметь серьёзную мотивировку для участия в войнах. Опыт мировой военной истории показывает исключительную важность данного фактора для успешного ведения боевых действий. Одной из важнейших составляющих формирования боевого духа офицеров и солдат является их воспитание на традициях военного сословия, армии в целом и отдельных войсковых частей.

Войсковые традиции неоднородны по своему характеру. И. А. Шеин в своей работе, посвящённой традициям русской армии второй половины XIX - начала XX в. определяет войсковые традиции как исторически сложившиеся в армии и на флоте, передающиеся из поколения в поколение идеи, правила, обычаи, нормы поведения и другие общественные установления военной организации, связанные с выполнением боевых задач, воинской службой и бытом военнослужащих¹. Автор данного исследования считает это определение вполне корректным. В своей работе И. А. Шеин делит войсковые традиции по нескольким принципам: по степени общности - на общие (всей армии) и частные (гвардии, военных округов, родов войск, соединений, войсковых частей); по социальным носителям - офицерские, унтер-офицерские, солдатские; по роли в укреплении вооружённых сил - прогрессивные и регрессивные; по характеру воинской деятельности - боевые, обучения и воспитания, воинского быта².

Соглашаясь в целом с такой классификацией, мы считаем возможным разделение войсковых традиций ещё по одному принципу. Существуют традиции, направленные на воспитание и сохранение в войсках боевых и моральных качеств и навыков, которые *традиционно* были им присущи. Например, в русской армии *традиционно* придавали большое значение штыковому бою, воспитывали в войсках религиозность, заботу о чести мундира, чувство взаимовыручки. Такие тра-

диции, опираясь на опыт предыдущих лет, всё же имели практическое, прикладное значение. С другой стороны, можно выделить традиции, направленные на изучение, сохранение и пропаганду прошлого армии в целом и отдельных её частей. Такие традиции можно назвать историческими.

В данной работе рассматриваются исторические традиции и методы их изучения и сохранения в полках армейской пехоты – гренадерских и пехотных. Полки армейской пехоты, в отличие от, например, гвардейских частей, сравнительно редко привлекают внимание исследователей. Однако, именно армейская пехота составляла основу Российской императорской армии и, уступая гвардии в материальных и иных возможностях, тем не менее, вполне заслуживает отдельного исследования.

Помимо гренадерских и пехотных полков, в состав армейской пехоты входили также стрелковые батальоны (позднее – полки). Однако, эти полки в исследовании не рассматриваются по нескольким причинам. Во-первых, большинство стрелковых частей имело достаточно короткую реальную историю. Первый армейский стрелковый батальон был сформирован в 1834 г. (Гренадерский стрелковый батальон)³. В 1889 г. стрелковые батальоны были развёрнуты в полки⁴. Финляндские, Восточно-Сибирские, Туркестанские и другие стрелковые полки были сформированы ещё позднее. Хотя часть этих полков получила старшинство прежних полков (например, 12-й Финляндский стрелковый полк, сформированный 20 февраля 1910 г., получил старшинство Вильманstrandского мушкетёрского полка с 16 августа 1806 г.), большинство из них не имело ни серьёзных исторических трудов, ни музеев. Лишь немногие из них в рассматриваемый период имели право отметить свои юбилеи⁵.

В пехоте именно полк был частью, сохраняющей свою преемственность. Большинство полков имели продолжительную непрерывную историю, насчитывавшую зачастую более сотни, а иногда и не одну сотню лет. Многие полки армейской пехоты считались «потомками» полков, сформированных в XVIII в. и начале XIX в., а один полк (13-й лейб-гренадерский Эриванский) в начале XX в.

имел старшинство с 1642 г. - от Московского выборного солдатского Бутырского полка⁶. Отличия за заслуги жаловались именно полкам, а также батальонам и ротам, входившим в состав полков. В последней четверти XIX – начале XX в. в полках создаются музеи и труды, посвящённые их истории. Всё это даёт основание говорить о существовании устойчивых полковых традиций.

В то же время такие армейские соединения, как, например, дивизии в силу ряда причин не могли иметь устойчивых исторических традиций. Во-первых, дивизионная организация армии была чётко и окончательно определена лишь в начале XIX в., в то время как многие полки регулярной армии были сформированы намного раньше. Во-вторых, на протяжении XIX в. состав дивизий неоднократно менялся. Кроме того, одна и та же дивизия могла несколько раз поменять номер, и в разные периоды под одним и тем же номером существовали совершенно разные по составу дивизии. Пример – 22-я пехотная дивизия (номер на начало XX в.). Сформирована дивизия была в 1817 г. как 21-я. В 1820 г. получила № 23, в 1833 г. – № 19. В 1835 г. полки, входившие в состав дивизии, были преобразованы в Финляндские линейные батальоны, и дивизия изменила номер на 21-й. В 1845 г. она в последний раз сменила номер – на 22-й. С этим номером она просуществовала до 1918 г. Поэтому какое бы то ни было целенаправленное сохранение традиций на дивизионном уровне было практически невозможным. Редкие исключения, например, исторические традиции 4-й стрелковой «Железной» бригады (с 1915 г. - дивизии) в данном случае лишь подтверждают правило. В ещё большей степени вышесказанное касается и других, более крупных соединений, например, корпусов.

С другой стороны, традиции батальонов и рот, входивших в состав полков, также являлись неотъемлемой частью традиций полков. Роты и батальоны (за исключением отдельных) были частью полка и действовали, за довольно редким исключением, в его составе. Поэтому их боевой путь и организационная история, а, следовательно, и традиции были тесно связаны с традициями полков. Таким обра-

зом, традиции батальонов и рот рассматриваются в данной работе как часть полковых.

Своего рода вещественным воплощением традиций являются полковые реликвии: знамёна, оружие, униформа, трофеи и т. п., а хранилищами этих святынь — полковые музеи, появившиеся в русской армии в конце XIX в. Оформление полковых традиций было невозможно без изучения истории части. Результаты этого изучения фиксировались в полковой истории и в адаптированной для солдат форме в полковой памятке. Ещё одним способом подчеркнуть длительность истории полка и героизм его солдат и офицеров были полковые праздники, юбилеи полков, памятники полковым «предкам». Все эти меры были призваны сплотить офицеров и солдат в единую полковую семью, воспитать в них чувство гордости, сопричастности к приумножению славы полка. Как писал один из офицеров, «разнообразие боевых традиций поселяет в войсках благородное соревнование... Оно даёт известный оттенок и индивидуальность духу части»⁷.

Изучение истории и формирование исторических традиций войсковых частей могло проявляться в различной форме. Это могло быть написание полковой истории или создание полкового музея. В обоих случаях происходит накопление и систематизация исторического материала, преследуется одна и та же цель — изучение и пропаганда исторических традиций части. Празднование юбилеев, сооружение памятников — мероприятия, теснейшим образом связанные с изучением истории войсковых частей. Они являлись, зачастую, стимулом и в то же время результатом этого процесса. Вся эта деятельность, на наш взгляд, может быть определена как полковая историография в широком смысле этого термина.

В узком смысле термин «полковая историография» применяется в диссертационном исследовании для обозначения совокупности военно-исторических трудов, посвящённых истории отдельных войсковых частей (полковые истории и памятки).

До сих пор при изучении истории Российской императорской армии исследователи, как правило, обращали внимание на ход боевых действий, в которых

принимала участие армия, на организацию, снабжение, вооружение и обмундирование вооружённых сил. В то же время такая важная сфера жизни армии, как полковые традиции, источники и способы их формирования, изучение в частях собственной истории и применение этих знаний в военно-воспитательных целях остаётся малоисследованной. На данный момент не существует практически ни одного научного исследования, освещающего в полной мере процесс становления и развития отрасли военно-исторической науки, посвящённой изучению истории конкретных войсковых частей армейской пехоты Российской императорской армии.

Изучение военно-исторической работы в войсковых частях русской армейской пехоты в последней четверти XIX – начале XX в. даёт важный материал для понимания морально-психологического состояния войск в рассматриваемый период и факторов, оказывавших влияние на него, направленности и способов его формирования, а также системы нравственных и ценностных ориентиров русской армии.

Развитие отрасли военной истории, посвящённой описанию боевой и повседневной жизни полков и других войсковых частей Российской императорской армии в рассматриваемый период является важным этапом развития изучения истории вооружённых сил России и формирования в войсках исторических традиций. Работа по формированию традиций современной Российской армии должна базироваться на опыте её предшественниц – Российской императорской и Советской армий. Проследить преемственность современных войсковых частей от частей армии императорской России едва ли представляется возможным. Тем яснее становится необходимость отказа от простого копирования внешних атрибутов Российской императорской армии и, тем более, использования опыта других армий в этом направлении. И тем актуальнее становится необходимость учёта теоретического опыта исторической работы в войсках и формирования полковых традиций в последний период существования Российской императорской армии. Удачные примеры использования этого опыта уже есть. В качестве примера можно привес-

ти учреждение в 1995 г. нагрудного знака 283-го гвардейского Берлинского мотострелкового полка⁸. При его разработке, на взгляд автора данного исследования, были использованы основные принципы разработки юбилейных нагрудных и полковых знаков в русской армии. В то же время, он отвечает современным требованиям, все его элементы исторически обоснованы и символически отражают основные особенности боевого пути полка и рода войск, который данный полк представляет.

Кроме того, полковая историография является специфической частью отечественной военно-исторической науки в целом. Специфика её заключается в следующем. Изучением истории войсковых частей занимались, как правило, не профессиональные историки, а офицеры этих частей. В большинстве случаев и исторический труд, посвящённый истории полка, и полковой музей создавались усилиями одних и тех же офицеров. В рассматриваемый период времени полковая историография развивалась в рамках, устанавливаемых высшими органами военного командования. Ещё одной особенностью полковой историографии, вытекающей из предыдущей, является то, что она решала специфические задачи (прежде всего, военно-воспитательную), что, безусловно, накладывало свой отпечаток на результат подобных исторических исследований.

Хронологические рамки исследования. Нижней хронологической рамкой исследования можно считать 1874 г. – время начала проведения военной реформы. Одним из результатов реформы стало изменение системы комплектования войск. Вместо рекрутских наборов была введена всеобщая воинская повинность. В результате возникла необходимость за сравнительно короткий срок обучить и воспитать хорошего солдата. Именно с этого времени в войсках разворачивается широкая компания по изучению историй войсковых частей. Тогда же этому вопросу стало уделять внимание и высшее руководство армии.

Ещё одним побудительным мотивом стал тот факт, что именно на последнюю четверть XIX – начало XX в. пришлось большинство юбилеев существования войсковых частей. Многие полки русской армии были сформированы в нача-

ле или конце XVIII в., в начале XIX в. Соответственно, в рассматриваемый период они отмечали свои сто- и двухсотлетние юбилеи. Как правило, к такой дате в полку создавалась полковая история и памятка для нижних чинов, зачастую открывались музеи. Кроме юбилеев частей, в рассматриваемый период отмечалось большое количество юбилеев побед русской армии в различных войнах. Наиболее крупные из них – двухсотлетие Полтавской битвы в 1909 г. и столетие Отечественной войны в 1912 г. Кроме того, отмечались столетия суворовских побед, пятидесятилетие взятия аула Гуниб и юбилеи других событий русской военной истории. Всё это стимулировало изучение полковыми историками роли своих полков в этих и других исторических событиях.

Помимо вышесказанного, развитие полковой историографии в целом и полковых музеев в частности проходило на фоне общего развития музейного дела в России. В конце XIX – начале XX в. в России возникает несколько крупных военно-исторических музеев. В 1868 г. Достопамятный зал благодаря усилиям нового заведующего Н. Е. Бранденбурга был реорганизован в Артиллерийский музей (с 1872 г. – Артиллерийский исторический музей) и приобрёл статус учреждения с научными и воспитательными целями. В 1888 г. в Тифлисе был открыт Кавказский военно-исторический музей. В его экспозиции были отражены события русско-турецких, русско-персидской и Кавказской войн.

В 1903 г. по инициативе служащих Московско-Брестской железной дороги было положено начало Бородинскому военно-историческому музею. В 1904 г. в Санкт-Петербурге был открыт музей имени А. В. Суворова⁹.

В начале XX в., при основании Киевского отделения Императорского русского военно-исторического общества возникла мысль об основании Военно-исторического музея в Киеве. Он был открыт в 1910 г. В его основу легла коллекция графа Бобринского (58 предметов скифского оружия из раскопок).

В 1902 г. была создана специальная комиссия по созданию Военно-исторического музея под председательством генерал-адъютанта Н. Н. Обручева. Позднее, в связи с его смертью и с русско-японской войной 1904-1905 гг. эти ра-

боты были приостановлены. Возобновились они в 1907 г., когда был создан комитет по устройству Военно-исторического музея при Императорском русском военно-историческом обществе. Однако, музей так и не был открыт.

В 1907 г. полковник Генерального штаба В. А. Афанасьев выступил в печати с предложением об учреждении Музея войны 1812 г. Был создан комитет, однако, через несколько лет он прекратил свою работу, фонды были переданы в Исторический музей¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно на последнюю четверть XIX – начало XX в. приходится расцвет русской полковой историографии в широком смысле этого слова.

После начала Первой мировой войны активность работы полковых историков в связи со спецификой военного времени значительно снизилась. Естественно, в условиях мировой войны все усилия армии были направлены в первую очередь на решение непосредственных боевых задач. Однако, это не означает, что работы в этом направлении были полностью свёрнуты. Продолжали накапливаться экспонаты для полковых музеев, собирались материалы по участию полков в войне. На основе этих материалов позднее, уже в эмиграции, был написан ряд статей и книг в жанре полковых историй¹¹. Однако, деятельность военных историков русской эмиграции выходит за рамки данного исследования.

Верхняя граница исследования ограничивается 1917-1918 гг., т. е. временем крушения Российской империи и расформирования частей Российской императорской армии.

Объект данного исследования - процесс изучения истории войсковых частей русской армии и формирования полковых исторических традиций.

Предмет исследования - формы и методы изучения, сохранения и пропаганды исторических традиций в полках армейской пехоты, деятельность войсковых историков, отношение к процессу изучения истории войсковых частей и формирования исторических традиций высших органов военного руководства.

Целью исследования является выявление закономерностей и особенностей развития процесса изучения истории полков армейской пехоты во всех проявлениях в последней четверти XIX – начале XX в., роли и места этого процесса в системе воспитания офицеров и солдат пехоты в рассматриваемый период.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- выявление и систематизация сведений по рассматриваемой теме в документальных источниках и историографии;
- выявление предпосылок и причин появления в Российской императорской армии полковых музеев, историй войсковых частей;
- рассмотрение процесса работы историков гренадерских и пехотных полков при написании историй войсковых частей; структуры, содержания, источников и разновидностей этих трудов;
- рассмотрение структуры и механизма функционирования музеев полков армейской пехоты;
- анализ политики органов военного руководства по отношению к процессу развития полковой историографии в войсках;
- выявление и описание способов практического применения знаний, накопленных при исторических исследованиях в войсках – празднования полковых праздников и юбилеев, сооружения памятников, а также описание сценариев проведения подобных торжеств.

Историография вопроса. Как уже было сказано, на данный момент автору не известно ни одной работы, посвящённой истории развития полковой историографии армейской пехоты во всех её проявлениях. Однако, существует большое количество работ, посвящённых отдельным вопросам, связанным с изучением истории войсковых частей в рассматриваемый период.

Большая часть таких работ была издана до начала Первой мировой войны. В рассматриваемый период на страницах военной печати активно обсуждались вопросы, связанные с составлением историй полков, созданием музеев и т. п. Изучение этих статей и заметок даёт ценнейший материал по теме исследования.

В основном эти статьи и заметки носили характер практических советов и рекомендаций, обмена опытом, обсуждения частных вопросов, связанных с развитием полковой историографии. Обсуждались, например, такие вопросы, как организационная структура полкового музея; источники поступления в него экспонатов, способы их хранения и экспонирования; структура и содержание полковой истории, памятки для нижних чинов; места хранения исторических документов и предметов и т. п.¹². Следует особо упомянуть статью создателя музеев л.-гв. Кексгольмского полка и Виленского военного училища Б. В. Адамовича, в которой автор предложил схему систематизации материала в музее по одиннадцати «отделам». Эта схема была признана современниками одной из самых удачных. Таким образом, посвящённые отдельным аспектам полковой историографии, материалы военной периодики в совокупности дают целостную картину её развития в рассматриваемый период.

Своего рода обобщением накопленного опыта стала работа А. И. Григоровича¹³, написанная по заданию комиссии по разработке вопросов полковой историографии при Императорском русском военно-историческом обществе. По своему характеру это была инструкция для полковых историков. В ней содержались такие сведения, как список необходимых приложений к истории полка, основные этапы работы над её составлением, библиография основных трудов по военной истории России, перечень архивов, библиотек и музеев по военно-исторической тематике.

Важные мысли относительно развития полковой историографии были высказаны на одном из заседаний Разряда полковых и корабельных историй Императорского русского военно-исторического общества крупным военным историком начала XX в. Г. С. Габаевым. Текст доклада был опубликован отдельной брошюрой¹⁴. Важное место в работе отведено структуре и содержанию историй войсковых частей, а также особенностям кратких памяток для нижних чинов. В другой своей работе Г. С. Габаев подробно и на конкретных примерах рассматривает систему старшинства полков русской армии¹⁵. В заключении автор сделал

вывод о несовершенстве этой системы и приводит примеры ошибок и неточностей в исчислении старшинства войсковых частей.

Из наиболее заметных статей, носящих историографический характер, следует отметить статьи П. О. Бобровского¹⁶ и М. Соколовского и С. Гулевича¹⁷. Однако, эти работы посвящены развитию жанру полковой исторической литературы в XVIII – 1-й половине XIX в. Статистические сведения о количестве полковых историй и памятков содержатся в предисловии к библиографическому справочнику, составленном А. И. Григоровичем¹⁸.

В тех же военных периодических изданиях было опубликовано несколько статей, посвящённых музеям конкретных полков и носящих описательный характер¹⁹. В них, как правило, описывается история создания музея, указываются инициаторы этого события, перечисляются наиболее интересные экспонаты. Подробное описание музея 115-го пехотного Вяземского полка содержится в работе Б. Ф. Гиллебрандта²⁰. В ней можно найти сведения как о составе коллекций, так и о структуре музея и способах экспонирования предметов. «Обозрение предметов военной старины» Н. А. Маркса²¹ представляет собой единственную на данный момент попытку составления справочника по полковым музеям русской армии с указанием краткой истории и содержания коллекции каждого музея. Однако, в него вошли описания лишь одиннадцати музеев, созданных в полках – участниках Отечественной войны 1812 г., в том числе шести полков армейской пехоты - 11-го гренадерского Фанагорийского, 13-го пехотного Белозёрского, 39-го пехотного Томского, 65-го пехотного Московского, 104-го пехотного Устюжского и 118-го пехотного Шуйского. Кроме того, во введении автор предложил свою схему систематизации материала в полковом музее.

Советские исследователи данной теме внимания почти не уделяли. Можно назвать несколько работ, в которых затрагивались какие-либо аспекты, связанные с изучением полковой истории. Это, прежде всего, работа крупного специалиста в области истории развития музейного дела в России и СССР А. М. Разгона²², вошедшая затем в виде отдельной главы в его докторскую диссертацию²³. Однако,

данная работа посвящена развитию в Российской империи военных музеев в целом, и музеям войсковых частей отведён лишь один раздел из многих в рамках статьи. Поэтому вопросы, связанные с возникновением и развитием полковых музеев в полках армейской пехоты, рассмотрены недостаточно подробно, затронуты далеко не все аспекты их функционирования. Кроме того, работа страдает достаточно высокой степенью идеологизированности.

Краткий очерк истории развития литературы, посвящённой истории конкретных войсковых частей, дан в монографиях Л. Г. Бескровного²⁴. Сведения, приведённые в данной монографии, в основном заимствованы из вышеупомянутой статьи М. Соколовского и С. Гулевича, а также из библиографического справочника А. И. Григоровича. Краткий очерк полковой историографии приведён в статье Л. В. Беловинского²⁵.

Несколько работ, в большей или меньшей степени затрагивающих вопросы, связанные с тематикой полковых исторических традиций было написано в последние годы.

Деятельности русских военных музеев в 1900-1918 гг. посвящена также одна из глав кандидатской диссертации Н. В. Александровой²⁶. В этой работе освещается деятельность всех военных музеев, причём основное внимание уделено организации Военно-исторического музея и музея РККА.

Наиболее заметной работой в данном направлении, целиком посвящённой истории музеев войсковых частей русской армии, является исследование Т. П. Спиридоновой²⁷. В диссертации подробно рассматриваются вопросы становления и развития, организации и функционирования музеев войсковых частей русской армии в XIX - начале XX в., приводится хронология их развития, обосновываются время и обстоятельства создания в русской армии первого полкового музея. Однако, данное исследование построено преимущественно на материалах музеев гвардейских полков - л.-гв. Преображенского, л.-гв. Семёновского, л.-гв. Финляндского, Кавалергардского, л.-гв. Конного. Музею последнего полка посвящена одна из трёх глав диссертации. Это объясняется, по всей видимости, тем,

что гвардейские части имели наиболее богатые и образцово организованные музеи. Кроме того, автор поставила себе целью выявление особенностей функционирования и историко-культурного значения полковых музеев, что также эффективно можно сделать на материалах гвардейских музеев. В то же время, музеи полков армейской пехоты не в полной мере попали в поле зрения Т. П. Спиридовой. В частности, в списке войсковых частей, имевших музеи к 1914 г., отсутствуют несколько пехотных полков: 35-й пехотный Брянский²⁸, 86-й пехотный Вильманстрандский²⁹, 182-й пехотный Гроховский³⁰, 20-й пехотный Галицкий, 22-й пехотный Нижегородский³¹. Одной из главных идей исследования является мысль об исключительной роли офицерских собраний в формировании музеев войсковых частей. Не ставя под сомнение это заключение, считаем необходимым более подробно остановиться на историко-мемориальной роли полковых церквей. Последние до возникновения в частях музеев, а зачастую и после этого играли роль мемориальных комплексов в честь событий полковой истории, дублируя отчасти функции полковых музеев.

Воинским ритуалам российской армии XIX - начала XX в. посвящена диссертация В. Л. Минёра³². Автор исследует процесс изменения и использования системы воинских ритуалов в русской армии. В работе описываются смотры, религиозные церемонии, церемонии принятия присяги, награждения, производства в следующий чин, карательные ритуалы, а также церемонии, проводившиеся во время полковых праздников, юбилеев. Однако, полковые праздники и юбилеи как таковые не рассматриваются. Таким образом, за рамками исследования остался целый комплекс мероприятий, связанных с указанными торжествами.

И.А. Шеин в своей кандидатской диссертации³³ приводит определение термина «воинские традиции», их классификацию, рассматривает их генезис и содержание, влияние характера целей и задач военно-политической деятельности государства на развитие воинских традиций. Основное внимание исследователя приковано к боевым традициям, традициям обучения и воспитания и традициям воинского быта русской армии в целом.

В исследовании, автором которого является Н. А. Печень³⁴, рассматриваются воспитательные аспекты изучения военной истории России в войсках. Среди прочих вопросов, рассматриваемых в исследовании, можно упомянуть деятельность отечественных военных историков и научных учреждений и обществ по изучению военной истории России, отечественная история в системе подготовки офицеров в военно-учебных заведениях, воспитательная деятельность церкви, музеев (в том числе полковых), средства и формы воспитания (печатные средства, военная символика, воинские ритуалы). Частично затронуты и вопросы, связанные с развитием полковых исторических традиций (полковые истории, музеи, праздники, юбилеи). Однако, не являясь основной, эта тематика проработана недостаточно полно, ей посвящена лишь незначительная часть исследования. Основной акцент автором сделан на изучении опыта Российской императорской армии в разработке и функционировании системы военно-патриотического воспитания личного состава вооружённых сил.

В 1990-е – 2000-е гг. отдельным вопросам (в основном полковым праздникам и юбилеям, а также музеям) были посвящены несколько статей в периодических изданиях и сборниках³⁵. В работе Е. В. Исаковой³⁶ много внимания уделяется музейной и мемориальной функциям полковых церквей русской армии. Музейная функция полковых храмов подчёркивается также в исследовании Ю. А. Фабрика³⁷.

Источники исследования. Значительное количество документов по теме исследования хранится в настоящее время в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва). В 1919 г. коллекции музеев: Артиллерийского, Инженерной академии, Интендантского, Суворовского, а также музеев многих войсковых частей и военно-учебных заведений были переданы в ведение Наркомпроса. В 1923 г. в Москве был открыт Военно-исторический музей, куда поступили эти коллекции. Но уже в конце 1926 г. музей был закрыт, и в 1928-1930 гг. его фонды были переданы Государственному историческому музею. Таким образом, документальные коллекции полковых музеев составили ф. 137

Отдела письменных источников музея. Сейчас в нём хранятся документы музеев 1-го, 3-го - 7-го, 9-го - 12-го гренадерских, 4-го, 9-го, 11-го, 13-го, 20-го - 22-го, 24-го, 65-го, 73-го, 81-го, 89-го, 91-го, 97-го, 98-го, 122-го, 140-го, 145-го и 148-го пехотных полков. Это описи музейных коллекций, уставные документы, копии приказов по полкам об учреждении музеев, исторические документы из фондов музея, книги регистрации посетителей, финансово-отчётная документация и т. д. Кроме того, в полковых музеях хранились зачастую и материалы, связанные с составлением полковой истории. В частности, черновики, материалы к истории, переписка, отчётная документация и т. д., а также материалы о праздновании полками юбилеев, сооружении памятников и др. В этом же фонде хранятся документы, связанные с судьбой полковых музеев в советское время.

Большая коллекция материалов, касающихся исторической работы в войсках, хранится также в Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург). Ф. 52 составляют документы, поступившие из отдела военной истории Артиллерийского исторического музея, в том числе документы музеев некоторых полков русской армии, в основном гвардейских (в настоящее время в фондах музея хранятся коллекции двадцати семи полковых музеев). По своему составу они аналогичны документам ф. 137 ОПИ ГИМ. Значительную часть коллекции фонда составляют документы о национализации полковых музеев в первые годы советской власти и их поступлении в Артиллерийский исторический музей. Это запросы на места, описи принимаемого имущества, различного рода распоряжения и инструкции, касающиеся транспортировки экспонатов и т. п. В ф. 23 (Главное интендантское управление) и ф. 54 (Главный штаб) имеется большое количество документов, связанных с учреждением полковых юбилейных знаков и жетонов. Это циркуляры и приказы, регулирующие процесс учреждения этих знаков, ходатайства частей об их утверждении, описания и изображения знаков.

Значительная часть документов по рассматриваемой теме хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (Москва). Например, в ф.

400 (Главный штаб Военного министерства) и ф. 970 (Военно-походная канцелярия е. и. в. при Императорской главной квартире) хранится документация, касающаяся организации празднования юбилеев частей русской армии, устройства военно-исторических музеев, учреждения полковых юбилейных знаков. Помимо этого, в РГВИА хранятся полковые архивы, также содержащие материалы по теме исследования. Это, например, приказы по полку об учреждении музея, составлении истории, праздновании юбилея, документы по расформированию полка и, соответственно, дальнейшей судьбе его музея и др. (в данном исследовании использованы материалы ф. 2700 – 86-й пехотный Вильманstrandский полк).

Значительный интерес представляют также описания различных торжеств в военной периодической печати рассматриваемого периода. В таких изданиях, как «Русский инвалид», «Разведчик», «Журнал императорского русского военно-исторического общества» и др. в разделе хроники регулярно публиковались подробные отчёты о торжествах в частях войск по поводу их юбилеев, юбилеев сражений, полковых праздников и других торжествах полкового масштаба. В этих же изданиях публиковались разного рода документы – приказы, циркуляры и т. д.

Частично документы по теме исследования опубликованы в Полном собрании законов Российской империи. Это высочайшие приказы об изменении старшинства и дат полковых праздников частей войск, о присвоении полкам наградных регалий, почётных наименований, о необходимости каждому полку иметь собственный полковой марш, о занесении отличившихся солдат и офицеров в списки полков и т. п.

Ещё одним источником являются сборники приказов по военным округам. Например, в сборнике приказов по войскам гвардии и Петербургского военного округа за 1912 г.³⁸ содержатся такие документы, как предписание Главного управления Генерального штаба № 1122 о запрете ходатайств о выдаче исторических полкам предметов из центральных хранилищ, приказы по войскам округа № 84 (предписание войсковым частям выслать в Генеральный штаб сведения о полко-

вых юбилейных знаках) и № 191 (предписание выслать туда же краткие хроники полков).

Вопросы, связанные с проведением в частях тех или иных торжеств регламентировались «Правилами для парадов и церемоний», а также уставами³⁹. Эти источники дают ценный материал по церемониалу проведения полковых праздников и юбилеев.

Положения о музеях полков и их описи иногда издавались типографским способом⁴⁰. Отдельной брошюрой был напечатан проект положения о войсковых музеях, разработанный съездом хранителей музеев частей войск Московского военного округа в 1913 г.⁴¹. В «Журнале Императорского русского военно-исторического общества» был опубликован проект положения о войсковых музеях, разработанный обществом в 1914 г.⁴².

Старшинство полков, а также причины присвоения в обход правил старшинства нескольким полкам указывались в расписаниях армии⁴³.

Изучение документальных материалов даёт важнейший материал по теме работы. Содержащиеся в архивах приказы, циркуляры, предписания и т. п. документы позволяют исследовать развитие полковой историографии с официальной точки зрения. Огромное значение такие документы имеют для оценки политики органов высшего военного руководства в данной сфере жизни армии. С другой стороны, полковая документация даёт возможность проследить, например, начальные стадии процесса создания в войсках полковых музеев, понять в каждом конкретном случае причины, приведшие к созданию музея и написанию истории. Приказы по полку и различная финансовая документация дают важный материал для описания церемонии празднования полковых юбилеев и процесса подготовки к ним, а также источников финансирования подобных торжеств.

Всё вышесказанное в полной мере относится и к опубликованным документам, а также к официальным отчётам и хронике, публиковавшимся в официальных периодических изданиях.

В то же время, многие важные нюансы развития исторической работы в частях войск невозможно учесть, используя исключительно архивные материалы. В этом отношении важнейшим источником исследования является мемуарная литература. Особую ценность имеют содержащиеся в ней описания празднования полковых праздников в боевых условиях (в основном, во время русско-японской войны 1904-1905 гг.). Там же можно найти и сведения об установке памятников, создании полковых музеев и т. п. В литературе мемуарного характера можно найти более эмоциональные оценки различных явлений и событий. Именно воспоминания участников тех или иных событий позволяют ощутить атмосферу, в которой происходило развитие полковой историографии. В работе использованы как воспоминания высших чинов русской армии⁴⁴, так и рядовых офицеров и нижних чинов⁴⁵. Значительный интерес представляют и свидетельства офицеров иностранных армий о русских войсковых традициях⁴⁶.

Научная новизна и практическая значимость исследования. В данном исследовании впервые предпринята попытка рассмотреть весь комплекс мер, направленных на изучение и сохранение исторических традиций полков армейской пехоты. На данный момент существует лишь несколько исследований, посвящённых отдельным вопросам, связанным с указанной тематикой. В данной работе впервые комплексно рассмотрены следующие вопросы:

- предпосылки и причины развития процесса изучения истории войсковых частей в указанный период, факторы, влиявшие на этот процесс;
- отношение высшего военного руководства к процессу изучения и пропаганды исторических традиций в войсках;
- этапы и приёмы исследовательской работы войсковых историков;
- структура и содержание музеев и историй войсковых частей;
- методы практического применения в воспитательных целях полученных в ходе исследований знаний.

Изучение перечисленных вопросов является составной частью исследований истории Российской императорской армии и таких тем, как военная историография России и история развития музейного дела.

Методика исследования. При проведении диссертационного исследования применялся преимущественно историко-генетический метод с элементами структурно-функционального анализа. В работе рассматривается весь процесс становления и развития отечественной полковой историографии в широком понимании этого термина, предпосылки и причины её возникновения, а также обстоятельства прекращения изучения истории частей Российской императорской армии, совпавшего в целом с прекращением существования последней.

Для того, чтобы подчеркнуть исключительность рассматриваемого периода истории Российской императорской армии по сравнению с другими периодами в отношении развития полковой историографии в широком понимании термина, использовался историко-сравнительный метод. В работе вкратце описывается ход развития данной отрасли военной истории в предшествующее рассматриваемому периоду время. Это позволяет подчеркнуть высокий уровень развития исторической работы в войсках в последней четверти XIX – начале XX в. и одновременно выявить предпосылки и причины этого развития.

Ещё одной важной составляющей методики исследования стало применение принципа системного подхода. Изучение истории войсковых частей являлось одной из важных составных частей жизни Российской императорской армии рассматриваемого периода. В свою очередь, это явление имело свою довольно сложную структуру.

Помимо прочего, исследование базируется на принципах научной объективности и комплексного анализа источников. В процессе работы с источниками и литературой использовались также методы анализа, синтеза, индукции, дедукции и обобщения.

Данные методологические принципы позволяют объективно и разносторонне исследовать процесс развития полковой историографии в Российской императорской армии в период её наибольшего расцвета.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав и заключения, списка использованных источников и литературы и списка сокращений, а также приложений и иллюстраций.

В первой главе рассмотрены вопросы, связанные с развитием жанра военно-исторической литературы, посвящённой истории гренадерских и пехотных полков. Кратко описано развитие полковой историографии в предшествующее время, рассмотрены причины и предпосылки развития этого жанра в рассматриваемый период. Много внимания уделено описанию и анализу работы полковых историков, структуры и содержания их работ. Также предпринята попытка рассмотреть отношение высшего военного руководства к этой отрасли военно-исторической науки и перечислить меры, предпринимаемые командованием для усовершенствования контроля над процессом исторической работы в частях войск и для стимулирования этого процесса.

Во второй главе рассмотрен процесс становления и развития полковых музеев в полках армейской пехоты. Приведен краткий очерк развития полковых церквей как предшественников музеев. Рассмотрен состав фондов полковых музеев, источники их пополнения, структура. Помимо этого, описана работа военных историков по выработке положения о войсковых музеях, а также политика военного руководства в этой области жизни армии.

В третьей главе затронуты вопросы, касающиеся практического применения накопленных в войсках исторических знаний, а именно: разного рода военно-исторических праздников (прежде всего полковых годовых праздников, юбилеев войсковых частей, юбилеев исторических событий), а также других аспектов этих мероприятий (установки памятников полкам, учреждения юбилейных знаков, жетонов, медалей).

¹ Шеин И. А. Развитие воинских традиций российской армии во второй половине XIX - начале XX вв.: Исторический опыт и уроки. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 25.

² Там же. С. 180.

³ Ульянов И. Регулярная пехота. 1801-1855 гг. М., 1997. С. 140.

⁴ Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1855-1918 гг. М., 1998. С. 92.

⁵ На 1914 г. из ста десяти стрелковых полков русской армии двадцать шесть имели старшинство более чем столетней давности. Причём на период 1874-1914 гг. пришлось юбилеи семнадцати стрелковых полков (подсчёт автора).

⁶ Гренадерские и пехотные полки (1-й – 16-й гренадерские и 1-й – 180-й пехотные полки). Справочная книжка Императорской главной квартиры. СПб., 1909. С. 37.

⁷ Полковой историк. Нужна ли нивелировка войсковых частей? // Русский инвалид, 1912, № 177. С. 4.

⁸ См.: Березин В. В. История одного знака // Гербовед. 2003. № 5 (65). С. 126-129.

⁹ Каспаринская С. А. Мемориальные музеи исторического профиля // Историко-революционные и литературные мемориальные музеи. Научно-исследовательский институт культуры. Труды 12. М., 1973. С. 11, 15-16.

¹⁰ Лагутина Е. И. Военно-исторические музеи // Российская музейная энциклопедия. Т. 1. М., 2001. С. 105-106.

¹¹ Например: Лейб-эриванцы в Великой войне. Материалы для истории полка в обработке полковой исторической комиссии под ред. К. Попова. Париж, 1959; Белов В. Первые бои 45 пехотного Азовского полка в 1914 году // Военная быль. 1960. № 42. С. 14-16; Беннигсен Г. П. 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году // Военная быль. 1959. № 35. С. 14-18; № 36. С. 2-54 № 37. С. 8-10; № 38. С. 4-7; № 39. С. 8-9; Нечаев П. А. Из боевой хроники 7-го пехотного Ревельского полка // Военная быль. 1972. № 118. С. 46; Цвецинский Г. В Лодзинских боях (Из боевой жизни 102-го пехотного Вятского полка) // Военная быль. 1965. № 73. С. 32-33; Горейнов И. 13-й пехотный Белозёрский генерал-

фельдмаршала князя Волконского полк в Гражданской войне // Военная быль. 1973. № 124. С. 31-32; Чернопыский. 42-й пехотный Якутский полк в Гражданской войне // Военная быль. 1974. № 126. С. 41-44.

¹² Например: Агафонов К. К. К сведению составителей полковых историй // Русский инвалид. 1901. № 15; Адамович Б. В. Полковые музеи // Русский инвалид. 1900. № 255; Жерве В. В. Взаимопомощь в исторических работах // Русский инвалид. 1903. № 118; Жуковский А. К устройству полковых музеев // Разведчик. 1912. № 1145. С. 677-679; Маркграфский А. Ещё несколько слов по поводу составления истории полков // Русский инвалид. 1880. № 267; Павлюк К. О составлении полковых историй // Журнал ИРВИО. 1912. Кн. 5. С. 143-149; Панцержинский А. К вопросу о способах собирания исторического материала в музеях при войсковых частях // Русский инвалид. 1910. № 247; Суханов С. Войсковые истории // Разведчик. 1912. № 1108. С. 59-60 и др.

¹³ Григорович А. И. Опыт руководства к составлению полковых историй. СПб., 1913.

¹⁴ Габаев Г. С. О некоторых основных вопросах полковой историографии. М., 1912.

¹⁵ Габаев Г. С. О старшинстве войсковых частей и хрониках гренадерских и пехотных полков. СПб., 1914.

¹⁶ Бобровский П. О. Истории полков русской армии // Русский инвалид, 1901, № 84.

¹⁷ Соколовский М., Гулевич С. Полковая история в её постепенном развитии // Военно-исторический сборник. 1912. № 1. С. 15-44.

¹⁸ Григорович А. И. Перечень историй и памяток войсковых частей. СПб., 1913.

¹⁹ Например: Музей Апшеронского полка // Разведчик. 1903. № 655. С. 441; Полковой музей // Русский инвалид. 1901. № 234; Полковой музей Тамбовского пехотного полка // Русский инвалид. 1901. № 240; Суворовец. Полковой музей фанаторийцев // Русский инвалид. 1913. № 94.

-
- ²⁰ Гиллебрандт Б. Ф. Путеводитель по музею 115-го пехотного Вяземского полка. Рига, 1913.
- ²¹ Маркс Н. Обзорение предметов военной старины. Отдел I. Музеи войсковых частей. Выпуск I. М., 1912.
- ²² Очерк истории военных музеев в России (1861-1917 гг.) // Вопросы истории музейного дела в СССР. Труды НИИ музееведения. Вып. 7. М., 1962. С. 118-203.
- ²³ Разгон А. М. Исторические музеи в России. 1861-1917 гг. Дис. ... докт. ист. наук. М., 1973.
- ²⁴ Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957; Он же. Очерки военной историографии России. М., 1962.
- ²⁵ Беловинский Л. В. Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88-90.
- ²⁶ Александрова Н. В. Российские военные музеи в первой трети XX в. Из истории организации и деятельности. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
- ²⁷ Спиридонова Т. П. Музеи войсковых частей в дореволюционной России (Становление и историко-культурное значение). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- ²⁸ Кандаурова Т. Н. Войсковые музеи // Российская музейная энциклопедия. Т. 1. М., 2001. С. 108.
- ²⁹ ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4957. Л. 1-2.
- ³⁰ Воронов С. Гроховский пехотный полк // http://www.edu.yar.ru/russian/discover/02/History/History_1_Voronov.htm.
- ³¹ Петров Ф. А., Афанасьев А. К. Военно-исторический музей в Москве и его документальная коллекция (ОПИ ГИМ. Ф. 137) // Письменные источники в собрании ГИМ. Вып. 3: Материалы по военной истории России (Труды ГИМ. Вып. 92). М., 1997. С. 55.
- ³² Минёр В. Л. Воинские ритуалы российской армии в XIX - начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
- ³³ Шеин И. А. Ук. соч.

³⁴ Печень Н. А. Воспитание воинов российской армии отечественной историей (вторая половина XIX в. - февраль 1917 г.): Опыт, проблемы, уроки. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2000.

³⁵ См.: Вапилин Е. Г. Все беды в России от праздников? // Военно-исторический журнал. 2003. № 2. С. 70-73; Иванов М. В. Материалы Отечественной войны 1812 года в собрании музея Копорского полка // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2004. С. 133-143; Морозов О. Празднование 200-летия Лифляндского полка в Двинске в 1900 г. // Рейтар. 2004. № 7 (10). С. 232-238; Сухарев Ю. В. Праздники русской армии // Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 80-83 ; Фалалеева М., Юхименко Е. Дичь – господам офицерам. Меню военных праздников и юбилеев // Родина. 2000. № 11. С. 120-122.

³⁶ Исакова Е. В. Храмы – памятники русской воинской доблести. М., 1991.

³⁷ Фабрика Ю. А. Церковь и армия в России. Новосибирск, 1997.

³⁸ Приказание по войскам гвардии и Петербургского военного округа за 1912 г. Б. м., б. г.

³⁹ Правила для парадов и церемоний. СПб., 1911; Устав строевой пехотной службы 1900 г. СПб., 1906.

⁴⁰ Например: Бунин. Правило о полковом музее 127 пехотного Путивльского полка. Пенза, 1908; Положение о музее 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III полка. СПб., 1912.

⁴¹ Съезд хранителей музеев частей войск Московского военного округа. СПб., 1913.

⁴² Проект положения о войсковых музеях // Журнал ИРВИО. 1914. № 4-5. С. 291-302.

⁴³ Расписание гренадерских и драгунских полков с показанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены. СПб., 1884; Расписание 164 пехотных полков с показанием старшинства и знаков отличий, которые должны быть им присвоены. СПб., 1884.

⁴⁴ Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990; Он же. Старая армия. Офицеры. М., 2005; Шихлинский А. А. Мои воспоминания. Баку, 1984.

⁴⁵ Милоданович Е. А. Воспоминания командира 108-го пехотного Саратовского полка // Военная быль. 1969. № 97. С. 1-8; 1-й армейский корпус в войну с Японией 1904-1905 гг. По дневникам, запискам и письмам участников. СПб., 1909; Шикунц Ф. И. Дневник солдата в русско-японскую войну. Ч. 1. На полях Манчжурии. СПб., 1909; Erlebnisse und erinnerungen aus dem russisch-japanischen Kriege von Friedrich von Nottbeck, Reservefänrich der russischen Armeeninfanterie. Berlin-Leipzig, 1907.

⁴⁶ Базедов Г., фон. Путевые впечатления о военной России // Военный сборник. 1911. № 10. С. 177-204; Пфейль Р., фон. Прусский офицер на русской службе (русско-турецкая война 1877 и 1878 гг.) // Русский вестник. 1892. Т. 221. № 8. С. 223-260.

Глава 1

Исследования по истории войсковых частей

1.1. Предпосылки и причины развития историй войсковых частей.

Первые истории войсковых частей появляются задолго до последней четверти XIX в. Однако, именно с этого времени подобные исследования развиваются особенно активно.

Первые шаги по увековечению событий из истории конкретных воинских частей были сделаны практически одновременно с созданием в России регулярной армии, то есть при Петре I. По его повелению были составлены так называемые полковые сказки, в которых офицеры и солдаты «сказывали» по памяти эпизоды из истории полка и своей службы. Эти «сказки» создавались в 1711-1721 гг.¹

Далее наступает продолжительный перерыв, в течение которого данная отрасль военной истории практически не развивалась.

Более того, на протяжении последующих лет был предпринят ряд мер, серьёзно усложнивших задачу историкам последующих времён. Так, по приказу графа Х. А. Миниха все полковые дела были сданы на «вечное хранение» в гарнизоны. При этом надлежащих условий для их хранения обеспечено не было. В итоге многие документы полковых архивов погибли. Император Петр III и вовсе упразднил полковые канцелярии².

Следующим, кто вновь обратил внимание на значение полковой истории, был граф С. Р. Воронцов, командовавший в 1770-1776 гг. 1-м гренадерским полком. В своей инструкции ротным командирам 1774 г. он чётко обрисовал военновоспитательное значение полковых историй. Инструкцией, в частности, предписывалось объяснять нижним чинам полковую историю и внушать им «любовь и привязанность к полку, в котором служит, а как честь, которую полк заслужил, всякий и на свою долю делит, что и справедливо в некоторых случаях, а у рядовых и нужно сохранять и умножать сие мнение»³.

Спустя 25 лет после появления инструкции С. Р. Воронцова, необходимость создания «исторического описания о всех полках и батальонах, от самого формирования каждого полка, все того полка движения, походы и военные действия»⁴ отмечал и наследник российского престола, занимавший в то время должность петербургского военного губернатора Александр Павлович. По его же предложению Государственная военная коллегия приказала всем частям войск предоставить справки о времени формирования полка и о последующих переформированиях «с изъяснением бывших их походов и действий против неприятеля, где и когда именно». Впредь в каждом полку или отдельном батальоне должны были вестись журналы, в которых бы отмечались все перечисленные выше сведения. Журналы эти предписывалось ежегодно в первых числах января высылать в Военную коллегию⁵.

В том же 1799 г. была издана «Хроника российской императорской армии», составленная князем С. Н. Долгоруковым. В ней содержались сведения о времени формирования полков, их участии в войнах, местах квартирования, шефах, знамёнах, штандартах и мундирах. Работа эта страдала наличием значительного количества ошибок и противоречий.

Первая попытка составления некоего подобия полковой истории была предпринята в царствование императора Александра I Н. Сипягиным в 1810 г., который составил таблицу-хронику л.-гв. Семёновского полка.

Первой же в полном смысле слова полковой историей, хотя и очень сжатой, стала работа А. А. Писарева «Подробное известие о л.-гв. Семёновском полку», опубликованная в 1811 г. в № 13 «Военного журнала». В предисловии к ней издательства говорилось: «Многие полки в своих летописях нашли бы подвиги, которыми могли бы гордиться, удовлетворить ими своему честолюбию, и были бы ими воспламенены к поддержанию своей славы... Нельзя не надеяться великих последствий, ежели б каждому полку вышла история, подобная той, которую полковник Писарев здесь сообщает читателям. Пример его не только что заслуживает похвалу всякого истинного россиянина, но ещё достоин подражания». Позднее

она была переиздана в «Военных письмах» в 1817 г. и отдельной брошюрой в 1911 г.

Значительным толчком к развитию полковой историографии стали победы русской армии в кампаниях 1812-1814 гг.

В последующие за этими войнами годы вышло несколько работ, посвящённых историям полков русской армии. Так, в 1816 г. появилась первая отдельно напечатанная полковая история. Это было «Краткое начертание истории гренадерского графа Аракчеева полка с 1808 по 1815 гг.». Автором был командир полка Б. Я. Княжнин. К истории были приложены биографии офицеров полка, погибших за время кампаний 1812-1814 гг. на русском и французском языках. В продажу эта книга не поступала, а раздавалась лично графом А. А. Аракчеевым.

Следующими по времени издания полковыми историями стали истории пяти гренадерских полков (Санкт-Петербургского, Киевского, Таврического, Екатеринославского и Московского), опубликованные вышеупомянутым А. А. Писаревым в «Военных письмах».

В 1818 г. была издана подпоручиком В. Телегиным краткая история 1-го карабинерного полка за 1788-1818 гг.⁶

Близкой полковым историям по содержанию категорией литературы были также описания военных действий полков, изложенные в виде дневников или воспоминаний. Во время Отечественной войны 1812 г. некоторые полковые командиры вели подённые записки или поручали это дело другим офицерам. Так, шеф 1-го егерского полка М. Карпенко 13 июня 1812 г. издал приказ, в котором помимо прочего говорилось: «Чтобы подвиги наши не сокрылись по полку чрез малое время в неизвестности, подобно как предшественников наших от невнимания на то их начальников полка, то один из нас, предназначенный нами, будет описывать всю военную полковую бытность, изображая движения и военноподвиги полка и каждого порознь отличия. Ему предоставляем мы, как равному соучастнику в пожертвованиях собою с нами, написать в память тех, которые из нас лишатся жизни в боях, всё то, чего они, по общему мнению, достойны были. Еже-

ли же, чрез раны или смерть, не станет при полку сего наблюдателя, тогда пусть другой кто из вас воспримет труды его»⁷. Ведение ежедневных записок о боевой жизни полка было поручено майору М. М. Петрову. Выйдя в отставку, он привёл в порядок эти записи и составил «Журнал военных действий 1-го егерского полка в 1812-1814 гг.». Сам журнал издан не был, но в 1843 г. в журнале «Москвитянин» были частично опубликованы воспоминания М. М. Петрова, при создании которых автор использовал и «Журнал...»⁸. В примечании к рассказам М. П. Погодин писал: «Что, если бы все полки, действовавшие в 1812 году, имели подобные, каждый о своих действиях! Какое драгоценное пособие для истории и вместе живительное чтение для воинов!»⁹.

Кроме того, в качестве примера можно также назвать «Журнал или записки войны, открытой французами в России 1812 г. июня 12-го дня, а прекращённой россиянами в Париже 1814 г., писанные на маршах и биваках Украинской казачьей дивизии полковником Похвисневым» (изд. 1830 и 1833 гг.) и «Русские сцены из Отечественной войны 1812 г., записки корнета Бессмертного (Александрийского) гусарского полка» (изд. 1837 г.).

После этого в истории развития полковой историографии наступает перерыв приблизительно на 15 лет, закончившийся в конце 1840-х гг. Начиная с этого времени и до середины следующего десятилетия были изданы истории десяти полков, в том числе — «Очерк истории Тобольского пехотного полка» А. В. Висковатова (1854 г.). А. В. Висковатов, известный благодаря составлению многотомного «Исторического описания одежды и вооружения российских войск», был первым полковым историком, не являвшимся офицером данного полка. Его перу принадлежат истории трёх полков русской армии — Кавалергардского, л.-гв. Измайловского и вышеупомянутого Тобольского пехотного. Сам А. В. Висковатов преподавал математику в 1-м кадетском корпусе, затем служил в Гидрографическом депо Морского министерства¹⁰.

Об усилившемся внимании к жанру полковых историй свидетельствует и факт появления рецензий на труды в данной области, причём не только в специа-

лизированных военных изданиях, но и в таких журналах, как «Современник», «Отечественные записки» и «Библиотека для чтения».

В 1860 г. в «Русском вестнике» М. И. Семеvским был сделан первый общий обзор полковых историй. В нём рассматривались работы, вышедшие в 1830-1859 гг.¹¹.

Начало рассматриваемого периода характеризуется коренными преобразованиями в военной сфере. Одной из важнейших реформ стало введение всеобщей воинской повинности. Именно в это время в армии стало уделяться серьёзное внимание изучению истории конкретных частей, а также воспитанию личного состава на традициях предыдущих поколений. Интерес к истории полков проявился в написании исторических трудов, создании в войсковых частях музеев и т. п.

В числе причин, приведших к увеличению интереса к истории конкретных воинских частей можно назвать следующие:

1. Ранее, при длительных сроках службы нижних чинов (с 1859 г. был установлен срок службы в 15 лет) в каждой части были свои ветераны – живые носители традиций. В 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность. Срок действительной службы в пехоте составил 6 лет, после чего солдат зачислялся на 9 лет в запас. В Туркестанском военном округе, а также в Семипалатинской, Забайкальской, Якутской, Амурской и Приамурской областях общий срок службы составлял 10 лет, из них 7 – на действительной. Для лиц, имевших образование, срок службы снижался. Уже в 1876 г. срок действительной службы был сокращён до 5 лет, в 1878 г. – до 4 (в Туркестанском военном округе – 6 лет), а в 1905 г. – до 3 лет в пехоте и пешей артиллерии. В результате возникла необходимость привить солдатам гордость за свою часть и знание её истории и традиций за относительно короткий срок действительной службы. То есть, в этот период как никогда ранее стало очевидно военно-воспитательное значение полковых историй. Одним из первых это подчеркнул в предисловии к вышедшей в 1874 г. истории 14-го уланского Ямбургского полка¹² её автор, В. В. Крестовский. По его словам, заменяя ветеранов, являвшихся «живыми носите-

лями духа, закала и преданий», полковые истории сохраняют при отсутствии этих ветеранов и коротких сроках службы «преемственность боевого духа и преданий»¹³.

2. Другим стимулом для изучения истории полков стали юбилеи их существования, праздновавшиеся в конце XIX – начале XX в. Дело в том, что значительное количество полков русской регулярной армии было сформировано в начале XVIII в. (при создании регулярной армии), в конце того же столетия (при Павле I) и в начале XIX в. (в эпоху Наполеоновских войн и непосредственно перед ними). В приказах по военному ведомству 1884 г. №№ 96¹⁴ и № 252¹⁵ была окончательно закреплена система старшинства полков русской армии. И хотя эта система была довольно несовершенной, именно она определяла даты, с которых полки могли официально отсчитывать свою историю. В соответствии с этими приказами на период с 1884 г. по 1914 г. пришлось празднование двухсотлетних юбилеев тридцати четырёх пехотных и шести гренадерских полков, столетних – ста восьми пехотных и четырёх гренадерских. Во многих случаях написание полковой истории и создание музея части приурочивалось к этим юбилеям.
3. Помимо вышеперечисленных, ещё одним толчком к изучению истории войсковых частей в некоторой мере послужили успехи русской армии в войнах второй половины XIX в. В частности, успешное окончание Кавказской войны и, в особенности, победоносная для России русско-турецкая война 1877-1878 гг.

Качественным отличием рассматриваемого периода развития полковой историографии от предыдущих стало появление документов, регламентирующих все аспекты их создания – финансирование и организацию исследовательских работ и издания истории, содержание и структуру текста, процедуру подготовки трудов к публикации и т. д. Работа полковых историков начинает контролироваться военным командованием (от начальника дивизии и выше). Кроме того, в конце XIX в. появляются многочисленные публикации в военной печати, посвя-

щённые разработке различных вопросов полковой историографии. Выходят рекомендации и пособия для полковых историков.

В 1909 г. при Императорском русском военно-историческом обществе был учреждён особый Разряд полковых и корабельных историй, а в следующем году при нём в свою очередь была образована комиссия по разработке вопросов полковой историографии. Само общество было основано в 1907 г. и ставило себе целью «изучение военно-исторического прошлого русского народа во всех его проявлениях»¹⁶. Помимо указанного разряда было ещё два – Разряд военной археологии и археографии и Разряд истории войн.

1.2. Политика органов военного руководства в вопросе развития исторических исследований в войсках.

Первым официальным документом, регламентирующим развитие полковой историографии, стало изданное в 1874 г. постановление Военного министерства, которым в целях «поощрения составления истории полков» были положены порционные деньги по 3 руб. в сутки для штаб-офицеров и по 1 руб. для обер-офицеров, командируемых в Санкт-Петербург для архивных изысканий¹⁷. Таким образом, впервые высшим командованием на официальном уровне была признана важная роль историй войсковых частей в воспитании войск. В дальнейшем развитие полковой историографии шло под контролем Военного министерства и регламентировалось приказами и циркулярами.

Как уже говорилось выше, важным толчком к развитию этого жанра военно-исторической литературы стали победы русской армии в кампаниях второй половины XIX в.

Так, великий князь Михаил Николаевич, бывший в 1863-1881 гг. наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказской армией, обратил внимание на составление историй полков, участвовавших в Кавказской войне в целях «сохранить для потомства по возможности полное и подробное повествование тех подвигов, которые были совершены частями войск и отдельными лицами в течение продолжавшейся 60 лет непрерывной войны с горцами»¹⁸.

Необходимо отметить, что в Кавказском военном округе делу составления полковых историй придавалось очень большое значение. Особо следует отметить работу Военно-исторического отделения (позднее отдела) при штабе округа под руководством И. С. Чернявского, В. А. Потто, В. И. Томкеева и С. С. Эсадзе, существовавшего в 1880-1920 гг. В. А. Потто сам был автором нескольких полковых историй, в том числе истории 44-го драгунского Нижегородского полка в одиннадцати томах¹⁹. В задачи отдела, помимо прочего, входило редактирование полковых историй, помощь полковым историкам в их работе. Более того, отдел издавал истории частей на свои средства. В результате деятельности отдела почти все полки Кавказского военного округа уже к началу XX в. имели свои истории. Только к 1887 г. отделом были опубликованы двадцать две истории войсковых частей²⁰, в том числе и истории полков армейской пехоты²¹. Продолжалась эта работа и в последующие годы.

Ещё более важным толчком к развитию полковой историографии послужила русско-турецкая война 1877-1878 гг. Необходимость наличия в каждом полку книги, описывающей его историю, для многих военных стала очевидна во время боевых действий. Вот что, например, записал в своём дневнике во время войны командир 61-го пехотного Владимирского полка Артамонов: «Сожалею, что у владимирцев нет истории. Я был бы рад добыть документы и хоть какие-либо записки. С помощью их готов бы был на досуге и сам заняться на первый случай краткой историей, а там найдутся продолжатели. Ведь у полка много славного прошлого, да и в настоящем не дурную славу он переживает. Всё это для многих владимирцев пропадёт в неизвестности, между тем доблестью предков живёт потомство и наживает новую славу»²². В то же время очевидна некоторая растерянность автора приведённых выше строк и отсутствие у него чёткой программы действий по составлению истории своего полка. Можно сказать, что к этому моменту назрела острая необходимость в документах, более чётко и подробно регламентирующих такую работу.

Разработка таких документов была начата уже в ходе войны. В начале 1877 г. главнокомандующий действующей армией приказал, чтобы во всех отдельных частях армии велись подробные дневники военных действий, «дабы облегчить в будущем составление верных описаний и сохранить в памяти будущих поколений сведения о славных военных деяниях их предшественников»²³. Уже после окончания войны, 3 января 1879 г. вышел приказ наследника цесаревича Александра Александровича по Гвардейскому корпусу за № 1, предписывающий полкам корпуса составить описания их участия в прошедшей войне. В приказе, в частности, говорилось: «истории полков служат одним из важных залогов нравственной силы частей войск; сохраняя основные традиции и боевые предания, они составляют одно из средств для поддержания славы и чести полков; из примеров прошлого молодёжь приобретает любовь и уважение к своей части и рвение к подвигам в будущих войнах»²⁴.

Уже через двадцать три дня, 26 января того же года, выходит аналогичный приказ по войскам гвардии и Петербургского военного округа за № 9. В нём предписывалось всем частям округа составить очерки об участии в кампании 1877-1878 гг. Значение этой работы определялось в приказе так: «Правдивые и систематические очерки эти представляют ценный вклад для военной истории — *этого дорогого хранилища боевого опыта*, изучение которого для каждого военнослужащего, в особенности при современном состоянии военного дела, есть неременное условие свято исполненного служебного долга»²⁵.

Для сбора и обработки материалов к истории в каждой части назначался один офицер, освобождавшийся от служебных занятий. Составители историй должны были руководствоваться при написании историй уже изданными трудами подобного рода.

В приложении к приказу давались общие рекомендации составителям историй²⁶:

- 1) Описание должно обнимать весь период времени, начиная с объявления мобилизации до возвращения части на постоянные квартиры и приведения её в мирное состояние.
- 2) Оно должно быть подробно и относиться с одинаковым вниманием как к действиям боевым, так и походным движениям, мерам охранения и разведывания, бивачному расположению, способам довольствия, состоянию материальной части, порядку ведения полковой, ротной, эскадронной и батареейной отчётности и т. п.
- 3) Изложение событий должно быть строго правдивое и беспристрастное, основанное на официальных документах (дневниках, приказах, реляциях и т. п.), памятных записках участников, служивших и служащих в части и, наконец, их личных воспоминаниях.
- 4) Для более правильной и всесторонней оценки выдающихся фактов, подробный разбор их включить в число задач обязательно исследуемых на военных беседах.
- 5) В описаниях указывать источники, из которых факты были взяты, и
- 6) К описаниям прилагать:
 - а) именные списки всех офицеров, участвовавших в походе, убитых, раненых и георгиевских кавалеров, и
 - б) перечень оказанных нижними чинами подвигов, с подробным изложением обстановки каждого из них.

Позднее аналогичные приказы были изданы во всех остальных военных округах.

23 июня 1879 г. генерал-адъютант М. Д. Скобелев циркулярным предписанием по войскам 4-го армейского корпуса № 3625 приказал собрать и привести в порядок документы о походе 1877-1878 гг. с целью «сохранить в памяти доблестные события минувшей войны». В дальнейшем предписывалось «приступить к подробным описаниям участия в войне отдельных частей войск, которые не только послужат средством для поддержания чести и славы части, но из которых слу-

жащие в будущем приобретут любовь и уважение к своей части и рвение к подвигам в будущих войнах»²⁷.

После воцарения императора Александра III наступает, по выражению М. Соколовского и С. Гулевича, «золотое царство полковой историографии». Уже в 1882 г. появился циркуляр Главного штаба № 276, в котором были впервые официально установлены правила для полковых историков. Кроме того, циркуляр этот решал ещё одну важную проблему — финансирование издания трудов полковых историков из казны²⁸.

В дальнейшем, уже при следующем императоре — Николае II, 16 сентября 1904 г. появился новый циркуляр Главного штаба, заменивший аналогичный документ 1882 г. В нём, в частности, указывалось на то, что составление полковых историй поручается иногда слабо подготовленным к такой работе людям²⁹. Отмечалось также, что объём этих работ зачастую становится чрезмерно большим за счёт включения в них сведений, не имеющих непосредственного отношения к истории полка. Кроме того, обращалось внимание на неэкономное расходование средств на издание историй. Учитывая всё это, при составлении полковых историй предписывалось руководствоваться следующими правилами:

1. Предварительно приступая к составлению истории полка полковой командир обязан озаботиться выбором вполне способного для сего офицера.
2. Вся разработка истории должна быть, прежде всего, исполнена на месте, по имеющимся в полковом архиве и полковой библиотеке рукописным и печатным источникам.
3. Вполне оконченную по сим материалам работу следует представить начальнику дивизии для рассмотрения в дивизионном штабе, который должен дать заключение как о литературных достоинствах труда, так о пробелах, нуждающихся в пополнении по материалам столичных и других архивов.
4. Если труд удостоивается одобрительного отзыва, то начальнику дивизии предоставляется ходатайствовать о командировании составителя полковой летописи в Санкт-Петербург для окончательной разработки труда по материалам,

имеющимся в архивах Главного штаба. Командировки эти допускаются лишь один раз и на срок не свыше 6 месяцев, с 1-го ноября по 1-е мая.

5. Офицеры, прибывшие в Петербург для окончания полковых летописей, прикомандировываются на вышеупомянутый срок к Главному штабу, с отпуском порционных денег: штаб-офицерам по 3 руб., а обер-офицерам по 1 руб. 50 коп. в сутки. Право на получение порционных денег не распространяется на офицеров войсковых частей, расположенных в Петербурге.

Сверх того, составителям полковых историй, командированным в Петербург и Москву, выдаются предложения на проезд по железным дорогам и суточные за время передвижения деньги, применяясь к приказу по военному ведомству 1879 г. № 246.

Если является необходимость во второй, третьей и т. д. командировках, то таковые могут быть разрешены по ходатайству начальника дивизии, но без расходов для казны.

6. Составленная полковая история может быть представлена в Главный штаб или, для рассмотрения на предмет выдачи пособия для её напечатания, в тщательно переписанной рукописи, или для возмещения, также после рассмотрения расхода по изданию, в окончательно напечатанном виде. В последнем случае, при неодобрении истории, Главный штаб не возмещает пособием расхода на неё.
7. Пособие на печатание полковых историй, одобренных Главным штабом, определяется в 1000 руб. для полков, существующих 100 и более лет, и 500 руб. для частей, имеющих 50-летнюю историю. Издания эти обращаются в собственность автора³⁰.

В апреле 1909 г. при Императорском русском военно-историческом обществе был образован Разряд полковых и корабельных историй, а в следующем 1910 г. при этом разряде — комиссия по разработке вопросов полковой историографии. Разрядом и комиссией были выработаны ряд проектов положений: о ведении в войсковых частях исторических дневников с целью постепенного накопления материала; о составлении описей полковых дел; о порядке хранения дел в войсковых

архивах с целью сохранения для будущих исследователей достаточного материала; о порядке составления полковых историй и о денежных суммах на их издание (на замену циркуляра Главного штаба 1904 г. № 260)³¹. Кроме того, разряд корабельных и полковых историй занимался исправлением исторических хроник некоторых полков³².

В том же 1910 г. выходит ещё один циркуляр (№ 224). В нём право принятия решения о печатании истории предоставлялось командирам дивизий и лицам, равным им по власти. После ознакомления с рукописями они, в зависимости от оценки данного труда, могли «или ходатайствовать перед Главным управлением Генерального штаба о выдаче пособий на издание, или разрешать их печатание, если в пособии нет надобности, или, наконец, предписывать переработать их, если представленная история части не отвечает упомянутым требованиям или вообще составлена неудовлетворительно в отношении полноты, литературности изложения и т. п.»³³.

Вместе с тем, по-прежнему продолжают издаваться приказы по корпусам и военным округам, подчёркивающие значение историй войсковых частей и предписывающие полкам их написание.

Так, в приказах командира Гренадерского корпуса генерал-адъютанта А. Д. Столыпина от 26 августа 1887 г. № 75 и от 13 августа 1888 г. № 58 отмечалось важное значение полковых историй для воспитания солдат. В результате в 1888-1890 гг. все шестнадцать полков Гренадерского корпуса обзавелись краткими историями.

В приказе по войскам Виленского военного округа генерала от инфантерии В. Н. Троцкого от 28 сентября 1896 г. за № 154 было сказано: «Придаю особенное значение знакомству всех чинов с историей своих частей. Полагаю, что правильное воспитание войск должно быть ведено именно в духе любви к их славному боевому прошлому, тщательно собираемому в летописи частей»³⁴.

В 1904-1905 гг. русская армия участвовала в русско-японской войне. Несмотря на то, что война эта была для России неудачной, после её окончания, так

же как и после русско-турецкой войны 1877-1878 гг., было издано несколько очерков участия в ней полков, в основном пехотных.

Работа по усовершенствованию правил для составителей полковых историй продолжалась вплоть до начала Первой мировой войны. 20-26 апреля 1913 г. по инициативе Московского отдела Императорского русского военно-исторического общества в штабе Московского военного округа состоялся съезд хранителей полковых музеев частей войск этого округа³⁵. На нём был выработан проект положения о войсковых музеях и исторических комиссиях, собирающих материалы для истории части.

В соответствии с проектом составление полковых историй возлагалось на учреждавшиеся в частях исторические комиссии. Комиссия в количестве четырёх человек³⁶ избиралась в каждой части общим собранием офицеров и утверждалась командиром части. В её состав могли войти как наличные офицеры, так и офицеры, находившиеся в отставке. Председателем комиссии становился старший из её членов. Обязательным членом комиссии должен был быть хранитель музея полка. В случае убыли кого-либо из членов исторической комиссии немедленно назначались новые выборы. Каждый член исторической комиссии части имел право быть также действительным членом Императорского русского военно-исторического общества без выборов и членских взносов³⁷. Обязанности исторических комиссий определялись следующим образом:

1. Собирать материалы для истории своей части.
2. Вести подробную хронику (дневник) текущей жизни части, беспристрастно записывая для этого все события жизни части, иллюстрируя их снимками и пр.
3. Заботиться о пополнении уже составленной истории своей части.
4. Вести самостоятельную переписку по вопросам, касающимся истории части.
5. Ежегодно передавать хронику (дневники) и сборники материалов за истекший год на хранение в музей.
6. При возникновении вопроса о каких-либо переменах формы обмундирования и снаряжения, а также об изменении названия части или установлении новой

шифровки или нумерации её, должна мотивированное мнение высказать и доложить командиру части.

7. Возбуждать ходатайства о восстановлении той или иной принадлежности формы обмундирования или снаряжения своей части, но каждый раз с заключением Русского императорского военно-исторического общества.
8. 15-го января каждого года докладывает командиру полка и общему собранию офицеров о своей деятельности и намеченной программе.
9. Члены исторической комиссии командировются в различные архивы и другие древлехранилища для собирания материалов по истории своей части, пользуясь при этом правом служебных командировок.
10. Для более успешной работы войсковой исторической комиссии Русское императорское военно-историческое общество оказывает возможное содействие.
11. В военное время обязанности войсковой исторической комиссии распространяются на нравственную ответственность всех чинов части³⁸.

Таким образом, развитие полковой историографии в рассматриваемый период проходило под эгидой внимания к этой отрасли военно-исторической литературы Военного министерства, старавшегося регламентировать и упорядочить процесс создания полковых историй.

1.3. Основные этапы составления истории войсковой части.

Решение о составлении истории полка могло приниматься под влиянием различных причин. Чаще всего издание полковой истории приурочивалось к юбилею части. Богато оформленный экземпляр истории зачастую подносился императору, шефу полка или другой высочайшей особе. Например, 26 ноября 1896 г., во время празднования столетнего юбилея 145-го пехотного Новочеркасского полка Николаю II была преподнесена его история, написанная офицером полка Д. А. Шелеховым³⁹, а 15 июля 1900 г. главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа великому князю Владимиру Александровичу поднесли историю 85-го пехотного Выборгского полка, отмечавшего в том году свой двухсотлетний юбилей⁴⁰.

Были и другие причины, которые могли повлиять на решение общества офицеров полка приступить к составлению полковой истории. Вот как описываются обстоятельства, ставшие причиной решения о составлении истории 65-го пехотного Московского полка:

«Собрание материалов для этой истории началось ещё с осени 1886-го года, а толчком для этого послужило следующее обстоятельство: после парада в высочайшем присутствии 2-го сентября 1886-го года, его императорское высочество шеф полка (наследник цесаревич Николай Александрович – *И. Х.*) был в строю своей роты; офицеры, в воспоминание об этом событии, решили поднести августейшему шефу серебряный портсигар и стали составлять рисунок его, здесь-то и выяснилось, что никто в полку не знал, в каких боях полк наиболее отличился, чтобы сделать перечень их на портсигаре, тем более, что на долю москвичей в последнюю русско-турецкую войну, участники которой ещё были налицо, особенно громких подвигов не выпало; в полку же до сих пор, кроме грамот полка на серебряные трубы и Георгиевские знамёна да краткой хроники с перечнем изменений названий полка, никаких документов не имелось. Вследствие этого полковник Сюннерберг тогда же выразил желание поскорее иметь историю полка и составление её возложил на поручика Смирнова I-го, под своей непосредственной редакцией. Один экземпляр этой истории, в красном кожаном переплётё, вытребованный Главным штабом, был поднесён при посредстве Военно-учёного комитета его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу...»⁴¹.

О начале работ по составлению полковой истории объявлялось в приказе по полку. Вот один из таких приказов, отданный в 69-м пехотном Рязанском полку в январе 1871 г.:

«Штабс-капитан Костылёв взял на себя труд составления истории полка; объявляя об этом, я (командир полка - *И. Х.*) уверен, что все чины полка по мере возможности станут помогать ему в успешном исполнении этого важного труда сообщением известных им документов, источников и наконец словесных преданий из прошлой жизни полка, жизни всегда честной, неизменно отличавшейся

преданной службой Отечеству и Государю, и когда Бог приводил на боевое поле, действовали честными и храбрыми подвигами»⁴².

После принятия решения о составлении истории войсковой части необходимо было выбрать её автора. Им мог быть офицер полка (что бывало чаще всего) либо профессиональный историк или офицер другой части. По этому вопросу в военной печати того времени велась активная дискуссия.

Часть специалистов в области полковой историографии придерживалась мнения, что только человек, служащий в полку может написать полную и достоверную её историю, и только в исключительных случаях можно прибегать к помощи лиц со стороны⁴³. Отмечалось, что историки, работающие по найму, выполняют эту работу не добросовестно — затягивают сроки выполнения, раздувают объём (те, кто работают «от печатного листа»). Часто работа, составленная таким историком, была простой компиляцией общих трудов по военной истории и истории военного искусства⁴⁴.

Другие полковые историки не придавали большого значения месту службы автора полковой истории. Так, П. О. Бобровский считал, что составление такого труда может быть доверено как своему офицеру, так и офицеру из другой части. Размышления по этому поводу привели его к следующему выводу: собирать материалы для своей истории могут строевые офицеры, обладающие средним образованием, прошедшие курс юнкерских училищ, но от составителя истории требуется известная степень подготовки и опытность⁴⁵.

Во многих случаях работа велась приглашёнными специалистами, в помощь которым придавались офицеры полка, которые, как отмечалось, являясь представителями части и носителями её традиций, могли принести большую пользу, помогая специалисту, чем работая самостоятельно. Приглашение специалистов диктовалось многими причинами: отсутствием достаточного для написания истории времени у офицеров в связи с многочисленностью их служебных обязанностей, отсутствием у офицеров навыков архивной работы, необходимость наличия у автора истории мало-мальского литературного таланта (стилю, которым была напи-

сана история, уделялось достаточно серьёзное внимание при её рассмотрении и принятии решения о её издании). К числу наиболее известных историков, занимавшихся составлением полковых историй можно отнести вышеупомянутых А. В. Висковатова и В. А. Потто⁴⁶.

В некоторых случаях количество авторов истории или людей, собиравших для неё материалы, могло составлять несколько человек. Так, проектом положения о войсковых музеях и исторических комиссиях работы по сбору материалов для истории части возлагались на последние, состоявшие из четырёх человек⁴⁷. Ещё за двенадцать лет до этого о необходимости учреждения таких комиссий писал В. В. Жерве, считавший, что в её состав должно входить 6-7 офицеров.

П. О. Бобровский высказал мнение, что в каждой части необходимо выделять по меньшей мере двух-трёх офицеров для работы в центральных архивах и одного — в полковом архиве. В случае, если вся работа по составлению истории будет возложена на одного офицера, считал П. О. Бобровский, он на несколько лет будет оторван от строевой службы и потеряет к ней навык⁴⁸. А. З. Мышлаевский советовал для облегчения трудов полкового историка посылать вместе с ним для работы в архиве одного-двух грамотных писарей⁴⁹.

Затем начиналась непосредственная работа над составлением полковой истории. В большинстве случаев свою работу полковой историк начинал с изучения дел полкового архива и других исторических материалов, хранящихся в полку. Значительно облегчалась задача исследователя в том случае, если у него были предшественники. Материалы, собранные ими могли послужить хорошим подспорьем при создании полковой истории. Значительно облегчить труд историка мог и исторический дневник части. 28 декабря 1872 г. вышел приказ по войскам гвардии и Петербургского военного округа за № 244, которым войсковым частям предписывалось вести такие дневники. Но в большинстве случаев эта практика прекратилась через несколько лет⁵⁰.

Кроме архивных материалов, естественно, полковые историки пользовались и печатными трудами по военной истории. Это могли быть описания войн и кам-

паний, биографии военных деятелей, мемуарная литература, истории частей, совместно с которыми полк участвовал в боевых действиях.

Важным источником служили также воспоминания однополчан (опубликованные или рукописные). В некоторых случаях полковой историк, приступая к сбору материалов, обращался к бывшим офицерам полка с просьбой выслать свои записки. Такие объявления публиковались, как правило, в периодической печати. Однако, как отмечали некоторые историки, этот метод был не очень эффективен. В частности, об этом писал автор истории 51-го пехотного Литовского полка К. Павлюк, разместивший подобные объявления в газетах «Русский инвалид» и «Крым»⁵¹. В других случаях такой метод сбора сведений был оправдан. Например, на призыв составителей истории 129-го пехотного Бессарабского полка откликнулись три бывших сослуживца (два полковника и генерал-майор)⁵².

О том, какие материалы могли оказаться в распоряжении полкового историка можно получить представление на следующем примере. На втором заседании комитета по вопросу об устройстве полкового исторического музея и составлении истории 12-го гренадерского Астраханского полка в 1904 г. задача написания истории была возложена на поручика Базначева. Для этого ему предоставлялись следующие материалы: а) одна папка черновых материалов 1877-1878 гг., выбранных из полкового архива; б) два экземпляра чистовых материалов по истории полка, собранных майором Носом (один экземпляр разрознен); в) десять глав истории полка, разработанные капитанами Посниковым и Селивановым; г) один экземпляр (9 глав) истории полка, обработанный штабс-капитаном Полуниным; д) экземпляр чистовых материалов по истории полка с 1700 по 1732 гг.; е) один экземпляр материалов и документов, собранных вместе с выписками из газет; ж) один экземпляр истории полка (1877 г.), разработанной штабс-капитаном Полуниным; з) описание обмундирования войск 862-1700-1881 гг.; и) материалы из истории полка, собранные бывшим командиром полка генералом Крюковым (7 тетрадей); к) книга кратких биографий командиров полка, составленная штабс-капитаном Полуниным; л) один экземпляр корректуры краткой истории полка,

составленной полковником Тимофеевым; м) 14 книг исторического содержания; н) папка с вырезками из газет; о) материалы 1900-1904 гг.; п) десять коробок с негативами фотографий, на которых были запечатлены торжества по случаю двухсотлетия полка, (сделаны штабс-капитаном Гернет)⁵³.

О том, что основные источники для написания истории части хранятся в её архиве, писал в 1884 г. А. Луганин. Он обращал внимание исследователей на такой важный по его мнению источник, как месячные и годовые рапорты и отмечал недостаточную степень их использования полковыми историками. Среди других документов, хранившихся в полковых архивах и имевших большое значение для исследователей, А. Луганин называл приказы по полку, входящие и исходящие журналы, судебные дела и формулярные списки. Последние могли серьёзно способствовать выяснению боевого пути полка. По мнению А. Луганина после изучения формулярных списков оставалось только разработать детали по другим источникам. После того, как полковой архив будет полностью изучен, необходимо составить краткую историю со ссылками на источники. Это, как отмечал в своей статье А. Луганин, серьёзно облегчит дальнейшую работу по составлению подробной истории полка⁵⁴.

Циркуляром Главного штаба от 16 сентября 1904 г. № 260 был официально утверждён такой порядок написания полковых историй, при котором исследователь должен был первоначально написать свою работу на основании материалов, хранившихся в полковых архивах и библиотеках, после чего представить её начальнику дивизии. В случае, если этот труд удостоивался высокой оценки, автору разрешалась командировка в центральные архивы⁵⁵.

А. И. Григорович, в своём «Опыте руководства к составлению полковых историй», составленном по заданию комиссии по разработке вопросов полковой историографии при Императорском русском военно-историческом обществе и изданном в 1913 г. предлагал следующую программу работ на первом («предварительном») этапе создания полковой истории:

1. Изучение полковой хроники;

2. Составление программы подлежащего сбору материала;
3. Составление списка офицеров;
4. Обращение к офицерам, служащим в полку продолжительное время и к бывшим, с просьбой о доставлении записок;
5. Работы в библиотеках и архивах полка, штабов дивизии и корпуса;
6. Составление боевой хроники полка;
7. Просмотр и выборки из описаний войн, в коих полк участвовал и исторических журналов;
8. Просмотр историй полков, с коими полк принимал участие в военных действиях в составе одной дивизии, корпуса или отряда;
9. Составление истории на основании использованного материала⁵⁶.

Итак, на первом этапе работы задача полкового историка заключалась в сборе всех материалов по истории полка, которые он мог найти, работая на месте в части, не выезжая в командировки в Санкт-Петербург или Москву.

Следующим этапом была работа в центральных архивах и библиотеках. Ещё в 1874 г. вышло распоряжение, предписывавшее выплачивать командируемым с этой целью в Санкт-Петербург штаб-офицерам порционные деньги в размере 3 руб. в сутки, а обер-офицерам – 1 руб⁵⁷.

Циркуляр Главного штаба от 16 сентября 1904 г. за № 260, развивавший изданные ранее аналогичные распоряжения, разрешал начальникам дивизий ходатайствовать о командировании полковых историков в Санкт-Петербург в архивы Главного штаба. Допускалась одна оплачиваемая казной командировка. Разрешались ходатайства и о дополнительных командировках, но без расходов для казны⁵⁸.

В вышеупомянутом «Опыте руководства...» А. И. Григоровича приводилась следующая программа деятельности в столичных архивах и библиотеках:

1. Ознакомление с хрониками и справочными изданиями, в библиотеке полка не оказавшимися;

2. Архивная работа для пополнения недостающих сведений по выработанной программе;
3. Подбор рисунков, портретов, составление и копирование карт и схем;
4. Составление истории⁵⁹.

Там же далее приводился список наиболее полезных для полковых историков архивов, музеев и библиотек. В него вошли: Общий архив Главного штаба (Петербургское отделение, Московское отделение); Военно-учёный архив Главного управления Генерального штаба (Санкт-Петербург); Архив канцелярии Военного министерства (Санкт-Петербург); Архив капитула Российских императорских и царских орденов (Санкт-Петербург); Архив Морского министерства (Санкт-Петербург); Архив Министерства иностранных дел (Москва); Государственный и Санкт-Петербургский главные архивы Министерства иностранных дел (Санкт-Петербург); Сенатский архив (Санкт-Петербург); Архив св. Синода и его библиотека (Санкт-Петербург); Архив Государственного совета (Санкт-Петербург); Московский архив Министерства юстиции; Артиллерийский исторический музей (Санкт-Петербург); Интендантский музей («магазин образцов») (Санкт-Петербург); Суворовский музей (Санкт-Петербург); Публичный Румянцевский музей (Москва); Императорская публичная библиотека (Санкт-Петербург); Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург); Библиотека Генерального и Главного штаба (Санкт-Петербург); Библиотека Общества ревнителей военных знаний (Санкт-Петербург)⁶⁰.

Некоторыми историками предпринимались попытки наладить взаимодействие между коллегами при работе в архивах. А. И. Григорович предлагал учредить особый листок или для начала хотя бы почтовый отдел при Вестнике Общества ревнителей военных знаний, где исследователи могли бы обмениваться информацией о найденных ими материалах по истории других частей⁶¹. В. В. Жерве предложил ещё более чёткую систему организации взаимодействия полковых историков. По его мнению, необходимо было при одном из центральных военных архивов образовать справочное бюро. При бюро велись бы особые книги по родам

войск, в которых исследователи оставляли бы отметки о найденных ими материалах (каждому полку в книге отводились бы несколько чистых страниц для записей). Все поступившие сведения должны были рассылаться в части войск⁶².

Несмотря на приведённый выше достаточно внушительный список архивов и библиотек, рекомендованных к посещению полковыми историками, приоритет всё же отдавался материалам, хранящимся в полку. Архивным же документам отводилась вспомогательная роль. Основной задачей исследователя, работающего в центральных архивах было восполнение пробелов, образовавшихся в ходе предварительной работы над полковой историей.

После того, как текст истории был готов, необходимо было найти средства на её издание. Стоимость издания могла быть различной, в зависимости от объёма, качества бумаги, иллюстраций, места издания и т. д. Некоторые полки имели многотомные истории. Например, 13-й лейб-гренадерский Эриванский полк имел историю в пяти томах текста с двумя приложениями⁶³, 62-й пехотный Суздальский – в шести томах⁶⁴, 80-й пехотный Кабардинский⁶⁵ и 81-й пехотный Апшеронский⁶⁶ – в трёх, 25-й пехотный Смоленский⁶⁷ и 51-й пехотный Литовский⁶⁸ – в двух.

Расходы на издание историй зачастую составляли довольно значительные суммы. Как писал А. З. Мышлаевский, приличная полковая история стоит не меньше приличного лагерного офицерского собрания⁶⁹. Так, например, издание истории Эриванского полка стоило 40 тысяч рублей⁷⁰. Деньги на издание изыскивались из различных источников. Это могли быть ежемесячные вычеты из офицерского жалованья, помощь шефов и т. д. В некоторых полках практиковались единовременные взносы впервые прибывших на службу в полк офицеров⁷¹.

Кроме того, с 1882 г. каждый полк мог рассчитывать на пособие для издания истории из казны. В этом году вышел циркуляр Главного штаба за № 276, в котором оговаривалась такая возможность⁷². Циркуляром от 16 сентября 1904 г. за № 260 устанавливались размеры этих пособий (их размеры были указаны выше). Пособия эти выдавались после представления истории на рассмотрение в

Главный штаб и только в том случае, если последний признавал их достойными издания⁷³.

Части войск Кавказского военного округа находились в более выгодном по сравнению с полками других округов положении в связи с деятельностью Военно-исторического отдела округа. Этот отдел помимо всего прочего финансировал издание историй войсковых частей.

В большинстве случаев суммы эти покрывали лишь часть расходов на издание истории. Так, 10 декабря 1896 г., вскоре после празднования 145-м пехотным Новочеркасским полком своего столетнего юбилея Главный штаб по распоряжению императора Николая II ассигновал на издание полковой истории 1000 рублей⁷⁴. Реальные же расходы на эти цели составили 1515 руб. 75 коп⁷⁵.

В результате деятельности полковых историков по подсчёту А. И. Григоровича к 1909 г. 69% гренадерских и пехотных полков имели изданные истории. На 1913 г. по его же подсчёту из 330 гренадерских, пехотных и стрелковых частей имели напечатанные истории 54, краткие очерки – 95, памятки – 148. В 38 полках истории были составлены, но не изданы. Не имело печатных исторических трудов 276 полков, памяток – 182⁷⁶.

В последующие годы процесс написания полковых историй активно продолжался. В итоге к 1914 г. печатные истории имелись у всех шестнадцати гренадерских полков и следующих пехотных: 1-го - 45-го, 47-го - 53-го, 55-го - 65-го, 67-го - 69-го, 72-го - 77-го, 79-го - 86-го, 89-го - 97-го, 100-го - 105-го, 107-го - 117-го, 119-го - 123-го, 125-го, 126-го, 129-го, 131-го - 133-го, 135-го - 143-го, 145-го, 147-го - 150-го, 152-го, 153-го, 155-го - 157-го, 160-го, 161-го, 164-го, 167-го, 169-го, 171-го, 173-го, 176-го, 179-го, 182-го, 183-го - 186-го, 188-го, 189-го, 193-го. То есть, полковые истории имелись у 76% гренадерских и пехотных полков⁷⁷. Необходимо отметить, что среди полков, не имевших печатных историй, было немало таких, которые были сформированы в XIX в. То есть, боевой путь их был слишком краток для создания исторических трудов⁷⁸.

1.4. Содержание и структура истории войсковой части.

В проекте «Положения о войсковых музеях и исторических комиссиях, собирающих материалы для истории части», разработанном на съезде хранителей полковых музеев частей войск Московского военного округа в 1913 г., давалось следующее, довольно лаконичное определение полковой истории: «войсковая история есть подробное описание всей жизни части»⁷⁹. Как видно, в этом определении даётся лишь самое общее понятие о том, какого рода информацию должна была содержать такая работа.

Содержание трудов, посвящённых истории войсковых частей определялось тем значением, которое им придавалось в военной среде и теми функциями, которые они должны были выполнять. В том же «Положении...» говорилось: «Войсковые истории, памятки и музеи, доставляя уроки для будущего, служат одним из верных залогов нравственной силы частей войск: сохраняя основные традиции и боевые предания, они составляют одно из средств для поддержания славы и чести полков; из примеров прошлого молодёжь приобретает любовь и уважение к своей части и рвение к подвигам в будущих войнах. Каждая войсковая часть обязана верить в вечность и славу свою и не должна забывать, что настанет время, когда и наши дни будут называться началом прошлого столетия. Имея особую заботу о своей истории, памятке и музее, являющимся основой воспитания, каждая воинская часть тем самым поддерживает традиции и сохраняет в памяти доблесть и славу свою»⁸⁰.

Кроме влияния подобных трудов на сохранение и приумножение традиций и поддержание нравственной силы войск, в прямую связь с работой по изучению прошлого части ставилась и её боеспособность. Как выразился один из полковых историков, «боевая деятельность, так сказать, внешнее проявление духа полка есть результат внутренней его подготовки»⁸¹. А степень «внутренней» подготовки напрямую зависела от того, насколько серьёзно и грамотно в части подходили к изучению, сохранению и пропаганде в солдатской среде истории и традиций полка.

Несмотря на все попытки регламентировать содержание полковых историй, в каждом конкретном случае оно было обусловлено множеством обстоятельств, таких, как степень подготовленности автора истории, материальные возможности части, степень интереса командира и офицеров полка к своей истории, продолжительность существования части и т. д. Поэтому практически каждый такой труд имел свои особенности, достоинства и недостатки. Тем не менее, представляется возможным выявить общие тенденции развития структуры и содержания данного жанра военно-исторической литературы в рассматриваемый период.

Из общего массива трудов, посвящённых истории войсковых частей, можно выделить два крупных их вида, отличных по содержанию, объёму и функциям. Это собственно полковые истории и так называемые краткие памятки.

Собственно полковые истории предназначались для офицеров. История части в них должна была быть освещена по возможности максимально подробно. Соответственным образом всё это определяло их содержание и структуру.

Наиболее заметным внешним отличием полковых историй от памяток был значительный объём. В среднем полковая история занимала 300-400 страниц. Были полки, имевшие истории объёмом более 600 страниц⁸². Из общего числа полков, имевших печатные истории, одна треть имела именно такие, «полноценные» истории, а ещё одна треть – и истории, и памятки. По мнению многих полковых историков и теоретиков полковой историографии полковые истории должны были быть по возможности наиболее подробными. Об этом в частности писал Г. С. Габаев⁸³. В то же время отмечалось, что историк части должен в своём труде осветить не только славные страницы боевого прошлого, но и негативные явления и события в жизни полка.

С другой стороны, специалисты отмечали, что недостатком многих полковых историй является излишне большой объём. Причиной этому служило включение в текст работы значительного количества информации, не относящейся непосредственно к боевому прошлому части. Об этом говорилось и в циркуляре Главного штаба от 16 сентября № 260, это же отмечали и многие исследователи.

Так, рецензент одного из таких трудов писал: «К недостаткам названного труда можно причислить неумение писать сжато (общее нашим историкам полков), вследствие чего сочинение разрослось до чрезмерного объёма, и введение в 2-3 местах сообщений и сведений, совершенно неуместных в официальном издании»⁸⁴.

Изложение истории полка велось в большинстве случаев в хронологическом порядке. Материал разбивался на главы, соответствующие определённому историческому периоду. Как правило, это были войны и кампании, периоды царствования императоров, промежутки между крупными военными реформами и т. п.

Правда, была попытка разработать принципиально иную схему распределения материалов. Эта схема получила название «продольной». В соответствии с ней материал распределялся не в хронологическом порядке, а по отдельным аспектам полковой жизни. Описание должно было вестись по следующим отделам:

- I. Боевые действия;
- II. Учебно-воспитательный отдел;
- III. Хозяйственная часть;
- IV. Санитарная часть;
- V. Быт.

Эта схема не нашла поддержки. Большинство исследователей критически отзывались о ней. Так, Г. С. Габаев считал, что при таком распределении материала невозможно дать целостную картину жизни полка в отдельный исторический период. Он, в свою очередь, предлагал группировать материал по вышеуказанной схеме внутри каждой главы, посвящённой той или иной эпохе⁸⁵. Против «продольной» схемы высказался и Разряд полковых и корабельных историй Императорского русского военно-исторического общества⁸⁶.

В военной литературе много внимания уделялось обсуждению вопроса, какие именно стороны жизни войсковых частей были достойны описания в полковых историях.

Основное внимание при описании прошлого части уделялось её участию в военных действиях. Причём зачастую освещались не только непосредственно сражения, но и другие аспекты боевой и походной жизни полка, такие как походный быт, организация снабжения и медицинской службы. Описывались подвиги офицеров и нижних чинов части.

Источниками для описания боевого прошлого полка могли служить как исторические труды, посвящённые той или иной военной кампании (хотя в большинстве случаев они могли помочь полковому историку только при общем описании войны, в которой полк участвовал), так и архивные документы. В числе последних особое значение при описании боевых действий полка имели журналы военных действий, диспозиции, реляции, а также послужные и формулярные списки офицеров и нижних чинов. Значительный интерес представляли и ведомости о представлениях к наградам офицеров и нижних чинов, списки награждённых орденом св. Георгия, золотым оружием «За храбрость», Знаком отличия Военного ордена (Георгиевским крестом) и Георгиевской медалью. Использовались и материалы военной и исторической периодической печати (таких изданий как «Русский инвалид», «Военный сборник», «Русская старина», «Исторический вестник», «Русский архив», «Русский вестник», «Военный журнал»). В. В. Жерве в своей статье обращал внимание полковых историков на этот вид источников. Он рекомендовал членам исторических комиссий полков просматривать ежедневно хотя бы по одной газете и ежемесячно один-два журнала. Причём важные сведения по полковой истории, отмечал В. В. Жерве, можно найти и в иностранной периодике⁸⁷.

Не менее важной сферой полковой жизни была организационная история полка, то есть его формирование, переформирования, изменения штатов, комплектование полка офицерскими кадрами и нижними чинами, изменения названия и старшинства, изменения принадлежности к той или иной дивизии, корпусу и т. д.

Основным источником в данном случае являлись высочайшие грамоты, и рескрипты, хранившиеся зачастую в полковом архиве. Информация такого рода содержалась и в приказах по военному ведомству, Полном собрании законов Российской империи, а также в справочных и энциклопедических изданиях⁸⁸. Кроме того, события такого рода находили отражение в газете «Русский инвалид» и журнале «Разведчик».

Ещё одним важным аспектом полковой истории был быт и внутренняя жизнь части. В полковой истории описывались учения, манёвры, парады, смотры, дислокация и перемещения полка, организация подготовки офицеров и нижних чинов в полку, важные происшествия, санитарное и моральное состояние полка, организация и функционирование различных полковых заведений (офицерского собрания, библиотеки, церкви, музея и т. п.), взаимоотношения с полковым шефом. Большое внимание уделялось и разнообразным торжествам и праздникам. Это были как торжества полкового масштаба (полковой и ротные праздники, тезоименитства шефов, вручение новых знамён или регалий, закладка и освящение полковой церкви, установка памятника погибшим однополчанам), так и праздники общегосударственного значения (религиозные праздники, торжества по случаю рождений наследников престола, юбилеи различных событий, таких как двухсотлетие Полтавской битвы в 1909 г., столетие Бородинского сражения в 1912 г., трёхсотлетие дома Романовых в 1913 г.).

Большая часть источников по этой тематике хранилась в полку. Это были приказы по полку, месячные и строевые рапорты, отчёты командиров полка, высочайшие грамоты на пожалования знамён и регалий. В архивах штабов дивизий хранились отчёты об инспекторских смотрах. Ценный материал о полковом быте содержался и в дневниках, записках и воспоминаниях чинов полка. Некоторые историки использовали, кроме того, и статьи из местных газет, как правило, описывавших крупные события в жизни полка, а значит и города, где он был расквартирован.

В трудах многих полковых историков отводилось достаточно много места биографическим сведениям о командирах и шефах полка, выдающихся офицерах, государственных и военных деятелях, служивших в полку. Описывалась их военная карьера, служебные и личные качества и т. д.

Как правило, в полковой истории отображались также все перемены в вооружении и обмундировании полка за время его существования. Описывалась униформа полка в различные исторические эпохи, тактико-технические характеристики вооружения, а также его оценки военнослужащими полка. Важнейшим и крупнейшим трудом, посвящённым этому вопросу, стало «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск», составленное А. В. Висковатовым⁸⁹. Труд был богато иллюстрирован. Несмотря на некоторые ошибки и неточности, работа А. В. Висковатова и на данный момент является ценнейшим источником по истории русского военного костюма. Естественно, что многие полковые историки использовали её при описании обмундирования и вооружения своей части.

Таким образом, выше был приведён основной круг тем, затрагивавшихся в полковых историях второй половины XIX – начала XX в. В дополнение можно привести перечень тем, рекомендованных А. И. Григоровичем полковым историкам. Этот перечень был наиболее полным из всех, предлагавшихся в военной печати того времени. Он состоял из следующих пунктов:

1. Хроника полка.
2. Походы и кампании.
3. Манёвры и смотры.
4. Выдающиеся случаи из жизни полка.
5. Размещение полка (дислокации, маршруты).
6. Полковая церковь (сведения о заслуживающих внимания предметах, пожертвования).
7. Санитарные условия.
8. Лагерное расположение.

9. Штатное списочное и наличное число нижних чинов, число больных, командированных, убыль и прибыль. Состав по срокам службы, губерниям, образованию.
10. Такие же, но более подробные сведения об офицерах; именной их список, с отметкой откуда прибыли, когда и куда убыли. Желательные сведения о службе и деятельности по выбытии из полка. Перечень шефов (их биографии), лиц, числившихся в списках полка и полковых командиров выделяется в особую ведомость.
11. Строевое обучение; отметки об изменениях в уставах, применение их.
12. Занятия с офицерами, сообщения, полевые поездки.
13. Пополнение и убыль конского состава. Призовая стрельба и езда. Участие офицеров в скачках.
14. Полковые суммы специального назначения.
15. Караулы и наряды.
16. Перемены в вооружении и в форме обмундирования.
17. Офицерское собрание. Содержание и средства. Жизнь собрания.
18. Полковая библиотека, средства, пополнение, каталоги.
19. Сведения о памятниках, воздвигнутых в память «предков», о братских могилах и могилах офицеров. Полковое кладбище.

Практически все специалисты отмечали необходимость правдивого описания событий полковой истории и недопустимость её приукрашивания или сокрытия неудач и недостатков. В противном случае, как отмечал генерал П. О. Бобровский, это будет не история, выполняющая задачу воспитания войск, а панегирик, от которого зачастую больше вреда, чем пользы⁹⁰. Однако, высказывались и иные мнения. Так, комментируя доклад Г. С. Габаева «О некоторых основных вопросах полковой историографии» на заседании разряда полковых и корабельных историй Императорского русского военно-исторического общества 11 февраля 1912 г., председатель разряда П. Потоцкий, в частности, сказал: «Правдивость полковой истории заключается не в том, чтобы изображать положительные и отрицатель-

ные стороны прежней полковой истории, а в том, чтобы каждый подвиг, каждое выдающееся, отрадное явление были подкреплены неопровержимым доказательством»⁹¹.

Одним из важнейших требований к трудам полковых историков было наличие ссылок на источники. Отсутствие таковых негативным образом сказывалось на оценке труда вышестоящим начальством, что, соответственно, снижало шансы на получение пособия от казны на издание книги.

О том, какое значение этому придавалось, свидетельствует следующая выдержка из отзыва об истории одного из пехотных полков: «Самым существенным недостатком истории N пехотного полка, как труда военно-исторического, является отсутствие ссылок на первоисточник, на важнейшие документы, придающие военно-историческому труду необходимый характер достоверности, и хотя в конце труда огульно и перечислены источники, но этого недостаточно, так как проверить достоверность излагаемых событий не представляется возможности: факты и положения должны быть тут же (ссылками внизу) удостоверены указанием первоисточника и соответственной его страницы»⁹².

Среди прочих недостатков оформления и стилистики изложения рецензентами отмечались следующие: чересчур подробное оглавление (в некоторых случаях заголовки главы превращался фактически в краткое её изложение), излишняя растянутость текста, что приводило к неоправданно большому объёму, отрывочность и эпизодичность изложения, когда отдельные его части не составляли единую логическую последовательность, а являлись как бы отдельными очерками различных периодов истории части. Важное значение придавалось стилю изложения, поэтому полковой историк, помимо прочего, должен был также обладать и определёнными литературными дарованиями.

Серьёзные претензии предъявлялись и к содержанию трудов. Многие историки увлекались общими описаниями войн и кампаний, включая таким образом в текст работы значительное количество информации, не имеющей непосредствен-

ного отношения к истории полка. Зачастую таким путём компенсировался недостаток архивных материалов.

Ещё одним важным упущением некоторых полковых историков было недостаточное их внимание к мирной стороне жизни полка, его быту. Иногда авторы подобных трудов, описывая жизнь полка в мирное время, ограничивались приведением выдержек из приказов по полку. Причём часто эти приказы не заключали в себе какой-либо конкретной информации, являясь, по сути, официальными поздравлениями полкового командира личному составу по различным торжественным случаям.

Кроме того, от историка требовалось дать подробные характеристики служебных и личных качеств командиров полка на всём, по возможности, протяжении его существования.

Многие истории дополнялись приложениями. Например, Г. С. Габаев считал, что полковая история должна состоять из двух частей – документального исторического исследования прошлого части и собрания важнейших исторических документов. Кроме того, по его мнению, в приложение должны были выделяться и статистические данные (таблицы, списки, расписания и т. п.)⁹³. Следует сказать, что необходимость дополнения полковой истории документальными приложениями признавалась не всеми специалистами. Так, А. З. Мышлаевский считал, что приложения служат лишь цели раздувания объёма работы и нужны, таким образом, только наёмным историкам, работающим «от печатного листа»⁹⁴.

Так или иначе, большинство историй было снабжено приложениями. Среди наиболее часто встречающихся можно назвать следующие приложения:

- Списки офицеров полка. Очень часто к истории прилагались списки командиров и шефов полка с указанием дат командования или шефствования. В некоторых случаях давались более подробные биографические сведения и портреты. Не менее часто встречаются списки офицеров и чиновников – за различные годы, участвовавших в войнах, погибших и раненых в сражениях, награждённых орденами и другими наградами (чаще всего – орденом св. Георгия и ору-

жием «За храбрость»). Иногда приводились краткие сведения обо всех офицерах, служивших в полку (фамилия, имя, отчество, время получения первого офицерского чина, когда и откуда поступил в полк, когда и куда выбыл);

- списки нижних чинов полка. К историям прилагались перечни солдат и унтер-офицеров, погибших в сражениях, награждённых Знаком отличия Военного ордена и т. п.;
- штаты и табели полка. Другие документы, имеющие отношение к его истории (с сохранением орфографии подлинника). Например, приказы о его формировании, пожаловании новых знамён (в том числе Георгиевских), наградных труб, знаков отличия на головные уборы и т. п. Некоторые особо важные приказы по полку;
- боевой формуляр полка. Перечни войн и сражений, в которых полк участвовал. Краткая история переформирований полка и изменений его наименования;
- описания и изображения медалей и других наград за кампании, в которых полк принимал участие;
- тексты и ноты полковых песен и маршей. Стихотворения, посвящённые полку;
- описания и рисунки формы одежды полка за всё время его существования (очень часто при этом использовался труд А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск»). Описание и изображения полковых регалий – знамён, труб и т. п.

Кроме того, А. И. Григорович рекомендовал помещать в приложениях список мест дислокации полка, а также именной, географический и войсковых частей указатели к тексту истории⁹⁵. Последнее, однако, встречалось не часто.

Большинство полковых историй было снабжено иллюстративным материалом. Помещались портреты императоров, полководцев, начальников дивизий, в состав которых полк входил, командиров и шефов полка, особо отличившихся офицеров и нижних чинов.

Ещё одной распространённой категорией иллюстраций были репродукции батальных картин, изображения различных эпизодов боевого прошлого полка, а также подвигов отдельных его военнослужащих. Описания войн и сражений сопровождались картами и схемами, зачастую очень подробными.

Во многих случаях в тексте помещались изображения формы одежды полка, его вооружения, регалий, наград.

Помимо всего прочего, в трудах полковых историков встречаются фотографии различных торжеств, памятников офицерам и солдатам полка, мест дислокации полка, полковых церквей и т. п.

В некоторых случаях предпринимались переводы историй на иностранные языки. Чаще всего такие переводные издания преподносились в дар иностранным высочайшим особам – шефам полков русской армии. Так, ещё в 1843 г. к двадцатипятилетнему юбилею шефства прусского короля Фридриха-Вильгельма IV над Перновским гренадерским полком на немецкий язык была переведена его история⁹⁶. Также на немецкий язык для германского императора Вильгельма II была переведена история 85-го пехотного Выборгского полка⁹⁷.

Помимо трудов, охватывающих всё прошлое части, существовали работы, посвящённые описанию участия полка в какой-либо войне или кампании. Много таких книг вышло после русско-турецкой 1877-1878 гг.⁹⁸ и русско-японской 1904-1905 гг. войн⁹⁹.

Необходимо отметить, что помимо полковых историй были попытки составления и историй войсковых соединений, например, дивизий. В качестве примера можно привести труд С. В. Грабовского по истории полков 37-й пехотной дивизии (145-го Новочеркасского, 146-го Царицынского, 147-го Самарского и 148-го Каспийского)¹⁰⁰. Ещё одна подобная работа посвящена 21-й пехотной дивизии¹⁰¹. Однако, нужно отметить, что эти работы представляли собой историю не собственно дивизий, а полков, входивших в их состав.

Подытоживая всё вышесказанное, можно сделать вывод, что полковые истории являлись наиболее полным и подробным описанием боевого прошлого и

повседневной жизни полков русской армии. Несмотря на то, что содержание, объём и структура каждой истории были обусловлены в каждом конкретном случае местными условиями, можно назвать основные признаки, характерные для такого рода трудов. Это значительный объём, наличие документальных и статистических приложений, как правило, ссылок на источники, подробность описания всех сторон полковой жизни. Главной задачей полкового историка был сбор и систематизация по возможности максимально полной информации о прошлом полка. Рассчитаны такие труды были в основном на офицерскую читательскую аудиторию.

1.5. Исторические памятки для нижних чинов.

Как уже было сказано ранее, кроме собственно полковых историй существовала ещё одна категория литературы, посвящённая истории полка и отличавшаяся объёмом, содержанием и выполняемыми функциями. Это так называемые краткие памятки для нижних чинов.

К 1914 г. из всех гренадерских и пехотных полков, имевших какие-либо работы, посвящённые полковой истории, одна треть имела только краткие памятки, а ещё одна треть — и памятки, и собственно истории. То есть, многие полки ограничились только созданием кратких работ по своей истории.

Памятки предназначались для нижних чинов и были необходимы для ознакомления солдат с историей части с целью воспитания в них чувства гордости за свой полк и уважения к его традициям.

Это значение памяток для воспитания солдат чётко определил командир Гренадерского корпуса генерал-адъютант Столыпин в приказе от 26 августа 1887 г. за № 75, в котором, в частности, говорилось: «Основа, на которой зиждется воспитание солдата, есть любовь к Богу, Царю и Отечеству; затем солдат должен любить и гордиться своим полком. Полюбить и гордиться им он только может, зная его историю». В приказе от 13 августа 1888 г. за № 58 он снова говорит о солдатских памятках: «Насколько солдату нужен молитвенник, который даётся при поступлении на службу, настолько нужна ему и книжка с описанием боевых

подвигов своего полка, дабы вселять в него любовь и уважение к своей части, без которых солдат немислим»¹⁰².

В 1911 г. приказом по военному ведомству № 619 в виде опыта было введено на два года «Положение об обучении пехоты». В соответствии с ним признавалось обязательным сообщением молодым солдатам кратких исторических сведений о своей части. В приложенном перечне знаний, обязательных для рядового пехоты в первый год службы среди «общих сведений» фигурировала и «краткая история части». В ст. 27 «Положения» было сказано: «Сообщая краткие исторические сведения о своём полку, необходимо подробнее остановиться на подвигах полка и отдельных лиц его не только в военное, но и в мирное время. Эти сведения сообщаются в виде бесед, с сопровождением их по возможности показом туманных картин»¹⁰³.

Задача ознакомления унтер-офицеров и солдат с историей части была возложена на офицеров. По словам полкового историка генерала П. О. Бобровского «ход событий показывает также, что на офицерах, можно сказать, всецело лежит в высокой степени важная обязанность не только самим охранять приобретённое многолетними заслугами доброе имя, достоинство, честь и славу полка и свято хранить предания, но и передавать всё это нижним чинам, знакомить их с теми особенностями боевых заслуг полка и условий его быта, которые сложились в течение многих десятков лет, одного, двух и более столетий»¹⁰⁴.

Объём памяток мог колебаться от двух-трёх страниц до объёма полковых историй¹⁰⁵. Однако, преобладали небольшие брошюры объёмом в несколько десятков страниц.

Одним из требований к памяткам была адаптация их текста для солдат. То есть стиль должен был быть лёгким и доступным для понимания нижними чинами. Один из полковых историков при написании памяток советовал своим коллегам помнить о следующем: 1) не следует употреблять иностранных слов; 2) необходимо избегать эффектных литературных оборотов; 3) цифры и собственные имена следует давать только в случае необходимости¹⁰⁶.

Материал в памятках, так же, как и в полковых историях излагался в хронологической последовательности. Тематика также в целом совпадала, хотя направленность памяток на солдатскую аудиторию не могла не накладывать свой отпечаток на содержание текста памятки. Основное внимание уделялось описаниям боевых действий, подвигов солдат и офицеров полка, которые были призваны служить примером для последующих поколений, перечислению регалий и наград полка и описанию заслуг, за которые они были пожалованы. Задача воспитания солдат и унтер-офицеров в духе любви к Богу, царю и отечеству также оказывала влияние на содержание работ такого рода. Много места отводилось рассуждениям на эту тему и обоснованию этой концепции.

Требования к оформлению работ такого рода были намного ниже, чем к полковым историям. Например, большинство памяток не снабжалось ссылками на источники, библиографическими списками. Приложения, если они и были, отличались краткостью и упрощённым содержанием.

По краткой памятке проводились занятия по истории части для нижних чинов. Такие чтения могли, например, приурочиваться к празднованию полкового юбилея. Так, например, в ходе подготовки к торжествам, посвящённым столетию 145-го пехотного Новочеркасского полка в батальонах были произведены чтения для нижних чинов по истории полка¹⁰⁷.

Во многих полках памятки вручались нижним чинам при поступлении в полк, при принятии присяги или при увольнении в запас. Вот что писал по этому поводу историк 65-го пехотного Московского полка Я. Смирнов: «С этого же года (1896 г. — *И. Х.*) при приёме молодыми солдатами присяги, что всегда в полку совершается очень торжественно 6-го мая в день рождения державного шефа полка, командиром полка установлено выдавать каждому молодому солдату памятку полка с портретом государя императора. Таковая памятка, составленная капитаном Смирновым *И.-м.*, заключает в себе сведения о всех переменах в полку, о всех боевых делах, в которых участвовал полк, а также о мирной деятельности полка, о наградах, полученных полком за боевые отличия, о полковых и ротных праздни-

ках — словом, вкратце здесь изложена вся история полка. Книжка эта, изданная довольно изящно и написанная крупным чётким шрифтом, несомненно составляет особенно дорогую память оканчивающему свой срок действительной службы и расстающемуся с полком москвичу»¹⁰⁸.

Такая же традиция существовала и в 11-м гренадерском Фанагорийском полку, где новобранцам при принесении присяги выдавалась краткая история, составленная Л. Лукьяновым под редакцией полковой исторической комиссии. Московский отдел Императорского русского военно-исторического общества считал необходимым рекомендовать введение подобной практики и в других полках¹⁰⁹.

В 113-м пехотном Старорусском полку в день столетнего юбилея 29 ноября 1896 г. всем солдатам была выдана краткая полковая хроника¹¹⁰.

Расходы на издание памятки, естественно, были меньше, чем на издание полковой истории. Издание такой книги тиражом 1000-1500 экземпляров при 70-80 страницах текста с 10-20 иллюстрациями, как правило, не превышал 200-250 руб., а при тираже 3000-5000 экземпляров — 300-325 рублей¹¹¹. Однако, памятки издавались намного чаще, чем истории.

Кроме кратких памяток, Г. С. Габаев выделял ещё одну категорию литературы, посвящённой истории войсковых частей. Это так называемые «записные книжки» (их же он называет памятками, а труды, являющиеся памятками в нашем понимании, именует краткими историями или летописями).

«Записная книжка», по мнению Г. С. Габаева, должна была содержать основную информацию, необходимую молодому солдату — общие сведения о государе, звании солдата, присяге и знамени, сведения о части (шеф, сформирование и боевые награды полка, сущность названия рода войск). Она должна была быть хорошо иллюстрирована. Такие издания необходимо было, по мнению Г. С. Габаева, вручать каждому новобранцу при прибытии в полк (а краткие истории — при увольнении в запас). Объём записных книжек не превышал нескольких страниц¹¹².

Однако, данная категория литературы не получила широкого распространения. Кроме того, её содержание и функции во многом сходны с содержанием и функциями памяток (кратких историй по Г. С. Габаеву), поэтому принципиального различия между памятками и «записными книжками» не существует. Следовательно, и те, и другие можно объединить в одну категорию с условным названием «краткие памятки для нижних чинов».

Таким образом, наряду с собственно полковыми историями существовали так называемые краткие памятки. Их назначением было ознакомление с историей части солдат и унтер-офицеров, а также воспитание нижних чинов в духе любви к Богу, царю и отечеству. Памятки, как правило, отличались меньшим, по сравнению с полковыми историями, объёмом, более простым и доступным стилем, охватом менее широкого круга тем, отсутствием приложений, ссылок на источники. Можно сказать, что в большинстве случаев эти работы представляли ценность скорее как средство воспитания, чем как исторические исследования. Хотя, в некоторых случаях это утверждение и не в полной мере справедливо.

Во время войны истории и памятки полков не издавались. Однако, накапливался материал об участии полков в этой последней войне Российской императорской армии. Этот материал должен был послужить основой для новых исследований.

В ходе войны работа по сбору материалов, отображающих подвиги, трофеи, боевой путь и т. п. аспекты истории войсковых частей, приняли новые формы. Этим занимались уже не только офицеры в самих частях, но и специально созданные (или уже существовавшие на момент начала войны) организации. В частности, в годы войны было создано несколько комиссий, занимавшихся сбором сведений о трофеях русской армии, Георгиевских кавалерах, выдающихся эпизодах боевого и военно-бытового характера и т. п. Подобная деятельность в годы войны проводилась, в частности, Комиссией по описанию боевых трофеев русского воинства и старых знамён¹¹³, состоявшей из трёх отделов – литературного, художественного и фотографического. В декабре 1915 г. председателем комиссии

генерал-майором С. И. Петиним были разосланы запросы во все полки и отдельные батальоны с просьбой сообщить сведения о взятых частью трофеях, подвигах, совершённых её чинами, нижних чинах, награждённых тремя и четырьмя Георгиевскими крестами. В 1916-1917 гг. комиссия четырежды направляла в войска экспедиции для сбора сведений.

Ещё одной комиссией, отчасти дублирующей функции предыдущей, стала Комиссия для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения её в памяти потомства, созданная в июне 1916 г. В июне следующего года обе вышеназванные комиссии были объединены в одну под названием Комиссии для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения её в памяти народа. Комиссия, помимо прочего, занималась подготовкой экспозиции будущего музея войны 1914-1918 гг. (так и не созданного впоследствии), различных изданий с описанием подвигов Георгиевских кавалеров, боевых действий отдельных войсковых частей и т. п.

24 декабря 1918 г. трофейная комиссия была реорганизована в Комиссию по организации Народного военно-исторического музея войны 1914-1918 гг., но уже 30 мая 1919 г. последняя была упразднена¹¹⁴.

Уже после окончания Первой мировой и Гражданской войн, в эмиграции, были изданы многочисленные статьи и несколько отдельных трудов, посвящённых участию полков в этих войнах (в случае с Гражданской войной речь идёт в том числе и о восстановленных в Белых армиях полках Российской императорской армии), авторы которых были участниками этих событий¹¹⁵.

Рассмотрев историю развития полковой историографии в рассматриваемый период можно сделать вывод, что создание полковой истории или краткой памятки, а в некоторых случаях и того, и другого стало к концу XIX – началу XX в. одной из традиций войсковых частей русской армии, в том числе и гренадерских и пехотных полков. Истории полков стали одним из важнейших средств воспитания

войск и поддержания их морального духа на должной высоте. А от него, по справедливому мнению командования, напрямую зависела и боеспособность армии

Первый опыт по составлению работ, посвящённых истории конкретных войсковых частей относится ко времени создания регулярной армии, то есть ко времени правления императора Петра I. В последующее столетие работа в этом направлении практически не велась, хотя многими военными и государственными деятелями признавалось важное значение подобных трудов для воспитания солдат и офицеров. Первый период появления значительного количества полковых историй был связан с победоносными для русской армии кампаниями 1812-1814 гг. и желанием увековечить подвиги полков в них. Работы, посвящённые участию войсковых частей в Наполеоновских войнах выходили до конца 1830-х гг., после чего наступил перерыв. В конце 1840-х гг. издание полковых историй возобновляется. В продолжение данного периода создание историй войсковых частей проходило стихийно, никаких документов, регламентирующих этот процесс, не существовало. Инициаторами создания трудов такого рода являлись сами их авторы.

Ситуация коренным образом меняется, начиная с 1870-х гг. С этого времени было официально признано серьёзное значение полковых историй для воспитания войск и изучения их боевой и повседневной истории. Это выразилось в ряде приказов, циркуляров Главного штаба и других официальных документов, в которых подчёркивалась роль исторических исследований в этой области, регламентировался процесс их создания, а также устанавливались меры по конкретной материальной поддержке таких исследований.

Воспитательное значение исследований по истории войсковых частей стало очевидным после введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности. Именно с этого времени особенно актуальной становится необходимость воспитания солдата на полковых традициях. В свою очередь, для решения этой задачи офицеры также должны были обладать соответствующими знаниями. Ещё одной важной функцией исторических исследований было воспитание у офицеров особого кор-

поративного духа, полкового самосознания. Это было необходимо для сплочения офицеров в единую полковую семью, чему в русской армии традиционно придавалось большое значение.

Таким образом, можно выделить две разновидности исторических исследований, отличающихся по задачам и содержанию - памятки, предназначенные для нижних чинов, и полковые истории, рассчитанные преимущественно на офицеров. Основными характерными чертами памяток была краткость и доступность изложения, отсутствие ссылок на источники и документальных приложений, отчётливо выраженный уклон в сторону военно-патриотического воспитания. К историям войсковых частей предъявлялись более жёсткие требования. Такое исследование должно было максимально полно отражать историю части. Причём большинство историков считали необходимым отражать в нём не только героические страницы прошлого полка, но и негативные стороны жизни части. Считалось необходимым снабжение истории документальными приложениями, ссылками на источники, иллюстративным материалом. Серьёзные требования предъявлялись к стилю изложения. В то же время необходимо отметить, что требования к оформлению и структуре исторических исследований не были чётко оформлены и носили характер рекомендаций. Далеко не все авторы полковых историй принимали эти рекомендации во внимание. Объём и качество материала, оформление и структура исследования зависели от многих факторов, прежде всего от личности автора и отношения к созданию полковой истории общества офицеров полка, а также от материальных возможностей части. Поэтому наряду с работами, выполненными на высоком профессиональном уровне, встречались и поверхностные исследования.

В результате деятельности полковых историков к началу Первой мировой войны три четверти гренадерских и пехотных полков русской армии имели истории или памятки, а часть — и то, и другое. Ценность многих этих трудов велика и по сей день, так как в них содержится богатый фактический материал по истории отдельных частей, военной истории России в целом, быту, организации, форме

одежды, тактике регулярной русской армии. Многие работы сопровождались приложениями, содержащими ценный документальный материал по указанным вопросам.

Таким образом, традиция издания историй и памяток войсковых частей получила в рассматриваемый период широкое распространение в русской армии, в том числе и в армейской пехоте.

¹ Соколовский М., Гулевич С. Полковая историография в её постепенном развитии // Военно-исторический сборник. 1912. № 1. С. 16.

² Бобровский П. О. Истории полков русской армии // Русский инвалид. 1901. № 84.

³ Цит. по: Соколовский М., Гулевич С. Ук. соч. С. 17.

⁴ Цит. по: Историография войсковых частей // Военная энциклопедия. Т. XI. СПб., 1913. С. 78.

⁵ Григорович А. К сведению полковых историографов // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 123.

⁶ Телегин В. Краткая история 1-го карабинерного полка. СПб., 1818. Более подробно об этой книге и её авторе см.: Николаев Н. Первая войсковая «памятка» и её автор // Разведчик. 1897. № 361. С. 803-804.

⁷ Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трёх родных братьев его, зачавшейся с 1789 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 175.

⁸ Вступление к воспоминаниям М. М. Петрова «Рассказы...» // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 104-105.

⁹ Цит. по: Вступление к воспоминаниям М. М. Петрова «Рассказы...» С. 107.

¹⁰ Соколовский М., Гулевич С. Ук. соч. С. 22-23.

¹¹ Семевский М. И. Полковые историографы // Русский вестник. 1860. № 5. С. 258-283; № 6. С. 383-414.

¹² Крестовский В. В. История 14-го уланского Ямбургского полка. СПб., 1874.

¹³ Цит. по: Историография войсковых частей... С. 79.

¹⁴ См.: Григорович А. Опыт руководства к составлению полковых историй. СПб., 1913. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Устав Императорского русского военно-исторического общества и положение о местных отделах. Киев, 1913. С. 5.

¹⁷ Соколовский М., Гулевич С. Ук. соч. С. 24.

¹⁸ Цит. по: Историография войсковых частей... С. 79.

¹⁹ Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. 1-11. СПб.-Тифлис, 1892-1908.

²⁰ Парова Л. М. Создание и деятельность Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 88.

²¹ В основном это были работы, посвященные участию полков в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Например: Вискунов П. Ф. Описание боевой жизни 80-го пехотного Кабардинского полка во время войны с Турцией в 1877-1878 гг. Тифлис, 1882; Мышляев Н. Г. Описание боевой жизни 152-го пехотного Владикавказского полка в минувшую войну 1877-1878 годов. Тифлис, 1884; Поземковский М. М. Описание боевой жизни 155-го пехотного Кубинского полка в минувшую войну 1877-1878 годов. Тифлис, 1881.

²² Журнал ИРВИО. 1911. Кн. III. С. 5.

²³ Цит. по: Губернарчук П. Т. Очерки истории 129-го пехотного Бессарабского е. и. выс. в. к. Михаила Александровича полка. 1806-1863-1906. Киев, 1909. С. 93.

²⁴ Цит. по: Историография войсковых частей... С. 79.

²⁵ Приказы по войскам гвардии и Петербургского военного округа за 1879 г. СПб., 1879. Б. с.

²⁶ Там же.

²⁷ Соколовский М., Гулевич С. Ук. соч. С. 36.

²⁸ Там же. С. 35.

²⁹ Вот что, например, писал по этому поводу А. З. Мышлаевский: «Меня интересовал, между прочим, вопрос: чем именно руководствуются командиры полков при зачислении того или другого из офицеров в ранг «историографа»? Задавал я, признаюсь, по этому деликатному пункту дипломатически построенные вопросы, но ответы получались крайне разнообразные: один оказывался автором полковой памятки; другой был прикосновенен к печатному слову, так как раньше упражнялся в местных губернских ведомостях; тот просто считался в полку вообще «владеющим пером»; этот – бывал в академии, наконец, некоторые оказались выбранными всем составом офицеров полка» (Мышлаевский А. З. О полковых «историографах» // Пособие для составления... С. 18).

³⁰ Пособие для составления... С. 141-142.

³¹ Григорович А. Опыт руководства... С. 3.

³² Соколовский М., Гулевич С. Ук. соч. С. 43.

³³ Григорович А. Опыт руководства... С. 83.

³⁴ Цит. по: Соколовский М., Гулевич С. Ук. соч. С. 37.

³⁵ Более подробно этот съезд будет описан в главе, посвящённой полковым музеям.

³⁶ В частях, отличавшихся организацией от полка, а также в учреждениях и заведениях Военного министерства количество членов комиссии могло быть иным, но не менее трёх человек.

³⁷ Съезд хранителей полковых музеев частей войск Московского военного округа. СПб., 1913. С. 9-15.

³⁸ Там же. С. 15-16.

³⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 30. Л. 437.

⁴⁰ Русский инвалид. 1900. № 155.

⁴¹ Смирнов Я. Добавление к истории 65 пехотного Московского Его Величества полка с 1890 по 1900 год. Холм (Люблинский), 1900. С. 15-16.

-
- ⁴² Шеленговский И. И. История 69-го пехотного Рязанского полка. Т. II (1805-1904 гг.). Люблин, 1910. С. 595-596.
- ⁴³ Григорович А. Опыт руководства... С. 5.
- ⁴⁴ См., например: Мышлаевский А. З. Ук. соч. С. 20.
- ⁴⁵ Бобровский П. О. Истории полков...
- ⁴⁶ Жерве В. В. Материалы для истории войсковых частей // Русский инвалид. 1901. № 74.
- ⁴⁷ Съезд хранителей... С. 15-16.
- ⁴⁸ Бобровский П. О. Истории полков...
- ⁴⁹ Мышлаевский А. З. Ук. соч. С. 25.
- ⁵⁰ Григорович А. Опыт руководства... С. 10.
- ⁵¹ Павлюк К. О составлении полковых историй // Журнал ИРВИО. 1912. Кн. 5. С. 146.
- ⁵² Губернарчук П. Т. Очерки истории... С. IX.
- ⁵³ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 590. Л. 5 об.-6.
- ⁵⁴ Луганин А. Заметка по поводу составления полковых историй // Военный сборник. 1884. № 4. С. 310-312.
- ⁵⁵ Пособие для составления... С. 141.
- ⁵⁶ Григорович А. Опыт руководства... С. 18-19.
- ⁵⁷ Историография войсковых частей... С. 80.
- ⁵⁸ Пособие для составления... С. 141-142.
- ⁵⁹ Григорович А. Опыт руководства... С. 19.
- ⁶⁰ Там же. С. 72-74.
- ⁶¹ Григорович А. Взаимопомощь // Пособие для составления... С. 128-129.
- ⁶² Жерве В. В. Взаимопомощь в исторических работах // Пособие для составления... С. 130.

- ⁶³ Бобровский П. О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка за 250 лет. 1642-1898. Ч. 1-5. СПб., 1892-1898; Приложения к части 4-й. СПб., 1895; Приложения к части 5-й. СПб., 1898.
- ⁶⁴ Плестерер Л. Л. История 62-го пехотного Суздальского полка [Т. 1-6]. Белосток, 1902-1903.
- ⁶⁵ Зиссерман А. Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726-1880). Т. 1-3. СПб., 1881.
- ⁶⁶ Богуславский Л. А. История Апшеронского полка (1700-1892). Т. 1-3. СПб., 1892.
- ⁶⁷ Максutow В. П. История 25-го пехотного Смоленского полка за два века его существования (1700-1900). СПб., 1901; Приложения к истории 25-го пехотного Смоленского полка за два века его существования (1700-1900). СПб., 1901.
- ⁶⁸ Павлюк К. К. История 51-го пехотного Литовского полка. 1809-1909 гг. Т. 1-2. Одесса, 1909.
- ⁶⁹ Мышлаевский А. З. Ук. соч. С. 25.
- ⁷⁰ Соколовский М., Гулевич С. Ук. соч. С. 40.
- ⁷¹ Тиванов В. В. Денежные капиталы в русской армии. М., 1996. С. 50.
- ⁷² Историография войсковых частей... С. 80.
- ⁷³ Пособие для составления... С. 142.
- ⁷⁴ АВИМАИВВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 30. Л. 443.
- ⁷⁵ Там же. Л. 738.
- ⁷⁶ Григорович А. И. Перечень историй и памяток войсковых частей. СПб., 1913. С. VIII.
- ⁷⁷ Подсчёт автора. Необходимо отметить, что в данное число вошли и краткие полковые истории и памятки.
- ⁷⁸ Из двухсот восьми пехотных полков на 1914 г. сорок пять имели старшинство, не позволившее им отметить свои столетние юбилеи. Семнадцать из них имели

менее чем пятидесятилетнюю историю - эти полки имели старшинство с 1874, 1877, 1887 и 1889 гг. (подсчёт автора).

⁷⁹ Съезд хранителей... С. 9.

⁸⁰ Там же. С. 6.

⁸¹ Луганин А. Ук. соч. С. 310.

⁸² Вальтер М. К. История 75-го Севастопольского полка. 1856-1899. [Тифлис], б. г. (864 с.); Ранцов В. В. История 96-го пехотного Омского полка. Ч. 1-2. СПб., 1902 (620 с.); Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского е. и. выс. государя наследника цесаревича полка. 1642-1700-1890. Варшава, 1890 (616 с.).

⁸³ Габаев Г. С. О некоторых основных вопросах полковой историографии. М., 1912. С. 3.

⁸⁴ Заключение лиц, рассматривавших некоторые истории полков // Пособие для составления... С. 143.

⁸⁵ Габаев Г. С. О некоторых основных вопросах... С. 5-6.

⁸⁶ Григорович А. Опыт руководства... С. 17.

⁸⁷ Жерве В. В. Материалы для истории войсковых частей // Русский инвалид. 1901. № 74.

⁸⁸ Например: Габаев Г. С. Роспись русским полкам регулярной пехоты и кавалерии 1812 года с указанием названий полков в 1812 г., их дальнейшей судьбы; принадлежности в 1812 г. к армиям, корпусам и дивизиям, формы обмундирования, знамен и штандартов 1812 г. и наград за боевые подвиги 1812, 1813 и 1814 гг. С прил. кратких описаний организации, обмундирования, знамен и штандартов в 1812 г., расписаний армии 1812 г и приказов о пожаловании наград за боевые подвиги 1812, 1813 и 1814 гг. с рис. форм и знамен. Киев, 1912; Гренадерские и пехотные полки. Справочная книжка Императорской главной квартиры. СПб., 1909; Дополнение к справочной книжке Императорской главной квартиры. Гренадерские и пехотные полки. СПб., 1912.

⁸⁹ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Ч. 1-30. СПб., 1841-1862. Труд охватывал период с IX в. до 1855 г. Вторично труд А. В. Висковатова был издан в 1899-1944 гг. (Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Ч. 1-19. СПб., 1899-1902; Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Т. 20-27. Новосибирск, 1944). Кроме того, второе издание было дополнено ещё несколькими томами (Историческое описание перемен в одежде и вооружении Российских войск. Т. 28-29. Новосибирск, 1944-1945; Историческое описание перемен в одежде, вооружении и организации Российских войск. Т. 30-34. Л., 1946-1948). Тома 28-34 были перепечатаны с издания Перемены в обмундировании и вооружении войск Российской императорской армии с восшествия на престол государя императора Александра Николаевича. Тетр. 1-111. СПб., 1857-1881. Дополнения к переменам... СПб., 1862-1880). Таким образом, во втором издании изложение было доведено до 1881 г.

⁹⁰ Бобровский П. О. Истории полков...

⁹¹ Журнал ИРВИО. 1912. Кн. 3. С. 74.

⁹² Заключение лиц, рассматривавших... С. 143.

⁹³ Габаев Г. С. О некоторых основных вопросах... С. 5, 7.

⁹⁴ Мышлаевский А. З. Ук. соч. С. 20-21.

⁹⁵ Григорович А. Опыт руководства... С. 8.

⁹⁶ На немецкий язык была переведена Краткая история гренадерского его величества короля прусского полка (СПб., 1843).

⁹⁷ Auszug aus der Geschichts-Chronic des russischen Sr. K. u. K. M. Wilhelm II Infanterie-Regiments Wyborg. Becker, von A., Oberst. Sankt-Petersburg, 1900.

⁹⁸ Например: Вискунов П. Ф. Описание боевой жизни 80-го пехотного Кабардинского полка во время войны с Турцией в 1877-1878 гг. Тифлис, 1882; Ястремский

Е. Н. Материалы для истории 55-го пехотного Подольского полка за время русско-турецкой кампании 1877-1878 гг. Бендеры, 1895.

⁹⁹ Например: Селивачев В. И. Петровцы на Путиловской сопке (Воспоминания батальонного командира). СПб., 1905; Чесский П. Ф. 215-й пехотный Бузулукский полк в войне с Японией 1904-1905 гг. СПб., 1906; Иванов Н. Н. Памятка Зарайца о войне с Японией 1904-1905 гг. М., 1910.

¹⁰⁰ Грабовский С. В. Историческая хроника полков 37-й пехотной дивизии (1700-1880). СПб., 1883.

¹⁰¹ Потто В. А. Боевая хроника полков 21-й пехотной дивизии. Тифлис, 1888.

¹⁰² Цит. по: Соколовский М., Гулевич С. Ук. соч. С. 36.

¹⁰³ Журнал ИРВИО. 1912. Кн. 2. С. 47.

¹⁰⁴ Бобровский П. О. Истории полков...

¹⁰⁵ Например: Ахматов М. Ф. История для нижних чинов 47-го пехотного Украинского полка. Киев, 1892 (162 с.); Терлецкий К. С. Чтение для нижних чинов из истории 43-го пехотного Охотского полка. Киев, 1891 (152 с.).

¹⁰⁶ Павлюк К. О составлении... С. 144.

¹⁰⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 30. Л. 204.

¹⁰⁸ Смирнов Я. Добавление к истории... С. 46.

¹⁰⁹ Маркс Н. Обзорение предметов военной старины. Отдел I. Музеи войсковых частей. Выпуск I. М., 1912. С. 44.

¹¹⁰ Вязинин И. Н. Старая Русса в истории России. Новгород, 1994. С. 151.

¹¹¹ Григорович А. Пишите!.. Не смущайтесь! // Русский инвалид. 1912. № 277.

¹¹² Габаев Г. С. О некоторых основных вопросах... С. 9.

¹¹³ Высочайше утверждена 5 марта 1911 г.

¹¹⁴ Более подробно о деятельности вышеперечисленных комиссий см.: Васильев А. А. Деятельность русских трофейных комиссий в период Первой мировой войны 1914-1918 годов (По материалам Российского государственного военно-

исторического архива) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1999. С. 657-665.

¹¹⁵ Например: Лейб-эриванцы в Великой войне. Материалы для истории полка в обработке полковой исторической комиссии под ред. К. Попова. Париж, 1959; Белов В. Первые бои 45 пехотного Азовского полка в 1914 году // Военная быль. 1960. № 42. С. 14-16; Беннигсен Г. П. 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году // Военная быль. 1959. № 35. С. 14-18; № 36. С. 2-54 № 37. С. 8-10; № 38. С. 4-7; № 39. С. 8-9; Нечаев П. А. Из боевой хроники 7-го пехотного Ревельского полка // Военная быль. 1972. № 118. С. 46; Цвецинский Г. В Лодзинских боях (Из боевой жизни 102-го пехотного Вятского полка) // Военная быль. 1965. № 73. С. 32-33; Горейнов И. 13-й пехотный Белозёрский генерал-фельдмаршала князя Волконского полк в Гражданской войне // Военная быль. 1973. № 124. С. 31-32; Чернопыский. 42-й пехотный Якутский полк в Гражданской войне // Военная быль. 1974. № 126. С. 41-44.

Глава 2

Развитие музейного дела в русской армии

Ещё одним проявлением значительного усиления в войсках интереса к своей истории в рассматриваемый период стало возникновение в конце XIX в. первых музеев войсковых частей. Предпосылки к их возникновению существовали и ранее. Предметы, имевшие мемориальное значение, накапливались в полковых церквях и офицерских собраниях. Это, например, церковная утварь, подарки шефов, портреты императоров и полководцев и т. п. Однако, эти коллекции носили неупорядоченный характер.

Первые настоящие полковые музеи возникают в последней четверти XIX в. В это время в военной среде велось активное обсуждение принципов организации и существования музеев в войсковых частях. В начале следующего столетия прошёл съезд хранителей полковых музеев Московского военного округа, были разработаны проекты положения о войсковых музеях. Много внимания вопросам создания и функционирования полковых музеев уделял Разряд полковых и корабельных историй Императорского русского военно-исторического общества. Из-за Первой мировой войны и последующих событий этот процесс не был завершён.

2.1. Развитие мемориальной функции полковых церквей как одна из предпосылок появления музеев войсковых частей.

До возникновения полковых музеев их функции отчасти выполняли полковые церкви. Первые постоянные полковые церкви появились в начале XVIII в. Они были походными, то есть не имели постоянного помещения и располагались во время походов в палатках. В середине XVIII в. впервые начинают строиться специальные здания для полковых церквей¹. Так, в 1748 г. недалеко от казарм л.-гв. Семёновского полка была построена деревянная полковая церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы. В 1764 г. была построена первая каменная полковая церковь — для л.-гв. Преображенского полка².

В 1800 г. была введена постоянная должность обер-священника армии и флота. До этого военные священники подчинялись епархиальному начальству той

местности, где была расположена церковь полка. С 1733 г. на военное время вводилась должность обер-полевого священника. Введение постоянной должности сыграло положительную роль для дальнейшего развития полковых церквей. 12 июня 1890 г. было утверждено «Положение об управлении церквами и духовенством военного ведомства». В соответствии с ним вместо двух параллельно существующих должностей – главного священника Главного штаба и отдельных Гвардейского и Гренадерского корпусов и главного священника армии и флота, вводилась одна – протопресвитера военного и морского духовенства. Это положительным образом сказалось на развитии полковых церквей армейских частей, так как теперь их права были уравнены с правами церквей гвардии и гренадерских полков³.

В конце XIX - начале XX в. начинается активное строительство полковых церквей в армии, в том числе и в пехотных полках. К 1891 г. в ведении протопресвитера военного и морского духовенства находилось 306 полковых церквей⁴. 23 января 1900 г. при Главном штабе была учреждена особая комиссия, выработавшая тип военной церкви. Основное внимание при разработке типового проекта уделялось таким параметрам, как вместительность и экономичность. Впервые проект был воплощён в жизнь при постройке церкви 148-го пехотного Каспийского полка в Новом Петергофе. Её сооружение обошлось в 40 тысяч рублей. В 1901 г. на нужды церковного строительства по военному ведомству было отпущено 200 тысяч рублей, в 1902 и 1903 гг. – по 450 тысяч рублей⁵.

23 января 1902 г. приказом по военному ведомству № 37 было предписано, чтобы «православная церковь, в виде отдельного здания, была непременно принадлежностью казарм тех частей войск, по штатам которых положены церковные причты»⁶. 28 мая 1910 г. это предписание было отменено⁷.

Однако, по-прежнему часть полков не имела отдельных зданий для собственных церквей. Это было обусловлено ограниченными финансовыми возможностями полков, а также частой сменой мест квартирования. В таких случаях под церковь оборудовалось помещение в казармах, столовых и т. п., или здание арен-

довалось. Например, 94-й пехотный Енисейский полк пользовался церковью Михаила Архангела во Пскове постройки 1339 г.⁸, 144-й пехотный Каширский – Покровской церковью 1626 г. в Брянске⁹, 181-й пехотный Остроленский – Николо-Покровской церковью в Ярославле, построенной во второй половине XVII в.¹⁰

Помимо своих непосредственных культовых функций полковая церковь являлась также хранилищем полковых реликвий. Особенно большое значение эта функция полковых церквей получила после окончания Наполеоновских войн. В церквях стали хранить полковые регалии, награды, трофеи. Все эти предметы поступали в церкви зачастую по специальным распоряжениям военачальников или даже самого императора.

В первой половине XIX в. появляются церкви, в которых хранение полковых реликвий и трофеев было предусмотрено проектом. Первой такой церковью стал Спасо-Преображенский всей гвардии собор. Он был построен при императрице Елизавете Петровне, но 8 августа 1825 г. сгорел. 5 августа 1829 г. был освящён новый собор, построенный по проекту В. П. Стасова¹¹. В соборе в начале XX в. хранилось множество гвардейских реликвий, среди прочего – мундиры Александра I, Николая I, Александра II, сабли Александра II и великого князя Михаила Павловича, ключ от крепости Модлин, девять знамён л.-гв. Преображенского полка и три – л.-гв. Преображенского резервного полка, а также многочисленные трофеи, взятые у турецких войск на протяжении царствования Николая I – четыреста восемьдесят восемь знамён, три значка, шестнадцать флагов, десять бунчуков, одна булава, два жезла, двенадцать замков и шестьдесят пять ключей от крепостей. Все эти трофеи были расположены в соответствии с проектом архитектора¹². Трофеи использовались и при оформлении территории вокруг собора. В ограду были вмонтированы трофейные турецкие пушки, а рядом с собором – двенадцать орудий, отбитых у польских повстанцев в 1831 г.¹³

С 1847 г. в церквях появляются доски с именами погибших офицеров полка. В этом году вышел указ, предписывавший во всех полковых церквях установить «бронзовые доски, на которых вырезать имена гг. офицеров, служивших в полку и

убитых в сражении противу неприятеля и погибших от ран», начиная со времени основания полка¹⁴. В церкви 80-го пехотного Кабардинского полка, например, были установлены двенадцать мраморных досок с именами погибших с 1830 по 1878 гг¹⁵.

Храмы некоторых полков со временем обрели облик своего рода мемориальных комплексов. Приблизительно с середины XIX в. в них стали хоронить офицеров¹⁶, совершивших подвиги либо имеющих другие заслуги перед полком (в том числе строителей храма), а иногда в храмах создавались и братские могилы нижних чинов¹⁷.

Часто полковая церковь или один из её приделов являлись памятником в честь какого-либо важного события в жизни полка, например, сражения, в котором полк отличился. Иногда приделы сооружались в память о погибших однополчанах. Такой придел во имя св. блгв. и в. кн. Александра Невского был освящён 2 октября 1911 г. при церкви 87-го пехотного Нейшлотского полка в память о погибших в русско-японской войне солдатах и офицерах полка¹⁸.

Соответствующим образом оформлялась и территория рядом с храмом. Так, ограда вокруг церкви 14-го гренадерского Грузинского полка в селении Белый Ключ (близ Тифлиса) была сделана из трофейных пушек – шести бронзовых, взятых во время Башкадыкларского боя 19 ноября 1853 г. и восьми крупновских стальных пушек, подаренных полку его бывшим командиром князем Г. С. Голициным¹⁹.

Зачастую перед церковью или перед казармами устанавливались монументы в память о погибших однополчанах. Особенно много подобных памятников было сооружено после русско-японской войны 1904-1905 гг. Такие монументы были установлены перед церковью 54-го пехотного Минского полка в Кишиневе²⁰, в Новом Петергофе перед казармами 148-го пехотного Каспийского полка (открыт 26 августа 1911 г.)²¹. Аналогичный памятник 25 октября 1913 г. был установлен неподалёку от казарм 86-го пехотного Вильманstrandского полка в г. Старая Русса Новгородской губернии. Рядом с церковью 153-го пехотного Бакин-

ского полка был сооружён памятник однополчанам, павшим во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг²².

Большинство реликвий, хранившихся в полковых церквях, имели культовый характер. Это были иконы, напрестольные кресты, дароносицы, потиры, Евангелия, антиминсы и другая церковная утварь и предметы религиозного культа. В основном их ценность состояла в их связи с историей конкретной воинской части. Это были дары шефов и августейших особ, подарки от гражданских властей и других полков по различным случаям, благословения горожан, церковных иерархов и особ императорской фамилии, предметы, «сооружённые» на средства чинов полка в память различных событий, дары бывших сослуживцев и т.п. Но встречались и предметы, имевшие большое общеисторическое и художественное значение²³.

В церквях многих полков хранились иконы и другие предметы, созданные в начале XVIII в. и даже ранее. В числе прочих можно перечислить: образ св. Николая Чудотворца – дар Петра I Ингерманландскому пехотному полку, потир 1717 г. в церкви 10-го пехотного Новоингерманландского полка, икона Владимирской Божьей Матери – дар Москвы при формировании в 1700 г. Шлиссельбургского полка, антиминс 1705 г., хранившийся в церкви 18-го пехотного Вологодского полка, два напрестольных креста 1700 г. (22-й пехотный Нижегородский полк), икона-складень Иверской Божьей Матери 1701 г. и серебряный напрестольный крест 1716 г. (25-й пехотный Смоленский полк), Евангелие XVI в. (45-й пехотный Азовский полк), икона Грузинской Божьей Матери – благословение Петра I Рязанскому полку в 1703 г., напрестольный серебряный крест 1705 г. из церкви 81-го пехотного Апшеронского полка, трехмесячная минея 1666 г. (182-й пехотный Гроховский полк), икона св. Троицы начала XVII в. – дар 167-му пехотному Острожскому полку от семьи полкового оружейного мастера, и др.

Выделялась также группа предметов, связанных с именами знаменитых полководцев или героев, служивших в полку. Это могли быть их дары или вещи, принадлежавшие им. Достойны внимания такие реликвии, как иконостас церкви

Малороссийского гренадерского полка, сооружённый в 1796 г. бывшим полковым шефом П. А. Румянцевым и св. Евангелие, подаренное им же; образ-складень св. Александра Невского, св. Николая Чудотворца и ап. Павла – дар Фанагорийскому гренадерскому полку от А. В. Суворова; образ св. мученика Автонома – его же дар Тенгинскому полку 12 сентября 1771 г. в память о победе над гетманом Огинским. Из вещей, принадлежавших известным военным деятелям и героям, хранившихся в полковых церквях, можно отметить орден св. Станислава 2-й ст. с мечами, принадлежавший М. Д. Скобелеву, хранившийся за стеклом полковой иконы 61-го пехотного Владимирского полка, а также серебряную медаль А. Осипова в церкви 77-го пехотного Тенгинского полка²⁴.

В церквях хранились также и предметы культа, побывавшие с полком в военных кампаниях, зачастую несшие на себе следы пуль и осколков, сохранённые военнослужащими полка в плену, а также реликвии, связанные с другими событиями в истории полка. Таковы, например, были иконы св. апп. Петра и Павла и св. Николая Чудотворца, сохранённые нижними чинами 99-го пехотного Ивангородского полка в японском плену, напрестольный крест и епитрахиль из церкви 160-го пехотного Абхазского полка, простреленные во время штурма Карса в 1877 г., иконы, подаренные 58-му Прагскому, 59-му Люблинскому и 60-му Замосцкому полкам константинопольским патриархом Констанцием во время их пребывания на Босфоре в 1833 г. В церкви 109-го пехотного Волжского полка хранился крест священника 19-го егерского полка В. Васильковского, простреленный пулей 15 июля 1812 г. под Витебском. Священник от этого ранения позднее скончался²⁵. Иконостас церкви 87-го пехотного Нейшлотского полка с внутренней стороны был драпирован материей, служившей иконостасом в полковой походной церкви в Манчжурии. На этой материи были размещены иконы, написанные в китайской фанзе на рубашечном холсте рядовым Зайцевым²⁶.

Оружейными мастерами 43-го пехотного Охотского полка в 1856 г. для полковой церкви был изготовлен серебряный позолоченный подсвечник в виде двух крестообразно сложенных гробов с тремя гнёздами для свечей с военными

арматурами. Материалом для подсвечника послужили Георгиевские кресты солдат полка²⁷.

Кроме того, зачастую в церквях сохранялись предметы, унаследованные от частей, являвшихся «предками» полка. Например, в церкви св. Александра Невского 86-го пехотного Вильманstrandского полка, сформированного в 1863 г. и имевшего старшинство от старого Вильманstrandского мушкетёрского полка 1806 г., хранились пять серебряных лампад (две — 1827 г. и три — 1828 г.) и серебряная водосвятная чаша 1824 г., изготовленные на средства офицеров и нижних чинов старого Вильманstrandского полка²⁸.

Помимо предметов, имеющих непосредственное отношение к основной функции полковых церквей, в них хранились также и полковые реликвии иного характера — знамёна, мундиры шефов, трофеи.

Старые полковые знамёна, как правило, хранились в церквях и после учреждения собственно полковых музеев. Музейные правила предусматривали возможность хранения музейных экспонатов вне помещения музея — в полковой церкви, офицерском собрании. Эти предметы заносились в музейную опись. Подробнее о хранении старых знамён будет сказано далее.

Ещё одной категорией вещей, хранившихся в храмах, были полковые мундиры августейших шефов, передававшиеся туда после их смерти. В церкви 2-го гренадерского Ростовского полка хранился мундир Александра I²⁹, 2-го Софийского и 80-го Кабардинского полков — мундиры Александра III³⁰. В церкви 5-го гренадерского Киевского полка кроме мундира шефа — великого князя Сергея Александровича, хранился также крест, некоторое время стоявший на его могиле³¹.

Также часто помещались в полковые церкви и трофеи части. Например, в церкви 14-го гренадерского Грузинского полка хранился большой деревянный крест, украшенный серебром, взятый Херсонским гренадерским полком во время экспедиции в Осетию 20 июня 1830 г. в бою при с. Далцари Кешельского уезда³²; в церкви 79-го пехотного Куринского полка — колокол, отлитый из частей орудий,

отбитых у неприятеля при покорении Восточного Кавказа в 1859 г³³; в 157-м пехотном Имеретинском полку – турецкое знамя, взятое в крепости Силистрии 18 июня 1829 г³⁴.

Встречались в собраниях полковых церквей и другие ценные исторические материалы. Например, в храме 104-го пехотного Устюжского полка хранился рапорт императору начальника Главного штаба 2-й Западной армии генерал-адъютанта графа Э. Ф. Сен-При от 14 сентября 1812 г. о смерти князя П. И. Багратиона³⁵.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что полковые церкви являлись непосредственными предшественниками полковых музеев в плане собирания и хранения предметов исторической ценности. Конечно, они не были музеями в полном смысле этого слова, их коллекции формировались стихийно. Никаких документов и программ, регламентирующих и упорядочивающих собирание и хранение исторических реликвий в церквях, не существовало. Круг предметов, отбираемых для хранения в полковом храме, был достаточно узок и включал в себя преимущественно иконы, церковную утварь, а также знамёна, трофеи и предметы, связанные с высочайшими шефами полка. Тем не менее, именно полковые церкви стали первыми хранилищами полковых реликвий, приняв со временем характер мемориальных комплексов.

2.2. Возникновение и развитие музеев войсковых частей в последней четверти XIX - начале XX в.

Собирание исторических предметов в полках началось ещё до возникновения собственно музеев. Во многих полках хранились исторические реликвии, трофеи и т. п. Например, Эриванскому и Грузинскому гренадерским и Рязскому, Белёвскому и Тульскому пехотным полкам были высочайше пожалованы взятые ими в сражении при Кюрук-Дара 24 июля 1854 г. турецкие тамбурмажорские трости³⁶. В 81-м пехотном Апшеронском полку хранились две пушки, взятые 9-й и 15-й ротами полка в 1873 г. при штурме Хивы и пожалованные полку императором Александром II. Причём пушки иногда использовались по своему прямому

назначению. Например, 11 декабря 1890 г., во время празднования полком 100-летия взятия Измаила, из пушек производился салют³⁷.

В 1876 г. высочайшим соизволением 49-му пехотному Брестскому полку была передана золотая шпага «За храбрость», принадлежавшая генералу Черткову, герою войны 1812 г., служившего в рядах полка и позднее командовавшего полком. Шпага во время войны должна была быть передана тому из офицеров полка, кто «своей храбростью воскресит заслугу полка в 1812 году»³⁸.

Возникновение собственно полковых музеев относится к концу XIX в. и происходило на основе офицерских собраний. Пункт 54 Положения об офицерских собраниях в отдельных частях войск 1884 г. предусматривал создание при собрании библиотеки, столовой, гимнастического и фехтовального залов, бильярда, стрельбища «и проч.»³⁹. Ещё до создания полковых музеев в офицерских собраниях стали концентрироваться предметы исторического и мемориального характера — картины, портреты, скульптуры, подарки разного рода. Со временем в некоторых полках возникла идея составить из этих предметов музеи. Роль офицерских собраний в процессе возникновения и развития полковых музеев подробно отражена в работе Т. П. Спиридоновой, поэтому мы на этом аспекте останавливаться не будем⁴⁰.

Одним из первых в армейской пехоте был создан музей 65-го пехотного Московского полка. Начало музейной коллекции положил ранец, который был надет шефом полка (с 6 мая 1868 г.⁴¹) наследником цесаревичем Николаем Александровичем во время парада войск Варшавского военного округа 2 сентября 1886 г. (Николай Александрович участвовал в параде в рядах полка). В полку было решено сохранить ранец наряду с прочими полковыми реликвиями на вечные времена. Для него была сделана специальная витрина. Она представляла собой шкаф двухаршинной высоты, покрытый резными раскрашенными изображениями формы полка, его оружия, регалий, орденов и медалей, имевшихся на тот момент у офицеров и солдат полка. На шкафу находилась подставка по размерам ранца, обитая красным сукном и с прикреплёнными по бокам табличками с именами

всех офицеров полка, участвовавших в параде 2 сентября 1886 г. На этой подставке хранился ранец, накрытый вместе с ней стеклянным колпаком. Вся витрина в целом была накрыта ещё одним таким же колпаком (см. прил. 4, рис. 9)⁴².

Затем стали возникать музеи и в других полках. За два с небольшим десятилетия в конце XIX и начале XX в. в русской армии возникает порядка двухсот двадцати музеев войсковых частей, в том числе и во многих полках армейской пехоты. Полковые музеи были созданы во всех шестнадцати гренадерских полках и следующих пехотных: 1-м - 4-м, 7-м - 11-м, 13-м, 15-м, 17-м, 20-м - 22-м, 24-м, 25-м, 27-м, 29-м, 33-м - 36-м, 39-м, 41-м, 45-м, 48-м, 49-м, 51-м - 53-м, 56-м, 57-м, 61-м - 63-м, 65-м - 69-м, 73-м, 75-м, 77-м - 86-м, 89-м, 91-м, 93-м, 95-м - 101-м, 104-м, 105-м, 108-м, 115-м - 118-м, 121-м - 124-м, 129-м, 130-м, 133-м, 137-м - 141-м, 145-м, 147-м, 148-м, 152-м, 153-м, 156-м, 160-м, 163-м, 181-м, 182-м, 185-м, 192-м, 194-м, 198-м, 204-м, 206-м⁴³. Кроме того, автору известно о намерении организовать музеи в 19-м, 43-м и 94-м пехотных полках.

Такой стремительный рост численности музеев был обусловлен теми же причинами, что и значительная активизация полковых историков в рассматриваемый период. Более того, создание полкового музея и написание истории полка во многих случаях шло параллельно и усилиями одних и тех же лиц.

Решение о создании музея принималось общим собранием офицеров части. Инициатива, как правило, принадлежала кому-нибудь из офицеров, зачастую командиру полка. Во многих случаях толчком к решению о создании музея был юбилей существования полка. По такому случаю, например, были учреждены музеи в 13-м Белозерском и 118-м Шуйском пехотных полках.

Средства на содержание музеев из казны не отпускались, поэтому каждый полк изыскивал их сам. В 13-м пехотном Белозерском полку на эти цели ежемесячно вычитались из офицерского содержания по 25 копеек⁴⁴, в 39-м пехотном Томском музей содержался на полковые средства и суммы офицерского собрания⁴⁵, в 104-м пехотном Устюжском средств на содержание музея не выделялось, но все текущие расходы оплачивались из полковых сумм⁴⁶, в 118-м пехотном

Шуйском полку на эти цели выделялись деньги из средств офицерского общества⁴⁷. Некоторые полки делали отчисления на нужды музея из сумм, вырученных за проданные экземпляры полковой истории⁴⁸.

В 4-м пехотном Копорском полку попытались заработать деньги для музея путём продажи сувениров. В феврале 1914 г. полк получил от секретаря особого комитета по устройству музея 1812 г. 300 открыток с видом памятника 3-й пехотной дивизии на Бородинском поле. Командир полка, полковник Э. С. Вейль распорядился передать 100 открыток в солдатскую лавку, а оставшиеся – в музей для продажи посетителям. Вырученные средства передавались на нужды музея⁴⁹.

Проектами положения о войсковых музеях 1913 и 1914 гг., о которых подробнее будет сказано ниже, предусматривалось выделение на нужды музеев средств из казны. Так, в соответствии с проектом, разработанным съездом хранителей полковых музеев Московского военного округа в 1913 г., командир полка должен был ежегодно ходатайствовать о выделении на нужды музея суммы, равной сумме, выделяемой на офицерскую библиотеку. На учреждение музея должно было выделяться единовременное пособие в размере 300 рублей для частей, существующих от 50 до 100 лет, 500 рублей – от 100 до 150 лет и 800 рублей – от 150 лет и более. Помимо этих средств, на нужды музея должны были отчисляться 20 % годового чистого дохода полковой солдатской лавки⁵⁰.

Проект, разработанный комиссией Разряда военной археологии и археографии Императорского русского военно-исторического общества в 1914 г., предусматривал выделение пособия для развития музея из сумм по смете Главного управления Генерального штаба⁵¹.

Устав музея разрабатывался и утверждался собранием офицеров полка. Это был единственный документ, определявший правила учреждения и функционирования полкового музея. Только в 1913 г. появился первый проект положения о войсковых музеях, разработанный первым съездом хранителей музеев частей войск Московского военного округа.

Представление о содержании устава музея можно получить на примере 6-го гренадерского Таврического полка, в котором этот документ был утверждён 11 февраля 1911 г.⁵². Хранитель музея Таврического полка избирался на три года собранием офицеров. В других полках хранитель мог избираться ежегодно (как в 118-м Шуйском полку⁵³) или назначаться командиром полка (как в 39-м Томском⁵⁴, 104-м Устюжском⁵⁵ и 145-м Новочеркасском⁵⁶ полках). Как правило, хранителем избирался один из наличных офицеров полка, но в некоторых случаях на эту должность избирались и отставные офицеры. Например, в 1913 г. хранителем музея 4-го пехотного Копорского полка был избран полковник в отставке М. П. Петров⁵⁷.

Хранитель музея 6-го гренадерского Таврического полка имел право выбирать себе помощника, о чём должен был объявить на общем собрании офицеров. После утверждения кандидатуры помощника командиром части, об этом объявлялось в приказе по полку.

Кроме того, хранителю музея было предоставлено право привлекать одного нижнего чина из штата прислуги офицерского собрания для производства уборки в музее.

В обязанности хранителя музея входило:

- всемерно заботиться о поступлении в музей всех памятников текущей жизни полка и приумножении памятников минувших времён;
- вести переписку по делам музея от имени общества офицеров через командира полка;
- вести историческую опись поступающих предметов;
- вести входящий и исходящий журналы и приходно-расходную книгу.

Как правило, в полку составлялась рукописная опись предметов, хранящихся в музее, известны и печатные описи⁵⁸. Некоторые полки не имели ни того, ни другого.

Режим работы музея устанавливался в каждом полку в соответствии с местными условиями. В большинстве случаев доступ посетителей, не служивших в полку, был ограничен.

Примером может служить упоминавшийся выше музей 6-го гренадерского Таврического полка. В периоды квартирования полка в казармах музей был открыт ежедневно в часы, установленные хранителем музея совместно с распорядительным комитетом офицерского собрания, а также на время, специально предназначенное для приёма гостей и в случаях собрания офицеров части. В периоды квартирования полка вне казарм допуск посетителей производился по договорённости с хранителем и в обязательном его присутствии. При малочисленности офицеров в собрании хранителю предоставлялось право открывать музей только по заявленному кем-либо из офицеров желанию. Нижние чины имели право посещать музей командами ежедневно с ведома хранителя музея, в часы, установленные им совместно с распорядительным комитетом.

Снятие копий с материалов музея разрешалось с ведома и согласия хранителя. В особых случаях он испрашивал разрешения общего собрания офицеров. Вынос же экспонатов разрешался только общим собранием, выслушивающим мотивированный доклад хранителя по этому вопросу⁵⁹.

Доступ в музей 13-го пехотного Белозерского полка был открыт только в период с 1 сентября по 1 мая, то есть во время стоянки полка на зимних квартирах⁶⁰. Музей 118-го пехотного Шуйского полка был открыт для посещения местными посетителями по праздникам с 12 до 2 часов дня и во время танцевальных и семейно-карточных вечеров⁶¹. Музей 122-го пехотного Тамбовского полка работал по вторникам, с 11 до 12 часов⁶².

В 145-м пехотном Новочеркасском полку музей работал ежедневно, кроме среды, воскресенья и праздничных дней с 1 до 2 часов дня. В дни товарищеских обедов он открывался на час после окончания обеда. Посещение музея нижними чинами было возможно при договорённости ротных командиров с музейным хранителем⁶³.

Стремительное увеличение количества музеев привело к необходимости обобщения опыта в этой области и выработки единых для всех войсковых музеев правил. На XV археологическом съезде, который проходил в Новгороде в 1911 г., Д. П. Струков сделал доклад о необходимости съезда представителей отечественных музеев. В докладе формулировались следующие задачи съезда: организация взаимодействия различных музеев, выработка единых правил хранения, регистрации памятников, их датировки, единой терминологии⁶⁴.

Инициатива Д. П. Струкова была поддержана председателем Императорского московского археологического общества графиней П. С. Уваровой и товарищем председателя Императорского русского исторического музея князем Н. С. Щербатовым, и 27 декабря 1912 г. Первый предварительный всероссийский съезд деятелей музеев и архивов начал свою работу в Москве под председательством князя Н. С. Щербатова. Работа съезда велась по секциям, среди которых была и секция полковых музеев, возглавляемая генерал-майором Н. А. Марксом. В работе секции принимали участие 12 человек, представлявшие десять полковых музеев⁶⁵.

На съезде были обозначены основные проблемы в деле организации и деятельности полковых музеев, намечена программа дальнейших действий.

Прежде всего, было единогласно принято предложение о необходимости признания за полковыми музеями официальности учреждения и служебной пользы и о желательности выработки для них «нормального» положения с отпуском ежегодного денежного довольствия от казны на содержание музеев. Признавалось необходимым возбудить вопрос о хранении трофеев, исторических реликвий, полковых знамён, грамот и других регалий в полковых музеях. В музеях признавалось необходимым помещение всех исторических предметов, связанных с именем полка. Указывалось на обязательность занесения в опись музея также памятников, принадлежащих полку, но находящихся вне его расположения и об установлении за ними надзора со стороны хранителя музея. Признавалось желательным выделение из полковых архивов исторических документов, в том числе под-

листных приказов по части и послужных списков офицеров и помещение их в музей. Для пополнения музеев необходимыми предметами было предложено испрашивать разрешение на допущение добровольного обмена музеев дубликатами «путём непосредственного сношения через особую вновь образованную центральную комиссию», а также об отпуске полковым музеям из артиллерийских и интендантских складов нужных предметов. Было также признано необходимым выработать систему составления описей, каталогов и ежегодных отчётов полковых музеев.

Помимо прочего, было высказано пожелание при рассмотрении «нормального» положения о войсковых музеях внести в него правила передачи коллекций музея в случаях выступления в поход, а также о передаче всех исторических предметов в Военно-исторический музей в случаях расформирования воинских частей, имеющих музеи.

Единогласно было высказано пожелание о передаче в Военно-исторический музей всех трофейных знамён, находящихся на тот момент в церквях, где они «гибнут от атмосферических условий и неумелого с ними обращения». Вместе с тем было постановлено ходатайствовать о запрещении реставрации исторических и трофейных знамён в самих полках и частными лицами, предоставив право реставрации знамён исключительно Артиллерийскому музею.

Было решено разработать правила реставрации знамён, выданных в полки, и весь вопрос передать в Разряд военной археологии и археографии Императорского русского военно-исторического общества, где тот же вопрос уже разрабатывался. Был возбуждён вопрос о необходимости проверки полных хроник воинских частей, что постановили просить осуществить Императорское русское военно-историческое общество. Также было высказано пожелание ведения в войсковых частях, кроме официального дневника, ещё неофициального, в который мог бы заносить свои впечатления и заметки из повседневной жизни части каждый офицер.

Кроме того, было постановлено просить считать служебной командировкой поездки представителей войсковых музеев на съезд, так как «работы съезда помогут устройству в частях музеев, несомненно служащих на пользу военного дела в воспитательном отношении».

В заключении было постановлено все материалы, выработанные в совещании секции, передать председателю комиссии по вопросам о полковых музеях, образованной в Московском военном округе, с тем, чтобы эти материалы вместе с заключением указанной комиссии были переданы Д. П. Струкову для оказания содействия по устройству подобных комиссий во всех округах и сообщения этим комиссиям уже выработанных положений, а также для передачи их Императорскому русскому военно-историческому обществу⁶⁶.

Через четыре месяца, 20-26 апреля 1913 г., в штабе Московского военного округа состоялся съезд хранителей музеев частей войск этого округа. Инициатором его проведения выступил Московский отдел Императорского русского военно-исторического общества. Целью съезда было выяснение всех нужд, связанных с обустройством полковых музеев. В связи с этим отдел обратился к командирам всех частей округа с просьбой о содействии в организации съезда. Рекомендовалось прибыть на съезд представителям всех частей, в том числе и тех, в которых музеев ещё не было⁶⁷. Всего в работе съезда участвовали 53 офицера из почти всех частей войск округа и военно-учебных заведений⁶⁸ под руководством председателя исторической комиссии 11-го гренадерского Фанагорийского полка полковника В. Н. Смердова. Все участники разбились на семь секций, и каждая должна была рассмотреть часть предложенных вопросов. Работа каждой секции длилась с 9 часов утра до 4 часов дня. С 6 до 12 часов вечера проводились общие заседания, на которых представители секций делали доклады по итогам своей работы. Доклады эти тут же обсуждались и утверждались большинством голосов съезда⁶⁹.

Были рассмотрены следующие вопросы:

– учреждение полковых музеев, средства и способы их существования;

- «заповедность и неотчуждаемость» музеев, их охрана и допуск к ним;
- учреждение исторических комиссий и должности хранителей музеев. Их права и обязанности;
- организация устройства музеев. Передача музеев при расформировании и мобилизации и обмен предметами;
- опись музея. Отчётность музеев. Бюро для справок;
- ведение хроник (дневников);
- получение документов из других музеев и архивов. Передача в музей разного рода предметов, их сохранность и неотчуждаемость.

В ходе работы делегаты съезда посетили музеи Александровского и Алексеевского военных училищ, 1-го кадетского корпуса, 3-го Перновского, 7-го Самогитского и 11-го Фанагорийского гренадерских и 1-го гусарского Сумского полков⁷⁰.

После окончания работы съезда 26 апреля 1913 г. на вечернем заседании был прочитан и подписан выработанный съездом проект положения о полковых исторических музеях и собирании материалов для полковой истории. Проект был отпечатан с расчётом на то, что участники подобных съездов в других военных округах смогут приобрести себе по экземпляру⁷¹.

В ходе работы съезда были разработаны общие правила устройства и функционирования полковых музеев. В частности, были выработаны инструкции для хранителей полковых музеев и полковых исторических комиссий.

Для рассмотрения проекта положения о музеях собрание Разряда военной археологии и археографии Императорского русского военно-исторического общества постановило создать комиссию под руководством А. К. Баиова и Д. П. Струкова. Помимо рассмотрения проекта, выработанного съездом Московского военного округа, в задачу комиссии входило также создание нового, в случае, если предыдущий будет признан недостаточно совершенным. На пяти заседаниях 3, 13, 20 и 27 января и 31 марта 1914 г. комиссия рассмотрела проект 1913 г. и выра-

ботала основу для своей версии проекта положения о войсковых музеях. Редактирование было поручено подкомиссии в составе Г. С. Габаева, Н. М. Печёнкина и В. С. Савонько. 31 мая Разряд военной археологии и археографии одобрил новый проект⁷². Следует отметить, что в работе над ним принимали участие практически все видные специалисты в области военно-музейного дела того времени. Кроме уже упомянутых, можно назвать имена К. К. Агафонова, А. И. Григоровича, В. В. Жерве, М. К. Соколовского.

Новый проект положения о войсковых музеях, по сути, являлся дополнением к Положению об офицерских собраниях в отдельных частях войск 1884 г. К нему были добавлены пункты, предусматривавшие возможность создания при собрании, помимо прочих учреждений, также и музея. В нём определялись обязанности заведующего музеем, характер предметов, подлежащих хранению в музее, и некоторые другие вопросы. Проект положения был дополнен тремя приложениями: указаниями к устройству и созданию полковых музеев; проектом инструкции для хранителя войскового музея; перечнем предметов, помещение которых в войсковом музее желательно, включавшем 37 категорий предметов.

Принципиальных расхождений с проектом положения, выработанным на съезде хранителей музеев Московского военного округа, этот проект не имел. Новый проект был сформулирован в более общей форме, предоставляя право выработки частных правил устройства и содержания музеев самим полкам с учётом конкретных местных условий.

Дальнейшая разработка законодательной основы для создания полковых музеев была прервана Первой мировой войной, а затем крушением Российской империи и русской армии.

Следует отметить, что движение по созданию полковых музеев имело и своих противников. Их аргументы, главными из которых была необходимость предотвращения распыления экспонатов по небольшим музеям и обеспечение безопасности и сохранности исторических реликвий, были достаточно убедительными. В числе таких противников был, например, известный музейный деятель

Н. Е. Бранденбург. Признавая теоретически целесообразность создания полковых музеев, он в то же время считал, что со временем они «будут обречены на гибель,... ибо мания пройдет... явятся другие люди, другие взгляды и набранные коллекции или начнут постепенно исчезать, или... в качестве излишнего хлама сдадутся в склад, где в конце концов и будут предназначены к уничтожению»⁷³. По этой причине Н. Е. Бранденбург был обеспокоен многочисленными заявками полков в Артиллерийский музей на выдачу им экспонатов.

25 января 1912 г. вышло предписание Главного управления Генерального штаба, в котором, в частности, говорилось:

«Государю императору благоугодно было высочайше соизволить на создание Русского военно-исторического музея, в котором должно быть собрано всё, что наглядно может свидетельствовать о развитии наших вооружённых сил и боевых подвигах войск.

Означенный музей предположен пополнить, главным образом, из существующих ныне военных музеев общего значения, то есть Артиллерийского музея, магазина образцов при Главном интендантском управлении и Военно-учёного архива.

Между тем некоторые войсковые части возбуждают ходатайства о выдаче им для хранения в своих полковых музеях предметов из означенных хранилищ, главным образом из магазина образцов при Главном интендантском управлении.

Принимая во внимание широкие образовательное и воспитательное значение будущего Военно-исторического музея по сравнению с узкоспециальными задачами, которые преследуются полковыми музеями, мало известными и доступными лишь ограниченному кругу офицеров, военный министр признал необходимым в интересах наиболее полного сосредоточения исторических памятников в общем музее, испросить высочайшее соизволение на полную неприкосновенность военных музеев общего значения.

В 14 день сего января последовало высочайшее соизволение на воспрещение войсковым частям входить с ходатайством о выдаче из военных музеев общего значения каких-либо предметов, исключая их полковых регалий»⁷⁴.

Тем не менее, полковые музеи продолжали развиваться и пополняться даже в годы начавшейся вскоре Первой мировой войны, пока крушение Российской императорской армии не сделало невозможным их дальнейшее существование.

2.3. Состав коллекций и структура музеев войсковых частей.

Характер собиравшихся в войсковых музеях экспонатов определялся теми целями, которые преследовались их создателями. Цели эти были те же, что и у авторов полковых историй – воспитание военнослужащих в духе любви к истории и традициям своей части и осознания своей принадлежности к ней. В одном из документов задачи полковых музеев формулируются таким образом: «полковые же музеи, эти храмы полковой славы, являются одним из главных для этого средств – научения каждого собирать, изучать, любить своё прошлое, гордиться им и стремиться подражать своим примером предкам, кои ковали славу каждой части на полях брани в защиту ВЕРЫ, ЦАРЯ и РОДИНЫ»⁷⁵.

В общих чертах характеристика материалов, которые должны были храниться в полковых музеях, содержится в самом определении музея в проекте Императорского русского военно-исторического общества 1914 г.: «музей каждой войсковой части есть собрание и хранилище вещественных, письменных и графических (художественных) памятников, свидетельствующих о былой службе, доблести, верности и боевых подвигах части»⁷⁶.

Рассмотрим более подробно состав коллекций полковых музеев полков армейской пехоты русской армии конца XIX – начала XX в.

Вероятно, самыми ценными реликвиями полков были полковые знамёна. 25 ноября 1897 г. император разрешил частям, имеющим полковые или предоставленные в их пользование церкви ходатайствовать о разрешении на хранение старых полковых знамён при этих частях. Но право это было предоставлено лишь полкам, в местах квартирования которых формировались соответствующие запас-

ные части, которым должны были передаваться на хранение указанные знамёна при выступлении полка в поход⁷⁷.

Этим правом воспользовались многие части. Так, за 1902-1903 гг. из Артиллерийского исторического музея было выдано 23 старых знамени четырём гренадерским полкам (9-му Сибирскому, 10-му Малороссийскому, 11-му Фанагорийскому и 12-му Астраханскому) и пяти пехотным (3-му Нарвскому, 4-му Копорскому, 9-му Староингерманландскому, 34-му Севскому и 85-му Выборгскому)⁷⁸.

В 1903 г. Главным артиллерийским управлением была издана опись знамён и других полковых регалий, хранившихся в Артиллерийском историческом музее с указанием принадлежности их к частям войск⁷⁹. Опись была разослана в войска для облегчения им поиска своих регалий.

Особо следует отметить случай передачи на хранение в 1905 г. пехотным полкам: 3-му Нарвскому, 45-му Азовскому, 66-му Бутырскому и 131-му Тираспольскому (бывшему Пермскому) знамён, спасённых нижними чинами в Аустерлицком сражении 1805 г., сохранённых затем в плену и возвращённых в Россию в 1808 г. До 1816 г. эти знамёна хранились в архиве военно-походной его величества канцелярии, после её упразднения были переданы в архив Инспекторского департамента, впоследствии переименованного в Общий архив Главного штаба. В 1897-1898 гг. производилась отправка книг, планов и карт Военно-учёного и Общего архивов Главного штаба в его Московское отделение. В ходе этих работ и был обнаружен свёрток со знамёнами Нарвского, Азовского, Бутырского, Пермского и Галицкого пехотных полков (последнее не было передано в полк, так как он к этому времени уже был расформирован). 21 ноября 1905 г. император Николай II, «принимая во внимание, что на знамёна эти, как не бывшие в руках неприятеля, справедливее смотреть как на спасённые, нежели как на утраченные, и, имея в виду, что вышеуказанные полки участвовали в последующих войнах России и имеют за это участие боевые отличия» повелел передать знамёна на хранение в полки и зачислить навечно в их списки лиц, спасших эти знамёна⁸⁰.

В последующие годы процесс выдачи старых знамён в полки продолжался. А. И. Деникин, вспоминая свою службу в должности командира 17-го пехотного Архангелогородского полка, писал: «Чтобы оживить в памяти полка его боевую историю, я возбудил ходатайство о передаче полку хранившихся в Петербурге, в складах, старых полковых знамён, которых нашлось – 13. Эти знамёна – свидетели боевой славы полка на протяжении двух столетий – одни с уцелевшими полотнищами, другие – изодранные в сражениях или совсем обветшалые сохранялись потом в созданном мною полковом музее, в котором удалось собрать немало реликвий полка... Прибывшие к нам знамёна были встречены с большой торжественностью – строем всего полка, в присутствии высших начальников и командующего войсками Киевского округа генерала Иванова»⁸¹. Помимо знамён, в полк были присланы также три серебряные трубы и другие предметы⁸².

Одну из самых богатых коллекций старых полковых знамён имел 11-й гренадерский Фанагорийский полк. В полковом музее хранились два знамени времён Екатерины II, знамя 1798 г., четыре Георгиевских знамени 1810 г., четыре Георгиевских знамени 1831 г., три знамени запасного батальона времён Николая I, Георгиевское знамя 1877 г. и полковое знамя 1890 г.⁸³.

Ещё более внушительная коллекция полковых знамён (30 штук) хранилась в церкви 14-го гренадерского Грузинского полка⁸⁴.

Как было сказано ранее, старые полковые знамёна зачастую хранились в полковых церквях и после учреждения музеев. Например, знамя Копорского мушкетёрского полка 1803 г. хранилось в полковой церкви, в то время как в музее демонстрировалась его фотокопия⁸⁵.

Позднее, при мобилизации в начале Первой мировой войны старые батальонные знамёна было приказано выдать полкам второй очереди⁸⁶.

Помимо собственно знамён, в музеях (или церквях) хранились также их детали – скобы, ленты.

Другой категорией предметов, хранившихся в полковых музеях были вещи, связанные с именем полкового шефа, а также вещи, связанные с посещением пол-

ка той или иной высочайшей особой или принадлежавшие последней. 25 ноября 1886 г. 65-й пехотный Московский полк получил от своего шефа, наследника цесаревича Николая Александровича подарок – сделанные из жести модели пехотных и орудийных окопов⁸⁷. Этот подарок хранился позднее в полковом музее. Музей даже имел специальный отдел, в котором хранились подарки полку от шефа – императора Николая II⁸⁸. В музее 12-го гренадерского Астраханского полка хранился знак ордена св. Георгия 4-й ст., принадлежавший императору Александру I⁸⁹.

Как правило, после смерти шефа в полк передавались его мундир и другие вещи. Причём это касалось не только российских, но и иностранных высочайших особ. Например, 3 января 1914 г. по просьбе 4-го пехотного Копорского полка с разрешения короля Саксонии в полковой музей были высланы мундир, брюки и эполеты бывшего шефа полка – короля Альберта⁹⁰. В музее 86-го пехотного Вильманstrandского полка хранился мундир австрийского эрцгерцога Альбрехта – полкового шефа с 1874 по 1895 г⁹¹.

2 декабря 1894 г. 145-му пехотному Новочеркасскому полку был пожалован полковой мундир, принадлежавший покойному шефу – императору Александру III. Церемония передачи мундира описана в полковой истории: «Для принятия этой регалии командир полка, при ассистентах: подполковнике Рутницком, капитане Богдановиче и поручике Туганове, к 2 часам дня прибыли в собственный его величества Аничковский дворец. К тому же часу на дворе дворца выстроился взвод I роты при хоре музыки. Дорогой мундир, священную память о нашем державном шефе, полковник фон Лизарх-Кенигк получил лично от государя императора. Взвод отдал честь мундиру, как знамени. Ко времени прибытия взвода на Охту весь полк был выстроен у своих казарм. Мундиру вновь была отдана честь, а по отслужении литии – он был внесён в полковую церковь и уложен для хранения в особо устроенную витрину. «Высочайшая милость и отличие это, - писал командир полка в своём приказе, - да запечатлеет навсегда в благодарных сердцах наших и да послужит нам, новочеркасцам, поощрением к дальнейшей нашей

беспредельно преданной и верной службе!»⁹². Позднее, при открытии 29 ноября 1911 г. полкового музея, мундир был перенесён туда вместе со знамёнами 2-го и 3-го батальонов 1870 г. и скобами знамён 1-го, 2-го и 3-го батальонов 1884 г.⁹³.

Попадались и курьёзные экспонаты, как, например, перчатка Николая II и цветок из-под его ног, хранившиеся в музее 115-го пехотного Вяземского полка⁹⁴. А в музее 95-го пехотного Красноярского полка сохранялась скамейка, на которой сидела вдовствующая императрица Мария Фёдоровна⁹⁵.

Некоторые полки, шефами которых были знаменитые полководцы прошлого, шли ещё дальше, устраивая музеи, целиком посвящённые своим шефам. Так, в 1910 г. при 104-м пехотном Устюжском полку был открыт музей имени князя П. И. Багратиона, в котором собирались предметы, имеющие отношение к его биографии. В частности, в музее хранился прижизненный портрет генерала, написанный незадолго до его смерти⁹⁶. В музее 11-го гренадерского Фанагорийского полка был выделен «суворовский» отдел (см. прил. 4, рис. 7). Среди прочих экспонатов можно назвать собрание портретов полководца (в том числе прижизненных), картин из его жизни, документы с подписью А. В. Суворова, модель памятника А. В. Суворову на Сен-Готарде у Чёртова моста, коллекция копий наград за выигранные А. В. Суворовым сражения и т. д.⁹⁷. В 11-м пехотном Псковском полку в связи со столетним юбилеем Отечественной войны в 1912 г. было решено создать музей полкового шефа – М. И. Кутузова. С этой целью в газете «Русский инвалид» было опубликовано объявление с просьбой откликнуться потомков полководца и бывших офицеров полка⁹⁸.

Значительную часть коллекций любого полкового музея составляли образцы вооружения и боеприпасов полка за различные периоды. По словам одного из музейных хранителей, оружие – «вещь необходимая для военного музея, имеющего целью дать понятие о прошлой боевой жизни, её средствах и славе, добытой ими»⁹⁹. Характерно наличие во многих музеях образцов оружия, не имеющего непосредственно отношения к полку. Например, в числе прочих экспонатов в музее 115-го пехотного Вяземского полка хранились винтовки Бердана драгунского и

казацкого образцов, кирасирский палаши, сабля рижской гвардии и др.¹⁰⁰. Встречалось в полковых музеях даже средневековое оружие. Например, в описи музея 65-го пехотного Московского полка значились два бердыша, кремневый пистолет и пороховница XVII в., мушкет рубежа XVII и XVIII вв.¹⁰¹. В то же время достать образцы оружия, снятого с вооружения даже относительно недавно, было довольно затруднительно. Так, винтовка системы Крнка, принятая на вооружении Российской императорской армии в 1868 г., в 1912 г. стоила в Санкт-Петербурге 100-150 рублей¹⁰². В связи с этим в военной печати высказывались пожелания о налаживании на казённых оружейных заводах производства образцов старого вооружения по заказам полковых музеев¹⁰³.

По всей вероятности, ни один музей не обошёлся без демонстрации в своей экспозиции предметов обмундирования полка. Добыть подлинные образцы униформы за весь период существования части было невозможно. Эта проблема решалась путём пошива копий. Так поступили, например, в 13-м пехотном Белозерском полку, где в 1908 г. к празднованию двухсотлетнего юбилея были сшиты копии формы полка за период со времени Петра I до времени правления Николая I. Впоследствии эти мундиры поступили на хранение в полковой музей¹⁰⁴. В некоторых случаях вместо манекенов в полный рост для музеев заказывались фигуры меньшего размера, приблизительно 45-55 см высотой. Это могли быть куклы, одетые в уменьшенные копии обмундирования (такие куклы изготавливались, в частности, в отделе игрушек Московского кустарного музея) или гипсовые фигуры, окрашенные или даже покрытые очёсками соответствующей ткани и с надетым снаряжением. Такие фигуры хранились в Интендантском музее, а также были подарены некоторым полкам Николаем I¹⁰⁵.

Другим, более доступным и распространённым способом представить обмундирование полка за всю его историю были рисунки. Это могли быть литографии, акварели, раскрашенные фотографии и т. п. В Петербурге некоторые художники писали точные акварельные копии с оригиналов А. В. Висковатова из Интендантского музея.

Важным источником пополнения коллекций полковых музеев были военные трофеи и другие памятные предметы с мест сражений. Так, в музее 12-го гренадерского Астраханского полка хранились трофейные турецкие документы периода войны 1877-1878 гг.¹⁰⁶ Многие музеи значительно пополнились в результате русско-японской войны 1904-1905 гг. С фронта в музеи поступали трофеи, фотографии, дневники, письма и другие предметы. Причём среди трофейных вещей встречались не только японские, но и взятые у хунхузов¹⁰⁷.

В музее 145-го пехотного Новочеркасского полка хранились японские ружья, сабли и амуниция, много фотографий, дневники и письма участников боёв в Манчжурии¹⁰⁸. В музее 11-го гренадерского Фанагорийского полка – китайские мечи и старое ружьё¹⁰⁹; 104-го пехотного Устюжского полка – японский и китайский компасы¹¹⁰; 115-го пехотного Вяземского полка – письма чинов полка с фронта, японские винтовки, сабля, газета, письмо японского солдата и др.¹¹¹.

Поступали экспонаты и с фронтов Первой мировой войны. Так, в музей 182-го пехотного Гроховского полка в 1914 г. поступили немецкие и австрийские винтовки, в январе 1916 г. – немецкий стальной шлем, фляга и др., в апреле того же года – снаряд¹¹². В музее 86-го пехотного Вильманstrandского полка хранились осколки и винтовки с полей сражений Первой мировой войны¹¹³.

Кроме войн с внешним врагом в музеях нашли отражение и события 1905-1907 гг. в России. В музее 115-го пехотного Вяземского полка, например, хранилось оружие, взятое у революционеров – револьвер, пистолет, «самопал», сабля и тесак¹¹⁴, в музее 12-го гренадерского Астраханского полка – две обоймы, отобранные у революционеров в декабре 1905 г.¹¹⁵.

Многие полки старались отразить в экспозиции музеев и своё участие в предыдущих войнах – Отечественной войне 1812 г., Кавказской, Крымской войнах, русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и т. д. Но поскольку в те годы музеев в полках не существовало, сбор подобных материалов был затруднён. Тем не менее, многим полкам удалось собрать вещи, относящиеся ко времени этих кампаний (в данном случае уместнее говорить не о трофеях полка, а об образцах неприятель-

ского вооружения и амуниции, а также о предметах, найденных на полях сражений). Источники были различные: раскопки на местах сражений¹¹⁶, подарки бывших офицеров части – участников войн и их потомков, приобретения из частных коллекций. Высказывалось даже предложение закупить в Турции специально для полковых музеев партию винтовок систем Пибоди, Снайдера и Винчестера, использовавшихся турецкой армией во время войны 1877-1878 гг.¹¹⁷

Ряду музеев удалось раздобыть вещи, относящиеся к эпохе Наполеоновских войн. Эта тематика приобрела особенную актуальность в связи с отмечавшимся в 1912 г. столетием Отечественной войны. 9 августа 1913 г. гжатский уездный исправник Неклюдов выслал в музей 4-го пехотного Копорского полка два кремневых замка, найденных «по пути следования Наполеона», у д. Колесниково Гжатского уезда¹¹⁸. Помимо этого, в музее хранились также такие экспонаты, как «палаш с польской короной», клинок польской сабли, кремневый пистолет 1814 г., граната, ядро, картечь и др. Большинство этих предметов были подарены полку частными лицами, часть – куплены или найдены на полях сражений¹¹⁹. В музее 104-го пехотного Устюжского полка демонстрировались ядро и картечная пуля, найденные на Бородинском поле, в районе Багратионовых флешей¹²⁰.

Из предметов, связанных с Крымской войной, можно назвать пули и осколки, найденные в 1911 г. на 3-м бастионе Севастополя и английский револьвер из музея 115-го пехотного Вяземского полка¹²¹, сардинскую офицерскую саблю из музея 118-го пехотного Шуйского полка¹²², пули, осколки и картечь с 4-го бастиона Севастополя из музея 39-го пехотного Томского полка¹²³.

Яркие экспонаты, имевшие не только военно-исторический, но и этнографический интерес, были связаны с Кавказской войной. Среди других выделялась большая коллекция различного оружия, в том числе кавказских доспехов, холодного и огнестрельного оружия и музыкальных инструментов, переданных в дар музею 115-го пехотного Вяземского полка Б. Ф. Гильдебрандтом¹²⁴.

Значительное количество трофеев относилось ко времени русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Многие из её участников на момент учреждения музеев ещё

служили в полках, поэтому собрать трофеи и сувениры этой войны было сравнительно нетрудно. Турецкое оружие хранилось, например, в музеях 11-го гренадерского Фанагорийского полка (винтовки Снайдера и Пибоди, штык), 65-го пехотного Московского (ятаган и шашка), 118-го пехотного Шуйского (винтовка Пибоди со штыком) полков¹²⁵.

Практически каждый музей имел коллекцию медалей, знаков, жетонов, орденов. Как правило, в музей отбирались только те из них, которые имели отношение к полковой истории. Например, медали за войны и сражения, в которых полк принимал участие, юбилейные медали, полковые жетоны и знаки, ордена офицеров полка. Но известны случаи, когда в этом отделе собирались все доступные военные и даже невоенные медали, а иногда даже монеты. Часто вместо подлинников в полковых музеях хранились копии медалей. Так, копии медалей с портретами государей и в память некоторых полководцев и событий музеи могли заказать на Монетном дворе¹²⁶.

Ещё одной повсеместно распространённой категорией экспонатов были фотографии офицеров и нижних чинов полка, а также групповые фотографии и изображения различных эпизодов из полковой жизни. С целью их сбора полки рассылали бывшим своим военнослужащим письма с просьбами прислать свои портреты. Так, в 1912 г. хранитель музея 145-го пехотного Новочеркасского полка разослал письма запасным нижним чинам — кавалерам Знака отличия Военного ордена с такой просьбой¹²⁷. В 11-м гренадерском Фанагорийском полку ежегодно при увольнении в запас нижних чинов делались их поротные снимки¹²⁸. § 5 положения о полковом музее 145-го пехотного Новочеркасского полка гласил, что каждый поступающий в полк офицер или классный чиновник должен был в течение 3-х месяцев передать в музей свою фотографию с собственноручной надписью и датой поступления в полк¹²⁹. Фотографии могли храниться в альбомах, размещаться на «вертушках — столбах, на которых поворачиваются вертикальные рамы с портретами»¹³⁰, на стенах музея. Рекомендовался также следующий способ: «на столике (одноногим даже), поверхностью вроде ломберного, поставлены

наклонно, опираясь друг на друга, как в двухстороннем попитре, две рамы-коробки без дна. На обращённых друг к другу поверхностях верхней и нижней досок короба сделан ряд металлических желобков, в которые вставлены и по которым двигаются вправо и влево картины, заклеенные между картоном и стеклом – окантованные, как зовут переплётчики. Боковые стенки короба имеют просветы, по краю коих поставлены №№ картин по перечню, помещённому на доске-подпорке ниже фаса короба, так что можно выдвинуть из группы любой №. Виденный попитр вмещал в себе с каждой стороны по 20 картонов формата в лист писчей бумаги, будучи вполне устойчив, занимая очень немного места, сохраняя картины от альбомной трёпки и закрытыми от выцветания»¹³¹.

Также создатели полковых музеев старались найти и портреты чинов полка, относящиеся к более ранним эпохам. Это могли быть шефы и командиры полков, герои Отечественной войны 1812 г. и других кампаний, выдающиеся личности, служившие в полку.

Кроме портретов офицеров и нижних чинов полка, полковыми музеями собирались также изображения начальников дивизий, корпусов и т. д. Особое внимание уделялось портретам императоров и особ императорской фамилии. Каждый полк считал необходимым иметь в музее портреты царей, при которых полк служил, высочайших шефов, особ императорской фамилии. В некоторых случаях удавалось приобрести довольно ценные портреты. Так, в 1891 г. 65-му пехотному Московскому полку случайно удалось приобрести поясные портреты Петра I и Екатерины II, написанные на полотне масляными красками в 1722 и 1777 гг. соответственно. Реставрированные и вставленные в соответствующие стилю и времени рамки, портреты были помещены на стенах зала офицерского собрания¹³². Музею 11-го гренадерского Фанагорийского полка посчастливилось стать обладателем портретом А. В. Суворова, написанным в Италии в 1799 г. Портрет передала полку в дар дочь полководца – графиня Зубова¹³³.

Ещё одна категория иллюстративного материала – карты походов и кампаний, в которых полк участвовал. Маршруты походов и места битв и стоянок нано-

сились на карты издания Главного штаба или военно-топографических отделов цветной чертой. Поверх карты накладывалась калька с краткими сведениями о сражении. Если на одном театре происходило несколько войн, то события каждой из них наносились разными цветами¹³⁴.

В музеях некоторых полков хранилась ещё одна интересная категория экспонатов. Это подарки иностранных войсковых частей. В конце XIX в. начинают складываться дружественные связи между полками русской армии и одноименными им по номеру французскими полками. Связи эти выражались во взаимных визитах, подарках и поздравлениях по случаю различных полковых торжеств. В музее 39-го пехотного Томского полка хранились бронзовая статуэтка, изображающая солдата французского 39-го пехотного полка, присланная офицерами этого полка по случаю столетнего юбилея томцев, ваза «Рыбачка» - дар дам французского полка, манекен в походной форме 39-го полка, эполеты капитана и лейтенанта, сабля, принадлежавшая одному из французских офицеров и подаренная им Томскому полку¹³⁵.

В конце 1890-х гг. завязались дружественные отношения между 69-м пехотным Рязанским полком и французским 69-м пехотным полком. Полки обменивались поздравительными телеграммами по случаю полковых торжеств (полковой праздник 22 августа у Рязанского полка и торжество знамён 4 июля у французов). В конце 1897 г. французские унтер-офицеры послали при письме своего командира свою групповую фотографию унтер-офицерам Рязанского полка. В ответ такая же была выслана во Францию¹³⁶.

Подобные отношения поддерживались и между офицерами русского 115-го пехотного Вяземского полка и 115-го пехотного полка французской армии. 23 января 1898 г. в офицерском собрании Вяземского полка состоялась торжественная передача французским консулом в Риге де Беллисен-Бенаном альбома с фотографиями – подарка от французского 115-го пехотного полка. В ответ были также высланы фотографии¹³⁷.

Одним из экспонатов музея 104-го пехотного Устюжского полка было поздравительное письмо по случаю юбилея от командира 104-го пехотного полка французской армии¹³⁸, а 156-й пехотный Елисаветпольский полк получил в подарок от одноимённого французского полка хрустальную вазу¹³⁹. В архив музея 4-го пехотного Копорского полка во время Первой мировой войны поступила телеграмма от унтер-офицеров 4-го полка алжирских стрелков французской армии¹⁴⁰.

Многие полковые музеи включали церковные отделы (хотя в некоторых полках церковные предметы исторического характера хранились в «сборных отделах»). В большинстве случаев церковная утварь хранилась в полковой церкви (эти предметы, как правило, были занесены в опись музея). В описи музея 86-го пехотного Вильманstrandского полка, например, значилось достаточно большое количество предметов религиозного характера¹⁴¹. Среди них особое место занимали образа «Снятие с креста» и «Тайная вечеря», написанные известным художником А. А. Ивановым в конце 1820-х гг. для малой церкви Зимнего дворца. Император Николай I в 1830 г. пожаловал эти иконы церкви штаба войск 2-й и 3-й поселённых гренадерских дивизий в Старой Руссе. В 1864 г. церковь, а вместе с ней и иконы перешли в ведение Вильманstrandского полка¹⁴².

В музее 121-го Пензенского полка хранились царские двери из походной церкви, сделанные в Манчжурии из гаоляна нижними чинами, и плащаница, написанная капитаном П. В. Брайковым и освящённая в Великую Пятницу 1905 г.¹⁴³.

Большинство музеев имели свои библиотеки и архивы. Для библиотеки приобретались труды, посвящённые истории полка, истории других войсковых частей, описания войн и кампаний, в которых полк участвовал, биографии шефов и командиров, уставы. Кроме того, в библиотеке хранились произведения офицеров полка вне зависимости от их тематики.

Большую часть документов музейного архива составляли поздравительные телеграммы, меню праздничных обедов (как правило, художественно оформленные), программы полковых праздников, важные приказы по полку, дивизии, исторические документы (в том числе с автографами известных военных деятелей),

партитуры полковых маршей. На необходимость сохранения в музеях полковых песен указывал А. Жуковский. Он делил песни, бытовавшие в полках, на три категории: 1) серьёзные, с хорошим текстом; 2) имеющие заманчиво-бойкий ритм, но бессодержательные; 3) «сальные». Сохранять, по его мнению, необходимо было песни первых двух категорий. Причём в музее они были бы защищены от позднейших добавлений и изменений¹⁴⁴. В архивах полковых музеев хранились также рукописи воспоминаний офицеров полка и исторических трудов. Так, в музее 6-го гренадерского Таврического полка хранились «Походные заметки офицера 6-го гренадерского Таврического полка за время участия полка в русско-турецкой войне 1877-1878», в музее 12-го гренадерского Астраханского полка - воспоминания подполковника Рогге «Астраханцы под Плевной 28 ноября 1877 г.»¹⁴⁵.

Первой и, наверное, основной задачей каждого хранителя полкового музея было пополнение коллекции. Поиск экспонатов, как правило, начинался в самом полку. Так, на первом заседании комитета по вопросу об устройстве полкового исторического музея и составлении истории 12-го гренадерского Астраханского полка 22 ноября 1904 г. было принято решение обратиться к ротным командирам с просьбой о передаче в музей всех предметов, имеющих отношение к полковой истории¹⁴⁶. Как писал Б. В. Адамович в статье, посвящённой организации полковых музеев, «в любом полковом цейхгаузе всегда найдутся образцы более или менее отдалённых форм обмундирования и снаряжения полка, а в оружейной мастерской несколько ружей старых систем»¹⁴⁷.

Но поиск экспонатов не ограничивался полком. С этой целью рассылались письма бывшим сослуживцам с соответствующими просьбами, а также помещались объявления в газетах. В частности, решение предпринять такие шаги было принято на упоминавшемся ранее заседании комитета 12-го гренадерского Астраханского полка. Были даны объявления в «Русском инвалиде», «Ниве», «Русских ведомостях», «Новом времени», «Московских ведомостях»¹⁴⁸. Это чаще всего давало неплохой результат. Бывшие однополчане высылали свои фотографии, воен-

ные трофеи, дневники и т. д. Нередко отзывались на призыв и люди, не связанные с полком.

Кроме того, экспонаты приобретались в антикварных и букинистических лавках и магазинах. В последних приобретались издания по военной истории и, особенно, по истории военного костюма русской армии.

В начале XX в. в военной печати велось активное обсуждение схемы организации полковых музеев. Самой удачной, по мнению современников, была схема, предложенная Б. В. Адамовичем в его статье в газете «Русский инвалид» в 1900 г.¹⁴⁹. В соответствии с этой схемой, полковой музей делился на следующие отделы:

- I. «Заповедный». В нём хранились наиболее ценные регалии полка – знамёна, подарки высочайших особ, высочайшие рескрипты, грамоты, телеграммы и т. п.;
- II. Обмундирование, оружие, снаряжение полка и полковые печати;
- III. Трофеи, оружие, обмундирование и снаряжение неприятеля и военно-походные сувениры;
- IV. Личные знаки отличий, медали, жетоны, рубли, кружки и прочие предметы, изготовленные в память о различных событиях;
- V. Архив музея, где должны были храниться «меню, программы, приглашения, письма, приказы по командированным строевым частям полка, дневники, записки, телеграммы и тому подобные сувениры мирной жизни»;
- VI. Архив офицерского собрания – отчётность, журналы постановлений старшин, комитетов и общих собраний, инвентари, приходно-расходные книги хозяев и библиотекарей и книги заявлений;
- VII. Библиотека музея. В ней хранились книги и другие опубликованные материалы, касающиеся истории полка, биографии шефов, командиров и офицеров полка, истории русской армии в целом, уставы, по которым

полк служил, истории «родственных» полков, сочинения офицеров полка, независимо от их тематики, и т. п.;

- VIII. Портреты императоров, полководцев, под чьей командой полк служил, офицеров полка и отличившихся нижних чинов;
- IX. Группы – фотографии офицеров и нижних чинов полка;
- X. Фотографии и живописные изображения форм полка, памятников, эпизодов боевой и мирной жизни, различных видов и предметов;
- XI. Сборный, где хранились все предметы, не вошедшие в предыдущие отделы (например, памятные таблицы с именами погибших чинов полка).

Большинство современников признали эту схему наиболее удачной¹⁵⁰, и многие полки приняли её за образец, хотя были и исключения. В целом, количество отделов в музеях армейских пехотных полков могло варьировать от двух (39-й пехотный Томский полк) до двенадцати (145-й пехотный Новочеркасский полк).

Несколько иной была схема, утверждённая на съезде хранителей музеев Московского военного округа в 1913 г. Она включала в себя 10 «групп»:

- I. Группа штандартов, знамён, регалий и грамот (в том числе трофейные знамёна);
- II. Группа церковная;
- III. Группа орденская;
- IV. Группа оружия и снаряжения (в том числе трофейного);
- V. Группа портретная;
- VI. Группа юбилейная (предметы, связанные с празднованием юбилеев частей);
- VII. Группа походных воспоминаний;
- VIII. Группа бытовая;
- IX. Группа библиотечная;
- X. Группа архивная.

Несмотря на такую достаточно детальную разработку структуры музейной описи, сами предметы в экспозиции, судя по фотографиям и описаниям, располагались без какой-либо системы (см. прил. 4, рис. 5-6, 8).

В результате деятельности полковых историков на начало Первой мировой войны свои музеи имели все шестнадцать гренадерских полков и, по меньшей мере, девяносто восемь полков (из двухсот восьми). В ходе войны прервалась разработка теоретических основ деятельности войсковых музеев, однако, они продолжали пополняться экспонатами за счёт предметов с полей сражений.

Судьба полковых музеев армейской пехоты после расформирования частей Российской императорской армии была различной. Значительную часть музеев национализировали. В январе 1918 г. в Петрограде была создана Особая комиссия по охране и перенесению полковых музеев в государственные хранилища. К весне того же года в Кронверк Петропавловской крепости было свезено имущество более 40 полковых музеев. Созданная в начале следующего года в Москве специальная комиссия по охране и учёту бывших военно-исторических музеев занималась розыском и вывозом имущества музеев в Центральное хранилище¹⁵¹.

Вывоз музеев из мест квартирования полков осуществлялся зачастую в экстренном порядке. Так, комиссар по организации перенесения и охраны полковых музеев В. Е. Гущик 12 апреля 1918 г. писал по поводу перевозки имущества музея 147-го пехотного Самарского полка П. М. Фёдорову, которому была поручена её организация: «При этом Вам надлежит вследствие крайней спешности этого поручения перевезти означенный музей без составления описей и пояснений, укладывая в ящики всё в спешном порядке. Ящики должны быть зашиты гвоздями, перевязаны верёвкой и на каждом из них должна быть полковая печать. Ящики с ценными металлами должны отмечаться литерами «Ц. М.»¹⁵².

13 мая 1919 г. вышел приказ Реввоенсовета, в соответствии с которым Артиллерийский музей, музей Инженерной академии, Интендантский и Суворовский музеи, а также музеи войсковых частей, учреждений и военно-учебных заведений передавались в ведение Наркомпроса. Среди прочих были переданы музеи 1-го, 3-го, 4-го, 6-го, 11-го - 13-го, 15-го и 16-го гренадерских полков и 1-го - 3-го, 7-го, 8-го, 10-го, 11-го, 15-го, 17-го, 25-го, 27-го, 29-го, 33-го, 34-го, 36-го, 37-го - 39-го, 41-го, 45-го, 48-го, 49-го, 51-го - 53-го, 56-го, 57-го, 61-го - 63-го, 66-го - 69-

го, 75-го, 77-го - 80-го, 82-го - 85-го, 93-го, 95-го, 96-го, 99-го - 101-го, 104-го, 105-го, 108-го, 115-го - 117-го, 121-го, 123-го, 124-го, 129-го, 130-го, 133-го, 137-го, 139-го, 141-го, 152-го, 153-го, 156-го, 160-го, 163-го, 181-го, 185-го, 192-го, 194-го, 198-го, 204-го и 206-го пехотных полков¹⁵³.

В дальнейшем часть фондов полковых музеев попала в Артиллерийский исторический музей в Петрограде (в числе прочих туда поступили музеи пехотных 89-го Беломорского, 91-го Двинского и 148-го Каспийского полков)¹⁵⁴, часть – в Военно-исторический музей в Москве, ставший вскоре филиалом Государственного исторического музея. В 1927 г. Военно-исторический музей был свёрнут, его фонды переданы в Государственный исторический музей. На настоящее время в ОПИ ГИМ (ф. 137) хранятся документальные материалы музеев 1-го, 3-го, 4-го - 7-го и 9-го - 12-го гренадерских и 4-го, 9-го, 11-го, 13-го, 20-го - 22-го, 24-го, 65-го, 73-го, 81-го, 89-го, 91-го, 97-го, 98-го, 122-го, 140-го, 145-го и 148-го пехотных полков.

Далеко не все музеи сохранились до настоящего времени. Многие музеи погибли в годы Гражданской войны и последующие годы. В качестве примера можно привести музей 86-го пехотного Вильманstrandского полка, расквартированного в г. Старая Русса Новгородской губернии. При расформировании полка в марте 1918 г. было решено передать музей «на вечные времена» городу Старая Русса с условием, что в случае учреждения городского музея полковой музей войдёт в него в качестве военного отдела. Также допускалась передача музея в ведение части новой армии (размером не менее полка), в случае формирования таковой в Старой Руссе. До выяснения дальнейшей судьбы музея его экспонаты передавались на хранение в ризницу Спасо-Преображенского монастыря в Старой Руссе¹⁵⁵. В описи вещей музея, переданных в ризницу, числилось 115 единиц. В основном это были вещи религиозного характера, портреты высочайших особ, картины, трофеи русско-японской и Первой мировой войн, личные вещи офицеров, подарки от соседних частей, а также знамёна четырёх батальонов полка и мундир шефа полка – эрцгерцога австрийского Альбрехта¹⁵⁶. Но уже 2 декабря

1918 г. монастырь был подвергнут обыску Чрезвычайной комиссии, который, как говорилось в акте осмотра церквей этого монастыря сотрудниками органов охраны памятников¹⁵⁷, «граничил с разгромом». Ризница была взломана, из неё было изъято старое оружие, принадлежавшее музею полка и другие ценные вещи.

Дальнейшую судьбу музея пока проследить не удалось. Весьма вероятно, что он погиб в годы Гражданской или Второй мировой войн. Во всяком случае, автору не удалось обнаружить его следы в крупнейших хранилищах материалов полковых музеев русской армии – Государственном историческом музее и Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Создание и функционирование полковых музеев стало в указанный период истории Российской императорской армии одним из основных направлений деятельности военных историков. Идея собирать исторические реликвии в полках возникла несколько ранее. Предметы, связанные с прошлым полка или с военной историей в целом, накапливались в офицерских собраниях, казарменных помещениях и полковых церквях. И хотя организационно музеи формировались на базе офицерских собраний, непосредственным их прообразом послужили, по мнению автора данного исследования, именно полковые церкви. Выполняя свою основную функцию, церкви также играли роль мемориальных комплексов. Зачастую сама церковь или её придел были посвящены событию из истории полка. В церквях устанавливались таблички с именами погибших чинов полка, хранились знамёна и другие реликвии. Территория вокруг церкви зачастую оформлялась соответствующим образом – рядом устанавливались памятники, сооружались ограды из трофейных орудий. Как правило, полковые церкви продолжали выполнять мемориальную функцию и после создания полковых музеев.

В рассматриваемое время музеям отводилось важное место в армейской системе воспитательных средств. Являясь одним из самых наглядных воплощений деятельности полковых историков, они оказывали серьёзное влияние на воинский дух солдат и офицеров русской армии. Особенную актуальность этот во-

прос получил после русско-японской войны 1904-1905 гг. и последующих внутренних волнений в Российской империи, негативным образом повлиявших на престиж военной службы и авторитет армии в целом. Именно в перерыве между русско-японской и Первой мировой войнами была создана значительная часть полковых музеев. Кроме того, именно в это время отмечали свои юбилеи многие части русской армии, что также служило поводом к созданию в этих частях музеев.

Несмотря на понимание в военных кругах роли музеев в воспитательной работе, положение о музеях войсковых частей так и не было утверждено. Два проекта положения были разработаны в 1913 г. и 1914 г., но дальнейшая работа в этом направлении прервалась из-за начавшейся Первой мировой войны.

Таким образом, инициатива в деле создания и функционирования музеев принадлежала офицерам полков. Общество офицеров принимало решение о создании музея, выбирало в большинстве случаев его хранителя. Финансирование нужд музея осуществлялось за счёт полковых средств.

Состав коллекций музеев войсковых частей был неоднородным. Многие полки имели богатые собрания, в состав которых входили предметы, имевшие большую историческую и художественную ценность. Например, некоторые полки располагали значительными коллекциями старых полковых знамён. В то же время, в фонды музеев иногда включались предметы, не имевшие прямого отношения к истории полка и даже к военной истории в целом. Структура музеев также не была чётко разработана, хотя в военной печати этому вопросу уделялось немало внимания.

Отношение органов высшего военного руководства к вопросу создания музеев в частях войск было во многом противоречивым. С одной стороны, в начале XX в. полкам активно выдавались предметы из центральных хранилищ (в том числе старые знамёна). Однако, в 1912 г. круг предметов, выдававшихся полкам, был ограничен только их собственными регалиями. Эта мера была обусловлена

необходимостью обеспечения лучшей сохранности исторических реликвий, а также планами создания Военно-исторического музея.

Несмотря на относительно недолгий период своего существования, музеи войсковых частей внесли серьёзный вклад в дело сохранения и развития традиций русской армии в целом и армейской пехоты в частности.

¹ Некоторые исследователи считают, что строительство стационарных полковых церквей началось несколько ранее - в первой половине XVIII в. (см., например: Ивашко М. И. Военные храмы армии и флота России // Военно-исторический журнал. 2005. № 11. С. 36). Так или иначе, это произошло не позднее третьей четверти XVIII в.

² Исакова Е. В. Храмы – памятники русской воинской доблести. М., 1991. С. 26.

³ Там же. С. 53-54.

⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона Т. 12. СПб., 1892. С. 846.

⁵ Столетие Военного министерства. 1802-1902. Управление церквами и православным духовенством военного ведомства. СПб., 1902. С. 63.

⁶ Цитович Г. А. Храмы армии и флота. Пятигорск, 1913. С. 14.

⁷ ПСЗРИ. Собрание 3. Т. XXX. СПб., 1913. С. 634.

⁸ Цитович Г. А. Ук. соч. С. 114-115.

⁹ Там же. С. 295.

¹⁰ Там же. С. 296.

¹¹ Там же. С. 21.

¹² Там же. С. 26-27.

¹³ Там же. С. 22.

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 413.

¹⁶ Так, высочайшим повелением от 14 марта 1892 г. в церковь 14-го пехотного Олонецкого полка были перенесены останки полкового командира А. Н. Тухачевского, погибшего при штурме Варшавы 25 августа 1831 г.; в церкви

147-го пехотного Самарского полка в январе 1911 г. был похоронен бывший командир, строитель церкви генерал-лейтенант в отставке А. С. Каменский; в церкви 207-го пехотного Новобаязетского полка – строитель этой церкви генерал-майор Д. К. Ассеев. (см.: Цитович Г. А. Ук. соч. С. 92, 209, 444).

¹⁷ Исакова Е. В. Ук. соч. С. 46.

¹⁸ Воинов Д., Данилов К. Сооружение в церкви 87-го пехотного Нейшлотского полка при Аракчеевских казармах придела в память чинов полка, убитых и умерших от ран в войну с Японией 1904-1905 гг. // Вестник военного духовенства. 1911. № 24. С. 757.

¹⁹ Цитович Г. А. Ук. соч. С. 407.

²⁰ Там же. С. 371.

²¹ Калинин Б. Н., Юревич П. П. Памятники и мемориальные доски Ленинграда. Л., 1979. С. 248-249.

²² Цитович Г. А. Ук. соч. С. 442.

²³ Далее, при перечислении реликвий полковых церквей использованы преимущественно данные из указанного труда Г. А. Цитовича.

²⁴ Штутман С. Зачислить навечно // Родина. 1994. № 3-4. С. 81.

²⁵ Смирнов А. Напрестольный крест 19-го егерского полка, простреленный французскою пулею в арьергардном бою 15-го июля 1812 г. // Русский инвалид. 1912. № 155.

²⁶ Цитович Г. А. Ук. соч. С. 111.

²⁷ Там же. С. 328.

²⁸ Полянский М. И. К предстоящему освящению в г. Старой Руссе полковой церкви 86-го пехотного Вильманstrandского полка // Новгородские губернские ведомости. 1896. 31 октября.

²⁹ Цитович Г. А. Ук. соч. С. 255.

³⁰ Там же. С. 275, 413.

³¹ Там же. С. 257.

³² Там же. С. 408.

³³ Там же. С. 412.

³⁴ Там же. С. 183.

³⁵ Там же. С. 158.

³⁶ Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1855-1918. М., 1998. С. 50.

³⁷ Русский инвалид. 1890. № 282.

³⁸ Маркс Н. Обзорение предметов военной старины. Отдел I. Музеи войсковых частей. Выпуск I. М., 1912. С. 76.

³⁹ ПСЗРИ. Собрание 3. Т. IV. СПб., 1887. С. 484.

⁴⁰ Спиридонова Т. П. Музеи войсковых частей в дореволюционной России (Становление и историко-культурное значение). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

⁴¹ Гренадерские и пехотные полки. Справочная книжка Императорской главной квартиры. СПб., 1909. С. 107.

⁴² Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского е. и. выс. государя наследника цесаревича полка. 1642-1700-1890. Варшава, 1890. С. 535.

⁴³ Список составлен автором по различным источникам. В ОПИ ГИМ имеется список полков, имевших музеи (Ф. 137. Д. 9. Л. 30-39 об.). Документ не датирован. Кроме того, не ясно, кем и для каких целей он был создан. Список неполный, в нём отсутствуют полки, относительно существования музеев которых у автора есть достоверные данные (например, 86-й пехотный Вильманstrandский). Несмотря на всё сказанное, ценность этого документа довольно велика, так как это самый полный из известных автору списков полковых музеев русской армии.

⁴⁴ Маркс Н. Ук. соч. С. 31.

⁴⁵ Там же. С. 27.

⁴⁶ Там же. С. 46.

⁴⁷ Там же. С. 55.

⁴⁸ Габаев Г. С. Отзыв о труде Н. А. Маркса: Обзорение предметов военной старины. Отдел I. Музеи войсковых частей. СПб., 1912. С. 4.

- ⁴⁹ Иванов М. В. Материалы Отечественной войны 1812 года в собрании музея Копорского полка // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2004. С. 140.
- ⁵⁰ Съезд хранителей полковых музеев частей войск Московского военного округа. СПб., 1913. С. 8.
- ⁵¹ Проект положения о войсковых музеях // Журнал ИРВИО. 1914. № 4-5. С. 296.
- ⁵² ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 557. Л. 8-8 об.
- ⁵³ Маркс Н. Ук. соч. С. 55.
- ⁵⁴ Там же. С. 27.
- ⁵⁵ Там же. С. 46.
- ⁵⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 29. Л. 3 об.
- ⁵⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 761. Л. 3 об.
- ⁵⁸ Например: Гильдебрандт Б. Ф. Путеводитель по музею 115-го пехотного Вяземского полка. Рига, 1913
- ⁵⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 557. Л. 8-8 об.
- ⁶⁰ Маркс Н. Ук. соч. С. 32.
- ⁶¹ Там же. С. 55.
- ⁶² Русский инвалид. 1902. № 70.
- ⁶³ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 13. Л. 77.
- ⁶⁴ Струков Д. П. О необходимости съезда представителей отечественных музеев // Журнал ИРВИО. 1913. Кн. 1. С. 22-27.
- ⁶⁵ Кузина Г. А. Предварительный съезд музейных деятелей // Российская музейная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 110.
- ⁶⁶ Н. П. Предварительный съезд деятелей музеев и архивов в Москве // Журнал ИРВИО. 1913. Кн. 3. С. 127-131.
- ⁶⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 761. Л. 3.
- ⁶⁸ Съезд хранителей... С. 3.
- ⁶⁹ Там же. С. 4.

⁷⁰ Съезд хранителей полковых музеев Московского военного округа // Журнал ИРВИО. 1913. Кн. 5-6. С. 259.

⁷¹ Съезд хранителей... С. 5.

⁷² Проект положения... С. 291.

⁷³ Цит. по: Маковская Л. К. Николай Ефимович Бранденбург (Очерк биографии) // Артиллерийский музей. СПб., 2001. С. 14.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3993. Лл. 16-17.

⁷⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 761. Л. 3.

⁷⁶ Проект положения... С. 298.

⁷⁷ Железнов В. Ф. Войсковые регалии // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорвич А. СПб., 1906. С. 86.

⁷⁸ Описи знамёнам, штандартам, прапорам, прапорцам, значкам, трубам за отличие, грамотам, скобам и прочим войсковым регалиям, хранящимся в Артиллерийском историческом музее, с указанием принадлежности таковых частям войск. СПб., 1903. С. 512-517.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Андоленко С. Знамёна Азовского полка под Аустерлицем // Военная быль. 1969. № 95. С. 28.

⁸¹ Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 206.

⁸² Журнал ИРВИО. 1913. Кн. 9-10. С. 400.

⁸³ Маркс Н. Ук. соч. С. 40.

⁸⁴ Цитович Г. А. Ук. соч. С. 407.

⁸⁵ Иванов М. В. Ук. соч. С. 134, 137.

⁸⁶ Лампе А. А., фон. Русские знамёна в плену (справка) // Новый часовой. 2001. № 11-12. С. 204.

⁸⁷ Смирнов Я. История 65-го пехотного... С. 534.

⁸⁸ Маркс Н. Ук. соч. С. 1.

-
- ⁸⁹ Российские императорские и царские ордена в собрании Государственного исторического музея. М., 2003. С. 9-10.
- ⁹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 761. Л. 47.
- ⁹¹ ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4957. Л. 1.
- ⁹² Шелехов Д. А. История 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III полка. 1796-1896. СПб., 1896. С. 458-459.
- ⁹³ Толь В. Г. 145-й пехотный Новочеркасский императора Александра III полк. 1796-1863-1913. СПб., 1914. С. 91.
- ⁹⁴ Гильдебрандт Б. Ф. Ук. соч. С. 7, 84.
- ⁹⁵ Исторический музей в 95-м пехотном Красноярском полку // Русский инвалид. 1902. № 115.
- ⁹⁶ Триковский Н. К 100-летию дня смерти князя П. И. Багратиона // Русский инвалид. 1912. № 226.
- ⁹⁷ Маркс Н. Ук. соч. С. 38-45.
- ⁹⁸ Русский инвалид. 1912. № 240.
- ⁹⁹ Жуковский А. К устройству полковых музеев // Разведчик. 1912. № 1145. С. 678.
- ¹⁰⁰ Гильдебрандт Б. Ф. Ук. соч. С. 87-88.
- ¹⁰¹ Маркс Н. Ук. соч. С. 3.
- ¹⁰² Жуковский А. К устройству... С. 678.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Маркс Н. Ук. соч. С. 32.
- ¹⁰⁵ Жуковский А. К устройству.... С. 679.
- ¹⁰⁶ Петров Ф. А., Афанасьев А. К. Военно-исторический музей в Москве и его документальная коллекция (ОПИ ГИМ. Ф. 137) // Письменные источники в собрании ГИМ. Вып. 3: Материалы по военной истории России (Труды ГИМ. Вып. 92). М., 1997. С. 28.

¹⁰⁷ Экспонаты, имевшие китайское происхождение, встречались в полковых музеях и в связи с кампанией 1900-1901 гг. Например, в музее Вяземского полка хранилась «сабля из китайского арсенала 1900 г.» (Гильдебрандт Б. Ф. Ук. соч. С. 88).

¹⁰⁸ Толь В. Г. Ук. соч. С. 91.

¹⁰⁹ Маркс Н. Ук. соч. С. 42.

¹¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹¹ Гильдебрандт Б. Ф. Ук. соч. С. 87, 91, 92.

¹¹² Воронов С. Гроховский пехотный полк // [http:// www.edu.yar.ru/ russian/ discover/ 02/ History/ History_1_Voronov. htm](http://www.edu.yar.ru/russian/discover/02/History/History_1_Voronov.htm).

¹¹³ ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4957. Лл. 1-2 об.

¹¹⁴ Гильдебрандт Б. Ф. Ук. соч. С. 98.

¹¹⁵ Петров Ф. А., Афанасьев А. К. Ук. соч. С. 49.

¹¹⁶ На этот способ пополнения музейных коллекций обращал внимание С. В. Томилин, приводя в пример свои находки на полях сражений 1799 г. в Голландии (Томилин С. В. Собираание полковой старины // Русский инвалид. 1901. № 272).

¹¹⁷ Жуковский А. К устройству.... С. 678.

¹¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 761. Л. 39.

¹¹⁹ Иванов М. В. Ук. соч. С. 137.

¹²⁰ Маркс Н. Ук. соч. С. 48.

¹²¹ Гильдебрандт Б. Ф. Ук. соч. С. 77.

¹²² Маркс Н. Ук. соч. С. 56-57.

¹²³ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 13. Л. 29.

¹²⁴ Гильдебрандт Б. Ф. Ук. соч. С. 38.

¹²⁵ Маркс Н. Ук. соч. С. 3, 42, 56-57.

¹²⁶ Жуковский А. К устройству... С. 678.

¹²⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 13. Л. 49.

-
- ¹²⁸ Маркс Н. Ук. соч. С. 43.
- ¹²⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 29. Л. 3 об.
- ¹³⁰ Жуковский А. К устройству... С. 678.
- ¹³¹ Жуковский А. Для полковых музеев // Разведчик. 1913. № 1194. С. 566.
- ¹³² Смирнов Я. Добавление к истории 65 пехотного Московского е. в. полка с 1890 по 1900 год. Холм (Люблинский), 1900, с. 21.
- ¹³³ Маркс Н. Ук. соч. С. 43.
- ¹³⁴ Жуковский А. К устройству... С. 679.
- ¹³⁵ Маркс Н. Ук. соч. С. 28.
- ¹³⁶ Шеленговский И. И. История 69-го пехотного Рязанского полка. Т. II (1805-1904 гг.). Люблин, 1910. С. 772-773.
- ¹³⁷ Гильдебрандт Б. Ф. Ук. соч. С. 82.
- ¹³⁸ Маркс Н. Ук. соч. С. 49.
- ¹³⁹ Русский инвалид. 1900. № 256.
- ¹⁴⁰ Петров Ф. А., Афанасьев А. К. Ук. соч. С. 38.
- ¹⁴¹ ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4957. Л. 1-2 об.
- ¹⁴² Полянский М. И. Ук. соч.
- ¹⁴³ Цитович Г. А. Ук. соч. С. 340.
- ¹⁴⁴ Жуковский А. Для полковых музеев... С. 566.
- ¹⁴⁵ Петров Ф. А., Афанасьев А. К. Ук. соч. С. 26-27.
- ¹⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 590. Л. 2.
- ¹⁴⁷ Адамович Б. Полковые музеи // Русский инвалид. 1900. № 255.
- ¹⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 590. Л. 5.
- ¹⁴⁹ Адамович Б. Полковые музеи... Б. В. Адамович стал инициатором создания в 1899 г. музея л.-гв. Кексгольмского полка, схему организации которого, судя по всему, и привёл в своей статье в качестве примера.
- ¹⁵⁰ Озаровский А. Э., фон. Ещё о полковых музеях и архивах // Русский инвалид. 1901. № 231; Томилини С. В. Ук. соч.

¹⁵¹ Александрова Н. В. Органы руководства военными музеями России. 1918-1922 гг. // www.liber.rsu.ru/Conf/Gos-int/aleksandrova.htm.

¹⁵² АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/2. Д. 30. Л. 3.

¹⁵³ ОПИ ГИМ. Обзор материалов ф. 137. С. 5-6.

¹⁵⁴ Каталог рисунков Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Л., 1973. С. 5. В 1927 г. фонды полковых музеев поступили в ведение Военно-историко-бытового музея, просуществовавшего десять лет. В 1937 г. они снова и окончательно влились в Артиллерийский исторический музей.

¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 2700. Оп. 3. Д. 2. Л. 7.

¹⁵⁶ ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4957. Лл. 1-2 об.

¹⁵⁷ Копия документа находится в экспозиции Старорусского краеведческого музея.

Глава 3

Военно-исторические праздники в войсковых частях

В рассматриваемый период времени в русской армии отмечались многочисленные праздники. Это были православные великие и двенадесятые праздники, праздники родов войск, праздники в честь членов императорской фамилии. Кроме того, в частях отмечались различные события полкового масштаба. К праздникам такого рода можно отнести полковые и ротные праздники, тезоименитства и дни рождения полковых шефов, торжества в честь юбилеев сослуживцев, участия полка в том или ином событии. Широко отмечались юбилеи существования полков, значительная часть которых приходится на рубеж XIX и XX вв. В данной главе будут рассмотрены торжества, так или иначе связанные с историей войсковых частей.

3.1. Полковые и ротные годовые праздники.

На протяжении всей истории российской императорской армии её военный дух был тесно связан с религиозным чувством, а именно с православием. В начале 1870-х гг. более 75% нижних чинов армии были русскими, белорусами или украинцами, более 79% - православными¹. Причём такое соотношение солдат, исповедовавших православие, и представителей других конфессий поддерживалось искусственно. Некомплект нижних чинов в каждом полку на три четверти восполнялся за счёт призываемых из русских, белорусских и украинских областей новобранцев².

Одним из проявлений религиозного духа в русской армии было то, что в войсках на полковом уровне отмечались православные праздники (в отличие от праздников других религий, которые отмечались только представителями соответствующих конфессий). Помимо важнейших праздников православной церкви каждый полк отмечал и свой так называемый полковой праздник. Он приурочивался ко дню почитания какого-либо православного святого, считавшегося покровителем полка. Часть полков отмечали свои праздники в Пасху или в один из двенадесятых или великих праздников.

Однако, помимо религиозного полковой праздник во многих случаях имел и историческое значение. Зачастую в качестве полкового праздника утверждалась какая-либо важная дата из истории полка. Так, полковой праздник 115-го пехотного Вяземского полка с 1864 г. отмечался 4 сентября. В этот день городское правление города Вязьмы благословило вновь наименованный полк в лице 3-го батальона, сформированного в этом городе, иконой-складнем³. Праздником 182-го пехотного Гроховского полка был день сражения под Гроховым во время подавления Польского восстания в 1831 г. – 13 февраля. Сам полк был сформирован позднее и назван в честь этой победы русской армии.

Необходимо отметить, что дата полкового праздника могла быть изменена. Так, приказом по военному ведомству № 501 в 1912 г. праздник 91-го пехотного Двинского полка был перенесён с 30 августа на 23 ноября⁴.

Свой праздник и святого покровителя имела также каждая рота в составе полка. На протяжении XIX в. русская армия, в том числе и армейская пехота, претерпела ряд преобразований. Одной из таких крупных реформ стала реформа 1833 г., в результате которой часть полков была расформирована, а их батальоны были присоединены к другим полкам. Такие батальоны унаследовали праздники своих прежних полков в качестве батальонных⁵. В других случаях батальонные и ротные праздники не имели такого исторического обоснования и просто устанавливались приказом начальника дивизии. Например, приказом начальника 22-й пехотной дивизии от 3 января 1868 г. за № 15 были установлены ротные праздники для рот 3-го батальона 85-го пехотного Выборгского полка: в 9-й роте – 23-го апреля (св. Георгий Победоносец), 10-й – 21-го мая (Владимирская Божья Мать); 12-й – 31-го августа (Положение пояса Пресвятой Богородицы). Затем, предписанием от 23 марта того же года установлено праздновать: во 2-й стрелковой роте – 6 августа (Преображение Господне), и в 3-й стрелковой роте – 30-го августа (Перенесение мощей св. блгв. в. к. Александра Невского)⁶.

Во всех полках полковой праздник отмечался приблизительно по одному и тому же сценарию, с незначительными отличиями.

В качестве примера приведём праздник 85-го пехотного Выборгского полка, отмеченный 26 июня 1911 г. и достаточно подробно описанный в одной из новгородских газет (полк в это время квартировал в Новгороде)⁷.

Сначала в полковой церкви (в данном случае церкви св. блгв. в. к. Александра Невского) совершалась божественная литургия. В 11 часов из церкви вынесли знамёна полка – настоящее и бывшие (в 1902 г. полку были выданы из Артиллерийского исторического музея два знамени Выборгского пехотного полка 1780 г.)⁸. При их выносе полк взял на караул. Затем полк обошёл, здороваясь и поздравляя с праздником, начальник дивизии В. А. Олохов.

По окончании литургии начинался молебен. На молебне 26 июня 1911 г. в церкви Выборгского полка было провозглашено многолетие государю императору, царствующему дому и Выборгскому полку.

После молебна, как правило, провозглашались многочисленные тосты в честь вышестоящих начальников, высочайших особ, важных гостей, офицеров и солдат полка и т. п. На празднике Выборгского полка, в частности, командир полка М. Н. Леонтьев произнёс тосты за здоровье государя императора, царствующего дома, главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, командира 1-го армейского корпуса генерала Л. К. Артамонова, шефа полка германского императора Вильгельма II. Все эти тосты сопровождались криками «ура» под звуки музыки полка. Начальник дивизии произнёс тост за здоровье офицеров и нижних чинов полка. Затем командиром полка были произнесены тосты за здоровье начальника дивизии, командиров 1-й и 2-й бригад 22-й дивизии, представителей губернского начальства, представителя города, бывших командиров полка и др.

Затем полк проходил церемониальным маршем (см. приложение 2). Здесь следует упомянуть ещё об одной исторической традиции Российской императорской армии. 30 августа 1912 г. 11-му гренадерскому Фанагорийскому полку было пожаловано право проходить в высочайшем присутствии и в особо

торжественных случаях церемониальным маршем, держа винтовки «на руку» (30 августа было днём полкового праздника фанагорийцев)⁹. Помимо Фанагорийского, такое отличие имел ещё лишь один полк русской армии — л.-гв. Павловский.

Во время парада зачастую происходило вручение различных наград чинам полка. Так, во время парада на празднике 69-го пехотного Рязанского полка 22 августа 1881 г. нижним чинам были вручены шесть шефских приказов и тридцать незадолго до этого учреждённых знаков за отличную стрельбу¹⁰.

Неотъемлемым атрибутом каждого парада были марши. В 1857 г. было приказано «хорам музыкантов во всех полках и отдельных батальонах, где таковые штатами положены, в строю, для отдания чести начальнику при его встрече, ... играть всегда один какой-либо марш, и потому, где доселе не имелось ещё постоянных полковых или батальонных маршей, там избрать таковые, с тем, чтобы в частях одной и той же дивизии не было для сего двух одинаковых маршей»¹¹.

Это распоряжение было дополнено приказом по военному ведомству от 26 февраля 1904 г. № 84, которое предписывало всем войсковым частям, у которых не было высочайше утверждённых или «узаконенных письменными распоряжениями подлежащего начальства или же издавна исполняемых полковых маршей»:

- 1) Произвести исследования о своих полковых маршах, послав запросы в части, из которых они сформированы или с которыми имеют историческую связь.
- 2) На основании полученных данных выбрать для каждой такой части один марш, имеющий за собой больше всего исторических оснований.
- 3) При отсутствии вышеупомянутых оснований руководствоваться давностью исполнения марша в части.
- 4) Избранные марши, а также основания для этого выбора представить на утверждение командиров корпусов и лиц, равных им по власти.

5) К 1 января 1905 г. во всех частях приказами по корпусам утвердить встречные полковые марши и впредь не заменять их другими.

6) При формировании новых частей полковые марши утверждать вышеуказанным порядком¹².

В 1910 г. была учреждена комиссия под председательством заведующего придворным оркестром К. Штакельберга, задачей которой являлось рассмотрение причин упадка русской военной музыки и выработка мер по её улучшению. Среди прочих мер комиссия предлагала передать функцию утверждения полковых маршей от корпусных командиров специально организованному для этой цели компетентному органу¹³. Однако, реализации этих планов помешала Первая мировая война.

Среди полковых маршей встречаются выдающиеся музыкальные произведения, авторами которых в некоторых случаях были известные композиторы. Например, встречный марш 98-го пехотного Юрьевского полка был написан в 1893 г. П. И. Чайковским. Зачастую в качестве полковых использовались несколько изменённые марши иностранных композиторов (в 121-м пехотном Пензенском полку, например, «Свадебный марш» Ф. Мендельсона)¹⁴. Однако, большая часть полковых маршей представляла собой массовую продукцию комитета при Главном штабе, откуда они в готовом виде рассылались в полки¹⁵.

Детально регламентировалось исполнение военными оркестрами маршей в присутствии высочайших особ. В 1912 г. был утверждён список маршей, исполнявшихся при прохождении войск церемониальным маршем на смотрах и парадах в высочайшем присутствии. В него вошли (в скобках – фамилии композиторов): «Воинский дух» (Ф. фон Блон), «Штейнметц» (К. Братфиш), «Вступление в Париж» (И. Вальх), «Скорый» (К. Гаушильд), «Габсбургский» (И. Краль), «Лихая честь» (Ю. Ленгардт), «Честь» (Б. Лумби), «Роксана» (Л. Минкус), «Баварский» (неизвестный автор), «Старый егерский» (неизвестный автор), «Самбр и Маас» (Р. Планкет), «Конёк-Горбунок»

(Ц. Пуни), «Звучите, трубы» (Ромэн), «Король Карл» (К. Унрат), «Привет Копенгагену» (Ф. Фарбах), «Знаменщики» (Ф. Фарбах), «Смел вперёд» (Ю. Фучик)¹⁶. В том же году было предписано, чтобы после провозглашения здравий в честь наследника цесаревича во время церковных парадов оркестрами исполнялся исключительно марш л.-гв. Атаманского его императорского высочества государя наследника цесаревича полка. Исключение делалось только для частей, в которых наследник цесаревич состоял шефом. В этих полках исполнялись присвоенные им марши¹⁷.

Кроме того, для отдания чести использовались так называемые бои. Существовало несколько их разновидностей: бой «под знамя» (исполнялся при приносе к части и отnose знамён барабанщиками, горнистами и горнофлейтистами); бой «честь» (для отдания чести при прохождении церемониальным маршем, исполнялся также барабанщиками, горнистами и горнофлейтистами); «поход» (для отдания чести караулами, а также на парадах, смотрах и других церемониях, исполнялся барабанщиками)¹⁸. Существовал гвардейский, армейский, сапёрный походы, особые «походы» для л.-гв. Преображенского, л.-гв. Семёновского и л.-гв. Измайловского полков¹⁹.

Помимо этого, в русской армии с 1797 г. существовал особый вид коллективной награды, разновидность барабанного боя — гренадерский бой, жаловавшийся полкам за боевые отличия. Точнее жаловался он не полкам, а батальонам в их составе. 5 января 1871 г. гренадерский бой был оставлен только тем полкам, которым он был присвоен при сформировании или по какому-либо особому случаю. Это были гренадерские полки (за исключением 4-го, 15-го и 16-го), а также 1-й, 2-й, 5-й, 6-й, 33-й, 70-й, 89-й, 90-й, 92-й, 102-й и 121-й пехотные полки. Остальным полкам, имевшим это отличие (включая 4-й, 15-й и 16-й гренадерские), был взамен присвоен бывший егерский поход, именовавшийся с этого момента походом за военное отличие²⁰. Всего поход за военное отличие на 1 января 1871 г. имели три гренадерских и семьдесят шесть пехотных полков²¹.

В 1884 г. при установлении новых правил старшинства и знаков отличия некоторые полки лишились этой награды. В то же время продолжалось пожалование похода за военное отличие полкам за подвиги в войнах. В итоге на 1 апреля 1909 г. гренадерский бой имели семь пехотных полков, а поход за военное отличие – один гренадерский и семьдесят четыре пехотных полка, причём шести из них он был присвоен за русско-турецкую войну 1877-1878 гг., а четырём – за русско-японскую 1904-1905 гг. За редким исключением во всех полках к этому моменту поход был присвоен всем четырём батальонам (в восьми полках – одному батальону и в одном полку – в трёх батальонах)²².

Награждались полки этой наградой и позднее, в основном, за русско-японскую войну. Например, 5 июля 1909 г. эту награду получили 12-й Великолуцкий и 162-й Ахалцыхский полки²³. А приказом по военному ведомству № 193 в 1912 г. был возвращён поход за военное отличие 17-му пехотному Архангелогородскому полку, который был ошибочно лишён его в 1884 г.²⁴.

За подвиги во время Первой мировой войны походом за военное отличие в пехоте были награждены 9 полков²⁵.

Зачастую на полковых торжествах присутствовало вышестоящее начальство и представители гражданских властей города, в котором полк был расквартирован. На празднике 85-го пехотного Выборгского полка 26 июня 1911 г., например, кроме начальника дивизии, присутствовали командиры 1-й и 2-й бригад 22-й пехотной дивизии, вице-губернатор, заместитель городского головы С. И. Петров, семейства командира и офицеров полка и некоторые другие лица.

После парада полк распускался по казармам. Офицеры с приглашёнными гостями направлялись в офицерское собрание, где устраивался торжественный завтрак или обед. Во время праздника Выборгского полка у входа в собрание стояли два нижних чина в форме петровского времени. От имени города полк

приветствовал заместитель городского головы С. И. Петров, поднявший бокал за командира, офицеров и всех чинов полка.

Унтер-офицеры и солдаты, как правило, в этот день освобождались от занятий, получали улучшенное довольствие. Для них устраивались различные увеселения, игры, спектакли и т. п. Так, во время полковых праздников 119-го пехотного Коломенского и 120-го пехотного Серпуховского полков для солдат были устроены игры на призы. Призами служили сапоги, рубашки, пояса, бритвы, зеркала, мыло и другие мелкие вещи солдатского обихода. Из игр можно отметить «битьё горшков», «бой мешками», «качающееся бревно», «призму», «мачту» и «четыре препятствия». Последняя игра заключалась в следующем: пять человек, став в шеренгу по сигналу, начинали в мешках приближаться к горизонтально расположенному на некотором расстоянии от земли бревну. Дойдя до бревна, соревнующиеся оставляли мешки и пролезали под ним. Следующим препятствием была бочка без дна, через которую нужно было проползти. Затем — качающаяся доска и проволочное заграждение (вместо проволоки использовалась верёвка)²⁶.

Вечером, приблизительно в 11 часов, устраивался торжественный ужин в офицерском собрании или танцевальный вечер, как в 65-м пехотном Московском полку²⁷.

В день праздника каждый полк получал многочисленные поздравительные телеграммы от бывших сослуживцев, командиров полка, его шефов, вышестоящего начальства, соседних частей, а в некоторых случаях и от высочайших особ, в том числе императора.

О содержании таких телеграмм можно судить по следующим примерам. 5 октября 1892 г. 65-й пехотный Московский полк получил телеграмму от полкового шефа, наследника цесаревича Николая Александровича следующего содержания: «Искренно поздравляю свой славный Московский полк с праздником. Пью за его здоровье. Николай».

В 1872 г. командир 69-го пехотного Рязанского полка получил от командующего войсками Московского военного округа генерал-адъютанта Гильденштуббе следующее поздравление: «Прошу Вас передать вверенному Вам полку мою искреннюю признательность за предложенный на празднике тост с добрыми для меня пожеланиями. При этом прошу передать 69 пехотному Рязанскому полку, что внимание, оказываемое мною к службе сего полка, есть только должное и справедливое воздаяние за отличную его службу»²⁸.

Телеграммы посылались и самим полком – своим августейшим шефам. В них, как правило, выражались верноподданические чувства. Так, 30 августа 1871 г. на имя наследника цесаревича Александра Александровича была послана телеграмма следующего содержания: «145-й пехотный Новочеркасский имени Вашего императорского высочества полк, празднуя тезоименитство августейшего шефа и свой полковой праздник, имеет счастье повергнуть к стопам Вашего императорского высочества чувство бесконечной преданности». На эту телеграмму был получен ответ: «Поздравляю сердечно мой полк с его праздником и пью за здоровье новочеркасцев»²⁹.

Средства на проведение праздников изыскивались основным образом за счёт ежемесячных вычетов из офицерского жалованья. Эти вычеты достигали иногда больших размеров (до 60 рублей для поручика в год)³⁰.

Нередко ко дню полкового праздника приурочивались и другие торжества. Например, 6 декабря 1855 г., в день полкового праздника Самурского пехотного полка, была освящена полковая церковь³¹. 22 октября 1913 г., в день праздника 12-го гренадерского Астраханского полка состоялось освящение памятника шефу полка – императору Александру III. Памятник был установлен во дворе полковых казарм в Москве³².

Ротные праздники отмечались примерно так же, хотя и с меньшим размахом. Однако, нужно подчеркнуть, что какого-либо единого сценария проведения ротного праздника не существовало. В данном случае всё определялось возможностями и желанием офицеров и нижних чинов роты.

Обязательной принадлежностью каждого ротного праздника был молебен, за которым следовало официальное поздравление (командир полка посещал такие праздники редко, но почти всегда присутствовали командиры других рот батальона и сам батальонный командир). Для нижних чинов устраивался улучшенный обед. В некоторых ротах устраивались вечерние развлечения – нанимали музыкантов, ставили спектакли. Помещение роты ко дню праздника украшалось, и в нём особенно тщательно наводился порядок. В соответствии с уставом внутренней службы нижние чины в дни ротных праздников освобождались от занятий и очередных нарядов, за исключением нарядов на внутреннюю службу в своей роте³³.

Вот как описан праздник 1-й (бывшей шефской) роты 145-го пехотного Новочеркасского полка 23 апреля 1870 г.: «На другой день, 23 апреля, бывшая рота его высочества праздновала свой ротный праздник. По этому случаю помещение роты ещё с утра было убрано по-праздничному. Полы, надкроватное бельё, медные вещи – всё было свежо и чисто. На столе под ротным образом св. Георгия была накрыта только что купленная парчевая пелена, и перед ликом великомученика и победоносца теплилась лампада. В 11 часов утра рота в присутствии своего непосредственного начальства отслужила молебен. Затем люди приступили к скромному праздничному угощению, а наличных гг. офицеров командир роты, капитан Матушкин, пригласил к себе на пирог»³⁴.

Таким образом, можно сказать, что ротный праздник проходил достаточно скромно и основное влияние на его сценарий оказывали материальные возможности роты.

Хотя в целом сценарий полкового и ротного праздника и был примерно одинаковым во всех полках на протяжении рассматриваемого периода, он мог иметь свои особенности в разных частях, обусловленные различными причинами. Эти детали могли зависеть от отношения полкового командира к таким праздникам, времени и условий, в которых они отмечались и других факторов.

Вот как, например, описывается полковой праздник 85-го пехотного Выборгского полка во время командования им полковника К. Ф. Хестеску (1863-1871 гг.) в полковой истории: «О праздновании полкового праздника и других полковых торжеств в том виде, как это водится теперь, тогда и помину не было. В день полкового праздника 26-го июня не всегда даже прекращались обычные служебные занятия. Празднование, если можно только так выразиться, этого полкового торжества во время командования полковника Хестеску ограничивалось молебном, по окончании которого командир полка поздравлял нижних чинов с праздником и иногда тут же и офицеров с 1 бокалом вина.

Нижние чины получали в этот день улучшенное довольствие в виде традиционного пирога и чарки водки. О каких-либо товарищеских отношениях с соседними частями и другими родами войск не было и речи в то время»³⁵.

Положение изменилось при следующем командире полка – полковнике Ф. А. Фуллоне: «26 июня (1871 г. - *И. Х.*) справлялся полковой праздник, но уже не так, как бывало при полковнике Хестеску. Нижние чины были освобождены от занятий, а впереди лагеря (под Красным Селом - *И. Х.*) отслужен молебен, после которого командир полка провозгласил здравицу за государя императора, за главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Николая Николаевича, за присутствующего на нашем празднике принца Александра Петровича Ольденбургского и шефа полка, генерал-адъютанта Адлерберга I. Принц Ольденбургский ответил здравицею за Выборгский полк и его командира; после того, как все здравицы были встречены «ура», нижние чины были отпущены по палаткам, а потом получили приличествующее торжественному случаю угощение и веселились до вечера с песнями, пляскою и разными играми и развлечениями.

Командир же полка со всеми офицерами и гостями, в числе коих были, как выше упомянуто, его высочество принц А. П. Ольденбургский и кроме того несколько офицеров л.-гв. Преображенского полка, в их числе полковник Корсаков, впоследствии командовавший Выборгским полком, - проследовали в

офицерскую столовую полка... Под этим новым палаточным навесом и был накрыт праздничный обеденный стол в день полкового праздника 26 июня 1871 года. За обедом провозглашены были, под звуки полковой музыки, здравицы за государя императора, за главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Николая Николаевича, за принца Александра Петровича Ольденбургского, за шефа полка, генерал-адъютанта Адлерберга I-го, за славных преображенцев, за Выборгский полк, его командира, офицеров и нижних чинов полка. До позднего вечера тянулась дружеская, товарищеская беседа, оживляя во всех офицерах полка прочное сознание принадлежности к единогласной, единомушной, проникнутой одною общей всем идеею, плотно спаенной, великой семье»³⁶.

Ещё одним обстоятельством, влиявшим на сценарий проведения полкового праздника было то, что зачастую полкам приходилось отмечать их в походных условиях или по другим причинам находясь вне места постоянной дислокации. Праздники многих гренадерских и пехотных полков приходились на летние месяцы. На три летних месяца приходились праздники тринадцати гренадерских и ста четырёх пехотных полков. Иными словами, более половины полков армейской пехоты отмечали свои праздники летом, когда они, как правило, находились в лагерях.

В целом, процедура празднования в таком случае изменялась незначительно. Тем не менее, она могла отличаться некоторыми деталями. Основным отличием в данных условиях было то, что полк находился вне места своего постоянного квартирования, и следовательно, не мог воспользоваться зданием своего офицерского собрания и полковой церковью. Функции последней в таких случаях выполняла походная церковь. Она представляла собой походную палатку, приспособленную под церковь.

В некоторых случаях торжественный завтрак, обед или ужин мог проходить в офицерском собрании другой, дружественной части. Так, полковой праздник 85-го пехотного Выборгского полка 26 июня 1872 г. был отмечен офицерами

полка в Кронштадтском морском собрании. Все офицеры полка были заблаговременно записаны членами этого собрания. Естественно, офицеры флота и кронштадтской крепостной артиллерии присутствовали на празднике в качестве почётных гостей. Помимо обычных в таких случаях тостов командир полка Ф. А. Фуллон провозгласил здравицу «за процветание флота, славных моряков, за братство по оружию» и пожелал, чтобы дружба между Выборгским полком и моряками сохранилась навсегда³⁷.

Могли быть и другие отличия. Например, в день полкового праздника того же Выборгского полка в 1874 г. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа устроил в 5 часов пополудни бригадное учение 1-й бригаде 22-й пехотной дивизии, в состав которой входил и Выборгский полк³⁸.

Ещё большее влияние на сценарий празднования оказывали боевые условия. Естественно, многим полкам русской армии на протяжении рассматриваемого периода приходилось принимать участие в войнах. Зачастую даты полковых и ротных праздников совпадали со временем пребывания части на театре боевых действий. Несмотря на тяжёлые условия и опасности, праздники отмечались и в полевых условиях, причём иногда несколько раз подряд. Так, 129-й пехотный Бессарабский полк в 1876-1878 гг. трижды отметил свой полковой праздник 6 декабря в полевых условиях во время похода в Болгарию³⁹.

Любопытное описание ротного праздника оставил прусский офицер Р. фон Пфейль, во время той же войны поступивший на службу в 33-й пехотный Елецкий полк. Вот что он пишет в своих воспоминаниях: «В конце месяца (ноября 1877 г. - И. Х.) я был в первый раз свидетелем ротного праздника. Каждая рота имеет икону святого, которого она признаёт своим покровителем. В данном случае праздновали, если не ошибаюсь, день святого Михаила. Солдаты, как я и после заметил, относятся к подобному празднеству с большим рвением, и потому уже за день местность, предназначенная для торжества, была вычищена

и украшена, причём каждый старался приложить свой труд. Из Тырнова привезли флаги и другие украшения, а также припасы для угощения.

Прежде всего совершено было богослужение, и за сим каждый занял своё место у праздничного стола. В углу последнего стоял сосуд с водкой, и С., подошедши к нему и наполнив чарку, провозгласил здоровье государя, а за сим солдат. Этим и многим другим тостам вторило троекратное ура. Офицерский стол был заставлен всевозможными при данных обстоятельствах яствами, но в качестве напитка фигурировала одна лишь водка. После благословения трапезы священником все принялись за еду, и вскоре спокойное вначале расположение духа как офицеров, так и солдат приняло, благодаря водке, весьма весёлое настроение, увеличенное сверх того полученным известием о взятии Карса. Вечером солдаты устроили разнообразные игры и плясали под звуки бубна русские простонародные танцы. Особенно увеселял публику искусно нарядившийся медведем унтер-офицер, вожак которого, костюмированный турком, был в заключение им опрокинут и задушен. Это по требованию публики постоянно повторялось, и, наконец, задушенному более 20 раз турку стало более не вмоготу. Офицеры бросали деньги актёрам, причём львиная доля доставалась медведю. Вообще я вынес хорошее впечатление от праздника, хотя, признаюсь, устройство его в непосредственном соседстве с неприятелем считаю рискованным. Догадайся турки произвести тогда нападение, могли бы выйти неприятные последствия, так как в двух праздновавших вместе ротах мало кто под конец остался способным к бою»⁴⁰.

В менее непринуждённой обстановке проходили полковые праздники во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Вот что писал в своих мемуарах прапорщик 86-го пехотного Вильманstrandского полка Ф. Нотбек: «30-е августа (1904 г. - И. Х.) было днём нашего полкового праздника, день знаменательный, который мы собирались праздновать, хотя обстановка и не особенно располагала к веселью.

Посреди поля поставлен был аналой, вокруг которого выстроился весь полк, мы стояли не в блестящей парадной форме, а точно землекопы, все в глине и грязи. Настроение, несмотря на то, было очень торжественное. Полковое знамя было принесено под звуки нашей музыки и богослужение совершено под открытым небом. Затем бригадный и полковой командиры провозгласили обычные здравицы. На это имелась у нас только одна бутылка коньяку, да и та взятая в долг.

Вечером, по случаю праздника состоялся у нас ужин на голой земле. Гаолян служил скатертью, а нарядный сервиз заменяли наши эмалированные кружки и тарелки. Меню составляли: несколько коробок сардин, жареные куры и тоненькие ломтики хлеба (праздник наш совпал с бесхлебицей). Питие составляли 40 бутылок разного вина: дешёвой мадеры, марсалы и красного вина; это на 60 человек сильно проголодавшихся офицеров!

С приходом бригадного командира начался наш пир. Не прошло и пяти минут, как коробки сардинок были опустошены, кости обглоданы и бутылки опорожнены. Точно туча саранчи пронеслась над нашим ужином.

Полковой оркестр играл во время ужина, но весёлые мотивы не могли рассеять наше довольно-таки удручённое настроение»⁴¹.

Схожие воспоминания о полковых праздниках остались и у других участников войны. Батальонный командир одного из полков 22-й пехотной дивизии писал, что по случаю праздника полковой священник отслужил молебен, а личному составу к ужину было прибавлено по полуфунту мяса⁴².

А вот что писал в своих воспоминаниях Ф. И. Шикун, служивший во время войны старшим конным ординарцем в 286-м пехотном Кирсановском полку: «21 и 22 октября (1904 г. - И. Х.). Вчера всё было спокойно, а сегодня у нас праздновался полковой праздник. Собрались офицеры и по 10 человек нижних чинов от каждой роты полка. На площади поставили столик, пришёл священник, отслужил обедню, благодарственный молебен о здоровых и панихиду о воинах, на бранном поле убиенных и обо всех умерших. По окончании богослужения

командир полка поздравил присутствовавших с полковым праздником и пожелал всего хорошего на многие лета и победы над врагами. Угощения никакого не было, потому что его негде было достать...

Чтобы поздравить нас с полковым праздником, во время обеда приехали к нам начальник дивизии, генерал Б. с начальником штаба; наш полковник и я с двумя казаками сопровождали их по позиции. По осмотре позиций генерал Б. с начальником штаба уехали в штаб, а мы с полковником отправились в дер. Вуджуинь, чтобы раздать отличившимся охотникам 5 георгиевских крестов. Командир полка сам навешивал на грудь героев кресты и целовал каждого в щёку. Потом собрались офицеры, и я подал им две бутылки вина, которые им следовали за полковой праздник. После этого мы поехали обратно в свою деревню»⁴³.

Серьёзные ограничения на процедуру проведения праздника могли наложить и различные непредвиденные обстоятельства. Так, в 1894 г. была сильно сокращена программа торжеств по случаю праздника 65-го пехотного Московского полка. Сделано это было в связи с болезнью императора Александра III. Завтрака после богослужения и парада не было. Также не состоялся традиционный бал в собрании⁴⁴. Торжества по случаю праздника Выборгского полка 26 июня 1904 г. в связи с мобилизацией ограничились богослужением и парадом⁴⁵. Офицеры 88-го пехотного Петровского полка пожертвовали деньги, предназначавшиеся для устройства парадного обеда по случаю полкового праздника 30 августа 1906 г., в пользу погорельцев г. Сызрани. Вместо обеда вечером в офицерском собрании состоялся танцевальный вечер «чисто семейного характера»⁴⁶.

Отмечались полковые праздники и после событий февраля 1917 г. «Революционная» атмосфера оказала очень своеобразное влияние на сценарий проведения полковых праздников. Лишь немногие полки успели отметить свои праздники во время нахождения у власти Временного правительства. Об одном из таких торжеств вспоминает в своих записках П. Н. Врангель. И хотя в

приведённом ниже отрывке описывается праздник одного из казачьих полков, на его примере можно судить об атмосфере, царившей во всей русской армии в этот период. Вот что пишет П. Н. Врангель: «17-го марта (1917 г. – *И. Х.*) был день полкового праздника Амурского казачьего полка... Подъехав к выстроенному для парада полку, я с удивлением увидел вместо сотенных значков в большинстве сотен красные флаги. Для флагов этих казаки, видимо, использовали «подручный материал», и на флаг одной из сотен, очевидно, пошла юбка из красного ситца с какими-то крапинками. Командир подскакал с рапортом, оркестр заиграл марсельезу. Приняв рапорт командира полка, я спросил его, что значит этот маскарад и услышал неожиданный для меня ответ, - «казаки этого потребовали». Я объявил полковнику Сычеву, что не допускаю никаких «требований» подчиненных, что уставом ясно указано о порядке встречи старших начальников, что при встрече полк обязан играть полковой марш и что цвет значков каждой сотни установлен. Проехав по фронту, поздоровавшись с сотнями и поздравив с войсковым праздником, я, став перед фронтом полка, обратился к казакам: «Я ожидал встретить славный ваш полк под старым своим знаменем, а сотни с их боевыми значками, вокруг которых погибло геройской смертью столько славных амурских казаков. Под этими значками хотел я собрать сегодня вас и выпить за славу Амурского войска и Амурского полка круговую чарку, но под красной юбкой я сидеть не буду, и сегодняшний день с вами провести не могу. Круто повернув коня, я поскакал домой»⁴⁷.

В одном из полков 10-й армии в сентябре 1917 г. праздник вообще закончился арестом солдатами всех присутствовавших офицеров, в том числе начальника дивизии и временно командующего корпусом⁴⁸.

Таким образом, полковые и ротные праздники отмечались при любых обстоятельствах, хотя эти обстоятельства вносили порой весьма значительные коррективы в сценарий проведения торжеств. В целом же полковой праздник имел единую устоявшуюся к концу XIX в. структуру и ярко выраженный

религиозный характер. Можно утверждать, что характер полкового праздника имел много общих черт с характером престольных праздников русских деревень⁴⁹. По сути, это и был престольный праздник полковой церкви. В обоих случаях основой праздника было почитание святого, в честь которого была освящена церковь, в обоих случаях устраивались гуляния. В то же время, естественно, армейская специфика вносила свои дополнения и коррективы в сценарий полкового праздника, такие, например, как парад, функции которого в деревенском престольном празднике, по-видимому, выполнял крестный ход. В то же время во многих случаях полковой праздник имел связь и с прошлым полка. Праздники войсковых частей были одной из важных исторических традиций русской армии. Сценарий проведения полкового праздника, судя по всему, лёг в основу сценария торжеств по случаю юбилеев войсковых частей.

3.2. Юбилей войсковых частей.

Традиция торжественно отмечать юбилей войсковых частей тесно связана с системой старшинства полков русской армии. Каждая отдельная часть Российской императорской армии имела старшинство – дату, с которой она официально могла исчислять время своего существования. Причём во многих случаях старшинство исчислялось не со дня формирования самой части, а со времени учреждения полка, считавшегося с большими или меньшими основаниями её «предком».

Первым шагом на пути установления системы исчисления старшинства можно считать издание в 1799 г. составленной кн. Долгоруковым «Хроники Российской императорской армии». В хронике помимо прочих сведений указывалась дата учреждения каждой войсковой части (зачастую неверно). Однако, вопрос о старшинстве как таковом не поднимался.

Непосредственно система старшинства частей русской армии начала складываться в начале XIX в. В декабре 1815 г. было объявлено старшинство гвардейских частей, в январе 1816 г. – егерских полков, в марте того же года – всех остальных. В каждой однородной группе полков (например, егерских,

пехотных, гренадерских и т. д.) вводилось не абсолютное, а относительное старшинство для выяснения очерёдности участия полков в разного рода торжественных церемониях. У гвардейских, кирасирских и гренадерских полков старшинство исчислялось со времени получения ими этих наименований, у остальных – со времени их учреждения. При этом указывался только год, без точной даты⁵⁰.

В ходе реорганизации пехоты в 1833-1835 гг. батальоны восьмидесяти четырёх упразднённых полков армейской пехоты были влиты в состав других или обращены на формирование новых. В связи с этим система старшинства в русской армии усложнилась и запуталась – все батальоны сохранили свои регалии и старшинство тех полков, в состав которых входили до реорганизации. Таким образом, с этого времени и вплоть до 1884 г. в русской армии наряду с полковым существовало и батальонное старшинство.

Впервые вопрос об установлении абсолютного старшинства был поднят при императоре Николае I. Связано это было с учреждением новых регалий для частей, отмечавших свои сто- и двухсотлетние юбилеи. Для вручения этих регалий было необходимо знать точные даты учреждения этих полков. Высочайшим указом 25 июня 1838 г. утверждалась следующая система исчисления старшинства. Если полк был сформирован из нескольких частей, то ему присваивалось старшинство старейшей из них (при условии, что эта часть не менее полубатальона или двух эскадронов). Если полк был сформирован из нескольких частей меньшего размера, то старшинство присваивалось со дня указа о сформировании⁵¹.

25 марта 1860 г. вышел приказ военного министра № 188 «О знаках отличия, жалуемых войскам». § 29 приказа изменял правила исчисления времени основания полков. В соответствии с ним старшинство исчислялось по старейшей части, вошедшей в состав полка, если она не менее батальона.

В 1865 г. были изданы официальные хронологические таблицы полков. В них было указано батальонное старшинство, подробные хроники батальонов.

18 марта 1884 г. приказом по военному ведомству № 96 были установлены новые правила определения старшинства полков. Они заключались в следующем:

- а) «Если полк составлен из двух полков же и после того разделён не был, то старшинство его считать по старейшему из этих полков.
- б) Старшинство полка, сформированного из половины другого (то есть не менее как из 6-ти рот его) считать одинаково с этим полком, и
- в) Старшинство полка, сформированного из рот другого, если число рот их было менее 6-ти, или из одного батальона или, наконец, и из нескольких батальонов, но различных наименований, - считать со времени указа о сформировании полка. Исключение из этого последнего правила составят полки, которые сформированы из частей хотя бы и меньших, но таких, с которыми соединено особое историческое значение, со времени их первоначального учреждения»⁵².

Важным следствием принятия новых правил стало упразднение батальонного старшинства. С 1884 г. в русской армии существовало только полковое старшинство.

Исключения, о которых говорится в приказе, действительно имели место. Например, в 1884 г. 13-му лейб-гренадерскому Эриванскому полку было присвоено старшинство с 1642 г., со времени сформирования Бутырского выборного полка, а 15-му гренадерскому Тифлисскому – старшинство 42-го егерского полка с 1726 г., так как при расформировании последнего в 1834 г. Тифлисский полк принял его Георгиевское знамя и другие регалии⁵³. Тогда же высочайшим повелением предписывалось «для сохранения наименований двух старейших полков в России (именно Выборгского и Луцкого) старшинство их, в виде исключения из общего правила присвоить 85-му пехотному Выборгскому полку, в котором и сохраняются и знаки отличия, им прежде пожалованные»⁵⁴.

Имели место подобные исключения и позднее. Так, 13 июля 1900 г. высочайшим повелением сформированному 18 июня 1863 г. 86-му пехотному

Вильманстрандскому полку было присвоено старшинство со дня формирования старого Вильманстрандского мушкетёрского полка – 16 августа 1806 г.⁵⁵. В 1833 г. к прежнему Вильманстрандскому полку было присоединено 1 ½ батальона 46-го егерского полка, и полк получил наименование Вильманстрандского егерского. Но уже через два года, в 1835 г., он был расформирован, и большая часть его батальонов пошла на укомплектование Финляндских линейных батальонов. Последние, в свою очередь, после ряда переформирований, в 1863 г. были вновь сведены в пехотные полки. Среди этих вновь сформированных пехотных полков оказался и Вильманстрандский. При новом формировании в его состав попали две роты, ведущие свою историю от 46-го егерского полка и две смешанные (от Вильманстрандского и 46-го егерского полков)⁵⁶. Таким образом, 86-й пехотный Вильманстрандский полк по правилам, установленным в 1884 г., не имел права претендовать на старшинство Вильманстрандского мушкетёрского полка. Тем не менее, он его получил в порядке исключения.

В том же 1884 г. приказом по военному ведомству № 252 устанавливалось, что резервный пехотный батальон (кадровый), при переформировании по военному времени в полк, передаёт своё старшинство всем батальонам этого полка⁵⁷.

Необходимо подчеркнуть, что сложившаяся к началу XX в. система старшинства страдала многими недостатками. Одни полки имели старшинство по древнейшим «предкам», зачастую полумифическим, у других отрицалось их личное старшинство за период, когда они были отдельными частями меньшего состава (полки – отдельными батальонами, отдельные батальоны – отдельными ротами и полубатальонами). Иногда полк-«потомок» имел большее старшинство, чем полк-«предок». Полки, существовавшие фактически 20-30 лет считались старше своих родоначальников. Об ошибках в хрониках полков писал в 1914 г. Г. С. Габаев. Он, в частности, указывает на расхождение в расписании 1884 г. с официальными данными предыдущих хроник. В частности, расписание

1884 г. отрицало преемственную связь пехотных полков 161-го Александропольского, 87-го Нейшлотского, 74-го Ставропольского, 76-го Кубанского, 82-го Дагестанского и 83-го Самурского с бывшими егерскими полками: 41-м, 46-м, 47-м, 48-м, 49-м и 50-м. Эти полки были, таким образом, признаны «вымершими», тогда как их прямыми и законнейшими наследниками, по мнению Г. С. Габаева, явились вышеназванные шесть пехотных полков, имеющие не меньшие права, чем 85-й Выборгский и 86-й Вильманstrandский и прочие полки формирования 1863 г., за которыми преемственная связь с их «предками» была признана⁵⁸. 104-й пехотный Устюжский полк до введения правил 1884 г. имел старшинство с 14 января 1785 г. (когда был учреждён четырёхбатальонный Лифляндский егерский корпус, из 1-го батальона которого 29 ноября 1796 г. сформирован 7-й егерский батальон, предшественник 104-го пехотного Устюжского полка). В 1884 г. полк получил старшинство с 17 мая 1797 г. (то есть со времени развёртывания егерских батальонов в полки). В связи с этим командир 104-го пехотного Устюжского полка возбудил ходатайство о присвоении полку прежнего старшинства. Аналогичная ситуация сложилась и в 93-м пехотном Иркутском полку⁵⁹.

Как следствие несовершенства системы старшинства в русской армии периодически полками возбуждались ходатайства об изменении старшинства. Например, на одном из заседаний Разряда полковых и корабельных историй Императорского русского военно-исторического общества в 1913 г. рассматривалось подобное ходатайство командира 87-го пехотного Нейшлотского полка о присвоении старшинства с 1806 г. Разряд единогласно постановил войти с соответствующим представлением в совет общества⁶⁰.

Интересно отметить, что 8-й пехотный Эстляндский полк, имея старшинство с 17 января 1711 г., претендовал на старшинство с 1478 г., от Новгородского полка пицальников⁶¹.

Однако, приказом по войскам гвардии и Петербургского военного округа № 148 от 17 июля 1912 г. войсковым частям при возбуждении ходатайств

подобного рода было запрещено обращаться одновременно и в Императорское русское военно-историческое общество. Как было сказано в приказе, «при надобности каких-либо исторических справок и дополнительных данных к компетенции Императорского русского военно-исторического общества будет обращаться уже высшее войсковое начальство»⁶².

В результате вышеперечисленных приказов на начало XX в. пятнадцать гренадерских и девяносто два пехотных полка исчисляли свою историю с XVIII в. В том числе шесть гренадерских и тридцать четыре пехотных – с начала столетия (из них пять гренадерских и восемнадцать пехотных – с 1700 г.: 2-й Ростовский, 5-й Киевский, 9-й Сибирский, 12-й Астраханский, 14-й Грузинский гренадерские и 11-й Псковский, 15-й Шлиссельбургский, 17-й Архангелогородский, 19-й Костромской, 22-й Нижегородский, 25-й Смоленский, 29-й Черниговский, 45-й Азовский, 61-й Владимирский, 62-й Суздальский, 64-й Казанский, 65-й Московский, 77-й Тенгинский, 81-й Апшеронский, 85-й Выборгский, 97-й Лифляндский, 131-й Тираспольский, 139-й Моршанский пехотные), четыре гренадерских и тридцать девять пехотных – с конца века. Семьдесят один пехотный полк имел старшинство с начала XIX в. Один полк (13-й лейб-гренадерский Эриванский) имел старшинство с 25 июня 1642 г., являясь одной из старейших частей русской армии.

Таким образом, на рассматриваемый период времени приходились двухсотлетние юбилеи существования сорока полков армейской пехоты и столетние – ста четырнадцати полков. Все эти юбилеи широко отмечались в полках.

Старшинство одного и того же старого полка могли иметь сразу несколько полков начала XX в. Например, старшинство Вильманстрандского мушкетёрского полка (16 августа 1806 г.) имели 86-й пехотный Вильманстрандский и 12-й Финляндский стрелковый полки.

В некоторых случаях старшинство полка могло измениться, что приводило порой к курьёзам. Например, 31 августа 1871 г. 39-й пехотный Томский полк

отметил свой столетний юбилей. По расписанию 1884 г. полк получил старшинство с 1796 г. Таким образом, в 1896 г. полк снова отмечал столетие своего существования⁶³. 145-й пехотный Новочеркасский полк, являвшийся преемником 39-го пехотного Томского, таким же образом дважды отметил юбилей. В 1912 г. Разряд полковых и корабельных историй Императорского русского военно-исторического общества возбудил ходатайство о присвоении обоим полкам вновь старшинства с 31 августа 1771 г.⁶⁴.

Традиция торжественно отмечать полковые юбилеи зародилась в 1842 г. 25 июня этого года Эриванскому карабинерному и Кременчугскому пехотному (3-му, 4-му и запасному батальонам) полкам впервые в русской армии были пожалованы знамёна с юбилейными лентами⁶⁵. Но большая часть юбилеев, как уже было сказано, пришлась на последнюю четверть XIX – начало XX в.

Во многом сценарий проведения юбилейных торжеств был сходен со сценарием полкового праздника, отличаясь от последнего наличием ряда дополнительных мероприятий и масштабом празднования.

Торжества по случаю полкового юбилея включали в себя целый комплекс мероприятий. Подготовка к празднику начиналась задолго до самой даты.

Рассмотрим сценарий такого праздника на примере юбилея 145-го пехотного Новочеркасского полка, отмечавшегося 29 и 30 ноября и 1 декабря 1896 г., дополняя, при необходимости, примерами других полков.

Первым мероприятием, осуществлённым в рамках подготовки к юбилею Новочеркасского полка, стал ремонт казарм. 25 апреля 1896 г. командир полка в письме на имя главного начальника инженеров генерал-лейтенанта Кобелева запросил для этой цели 5000 рублей⁶⁶. Реальная сумма, выделенная главным и окружным инженерными управлениями была значительно меньше – 1800 рублей, из которых 1459 рублей 91 копейка были потрачены на ремонт казарм и проведение электрического освещения⁶⁷. Такого же рода работы проводились и при подготовке празднования столетнего юбилея 56-го пехотного Житомирского полка: разбивка парка перед собранием, перестройка зданий

офицерского собрания⁶⁸. В 67-м пехотном Тарутинском полку ко дню столетнего юбилея был произведён ремонт помещений, в том числе деревянного здания церкви⁶⁹.

Незадолго до торжеств в газеты были разосланы объявления с приглашением на праздник бывших офицеров полка. Такие объявления были, в частности, опубликованы в газетах «Московские ведомости», «Свет», «Новости»⁷⁰. В газетах «Ведомости городской полиции», «Свет» и «Петербургский листок» были напечатаны аналогичные приглашения для бывших нижних чинов полка⁷¹.

Ещё одним мероприятием стал пошив копий мундиров полка за всё время его существования. В сентябре 1896 г. с разрешения главного интенданта из магазина образцов Технического комитета Главного интендантского управления в качестве образцов полку были выданы подлинные предметы исторического обмундирования эпох царствования императоров Павла I, Александра I, Николая I и Александра II⁷². На пошив копий полком было потрачено 327 рублей 55 копеек⁷³. По тому же пути пошёл и 13-й пехотный Белозерский полк, сделав ко дню своего двухсотлетия в 1908 г. копии формы одежды полка времён Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I⁷⁴. После окончания торжеств эти мундиры поступали в полковые музеи. Иногда они использовались и во время других мероприятий. Например, 22 февраля 1897 г. группа нижних чинов Новочеркасского полка в мундирах прежних времён во главе с полковым командиром была представлена императрице Марии Фёдоровне. Солдаты произвели ружейные приёмы по уставам соответствующего времени⁷⁵. Мария Фёдоровна, по всей видимости, осталась довольна этим зрелищем и пожаловала 10 рублей серебром для распределения между солдатами, участвовавшими в этом представлении.

Важным шагом был выбор даты празднования юбилея. Зачастую торжества по различным причинам переносились или откладывались. 28 февраля 1903 г. последовало высочайшее повеление, предоставившее право разрешать перенос юбилейных торжеств командующим войсками военных округов. При этом в

высочайшем приказе о пожаловании части юбилейного знамени объявлялось в день её столетия. В этот же день в полк доставлялась сама регалия и грамота на неё⁷⁶. Часто с высочайшего соизволения торжества переносились на дни полковых праздников (даты юбилеев и полковых праздников как правило не совпадали). Так, например, юбилейные торжества в 56-м пехотном Житомирском полку были перенесены с 20 октября 1911 г. на день св. Троицы 1912 г.⁷⁷, в 86-м пехотном Вильманstrandском полку – с 16 на 30 августа 1906 г.⁷⁸. Обоснованием этому могла служить как близость дат полкового праздника и юбилея, как в случае с Вильманstrandским полком, так и другие причины. Например, мотивом для отсрочки празднования юбилея Житомирского полка были те соображения, что в лагере, где полк будет находиться летом, все полки дивизии смогут принять участие в юбилейных торжествах, что в октябре погода может помешать празднованию, что помещений в казармах полка для всех гостей крайне недостаточно, и много других соображений хозяйственного характера⁷⁹. 180-й пехотный Виндавский полк перенёс празднование своего столетнего юбилея 27 марта 1911 г. до окончания постройки полковых казарм в Саранске⁸⁰, а 129-й пехотный Бендерский полк, находившийся в 1906 г. в Кутаиси с целью подавления волнений, отложил празднование юбилея до возвращения на постоянные квартиры в Киеве⁸¹.

Более того, 56-й пехотный Житомирский полк отметил свой юбилей вне своих казарм. В марте 1912 г. полком было получено известие о том, что в 20-х числах апреля он вызывается в Ливадию для празднования юбилея в присутствии императора. Торжества прошли в начале мая, то есть ранее, чем было запланировано⁸². 85-му пехотному Выборгскому полку также пришлось отмечать своё двухсотлетие 25 июня 1900 г. не в Новгороде, где он был расквартирован, а в Санкт-Петербурге. Полк в это время нёс в столице караульную службу⁸³.

Накануне или за несколько дней до юбилейной даты производилась прибавка нового полкового знамени. Высочайшим указом от 25 июня 1838 г.

было предписано всем частям, существующим сто и более лет, иметь на своих знамёнах ленты – Андреевские в гвардии и Александровские в армейских и гарнизонных полках⁸⁴. Каждый полк, отмечавший юбилей, получал новое знамя с такой лентой.

Церемония прибивки знамени могла проводиться в офицерском собрании (как, например, в 86-м пехотном Вильманstrandском полку), а в исключительных случаях и в других местах (прибивка нового знамени 56-го пехотного Житомирского полка состоялась в Большом Ливадийском дворце, 145-го пехотного Новочеркасского полка – в Гербовом зале Зимнего дворца).

На церемонии присутствовали по четыре нижних чина (фельдфебель, унтер-офицер и два солдата) от каждой роты, офицеры и командир полка, высшее начальство (командир бригады, начальник дивизии, командир корпуса, командующий войсками военного округа и др.), а зачастую особы императорской фамилии или сам император. Так, при прибивке новых знамён Житомирского полка присутствовали император Николай II, великий князь Николай Николаевич, помощник командующего войсками Одесского военного округа генерал от артиллерии Фан Дер Флит с начальником штаба генерал-лейтенантом Васильевым, командир 8-го армейского корпуса генерал от инфантерии Романенко с начальником штаба генерал-майором Кузнецовым, начальник 14-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Иевреинов с начальником штаба полковником Солунсковым, бывший командир полка генерал-майор Короткевич⁸⁵. В Выборгском полку на этой церемонии из высших чинов присутствовал только командир 1-го армейского корпуса генерал от кавалерии барон Мейендорф⁸⁶, а юбилейные торжества в Вильманstrandском полку посетило начальство до корпусного командира включительно, а также несколько бывших полковых командиров⁸⁷.

В некоторых случаях одновременно могла состояться прибивка новых знамён нескольких полков. Так, 24 июня 1900 г. были прибиты к древкам полотнища знамён 2-го Ростовского и 5-го Киевского гренадерских и штандарта

1-го лейб-драгунского Московского полков. В церемонии приняли участие великий князь Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Фёдоровна, начальник 1-й гренадерской дивизии, командир 1-й бригады той же дивизии, московский комендант⁸⁸.

Первый гвоздь вбивал старший по чину из присутствовавших, затем – по убыванию. Прибивка осуществлялась специально изготовленным для этого молотком. Этот молоток и поднос, на котором он лежал, после церемонии становились экспонатами полкового музея.

Достаточно подробно церемония прибивки нового полкового знамени описана в истории 145-го пехотного Новочеркасского полка, отрывок из которой приводится ниже: «Торжество прибивки нового знамени происходило 26-го ноября (1896 г. - *И. Х.*), в 3-м часу дня, в Гербовом зале Зимнего дворца. В зале, фронтом к окнам, вытянулись в линию нижние чины полка без ружей... На фланге и по другую сторону стали все офицеры, во главе с командиром, полковником Вороновым, и старослужилые новочеркасцы. На середине залы, между строем нижних чинов и офицеров, на столе, накрытом красным сукном, лежало новое знамя и тут же серебряное блюдечко с гвоздями и молотком (серебряное блюдечко и молоток хранится в полковом музее). Государь, в форме Новочеркасского полка, вошёл в залу вместе с государыней и августейшими особами. Его величество поздоровался с новочеркасцами и, подойдя к столу, вбил первый гвоздь; фельдфебель, назначенный для держания знамени, поддерживал древко. За государем вбила гвоздь государыня, затем августейший главнокомандующий великий князь Владимир Александрович, командир 1-го армейского корпуса генерал барон Мейендорф, начальник 37-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Тилло, бывшие командиры полка – генералы: Оржевский, Скугаревский и фон Лизарх-Кенигк, командир полка полковник Воронов и др. После прибивки знамени государь навязал юбилейные ленты, а полковой командир поднёс его величеству историю полка, составленную штабс-капитаном Шелеховым, и золотой жетон полка. Затем новое знамя вместе

со старым Георгиевским знаменем торжественно вынесли к полуроте с хором музыки, ожидавшей на площади перед дворцом»⁸⁹. Что касается старых знамён, то их по высочайшему повелению 5 ноября 1896 г. было разрешено оставить на хранение в полку⁹⁰. Следует отметить, что на церемонии в порядке исключения было разрешено присутствовать составителям полковой истории⁹¹.

Вечером накануне юбилея в полковой церкви совершалось всенощное богослужение и панихида по почивающим императорам и по умершим и убитым чинам полка.

Основные торжества разворачивались на следующий день. Начинались они обходом полка старшего из присутствовавших начальников (см. прил. 4, рис. 1). В случае со 145-м пехотным Новочеркасским полком это был император Николай II.

Затем командир полка зачитывал грамоту о пожаловании полку знамени и статьи устава, карающие за его потерю*, после чего начинался молебен и освящение новой полковой регалии (см. прил. 4, рис. 2). Во время зачитывания грамоты в строю находились и старые полковые знамёна, но перед началом молебна они уносились. После окончания молебна полк приводился к присяге перед новым знаменем.

Эту часть юбилейных торжеств 56-го пехотного Житомирского полка эмоционально и подробно описывает полковой священник А. Илларионов:

* Ст. 247 Воинского устава о наказаниях: За потерю в бою знамени или штандарта, если команда, коей они присвоены, не употребила всех средств к спасению их, те, коим преимущественно было вверено охранение знамени или штандарта, приговариваются: к лишению всех прав состояния и к смертной казни расстрелянием; а прочие, принадлежащие к составу сей команды чины подвергаются: наказаниям по мере вины на основании правил, постановленных в 75 ст. сего устава (цит. по: Попов Г. Незащищённая святыня // Русский инвалид. 1909. № 176).

«Командир полка прочитал высочайшую грамоту о пожаловании нового знамени. Каждое слово грамоты поразительно ясно и чётко произносилось командиром, обладающим необыкновенно сильным голосом и превосходной дикцией; затем им были прочитаны статьи закона, карающие за потерю знамени, были отнесены старые полковые знамёна в помещение Сводного его императорского величества полка. После этого государь император наклоном головы дал знать священнику начать служение молебна. Поклонившись государю и осенившись троекратно крестным знаменем перед полковым образом, священник произнёс взволнованным голосом первый возглас. Стройно на редкость несётся пение полкового хора. С особенно возвышенным чувством произносятся моления о государе и об его августейшем семействе, об августейшем шефе. Вот произносятся молитвы на освящение нового знамени, священник подходит с кропилом из живых цветов к новому знамени для окропления его святой водой. Государь император, августейший шеф и командир полка держат полотнище знамени в то время, как священник кропит святой водой знамя, произнося трижды наизусть: «окропляется воинское знамя сие...». Затем заканчивается молебен отпустом священника, произносятся многолетие государю императору, второе государыням императрицам, наследнику цесаревичу, августейшему шефу и всему царствующему дому, после чего провозглашается «вечная память великим государям императорам Николаю I, Александру II, Александру III и всем, за Веру, Царя и Отечество на поле брани и в море живот свой положивших...» и последнее многолетие за «христолюбивое победоносное воинство»... После молебна священник кропил святой водой и весь полк; за священником следовали государь император, наследник, августейший шеф и командир полка. Весь полк дружно и мощно пел молитву за царя. По окончании окропления полка святой водой, полк принял присягу перед новым знаменем (см. прил. 4, рис. 3 – И. Х.). Громко, отчётливо, ясно, как один человек, повторял весь полк целыми фразами слова присяги... Вот произнёс священник последнее слово присяги: «Аминь». Полк повторил его

и на минуту словно замер под неотразимым впечатлением слов присяги... Государь император вручил новое знамя коленопреклонённому командиру полка (см. прил. 4, рис. 4 – *И. Х.*), который передал его также коленопреклонённому знаменщику; освящённое новое полковое знамя обносят по фронту полка»⁹².

После этого старые знамёна уносились на квартиру шефа или командира полка (если она находилась вблизи от места проведения торжеств) или в дежурную комнату части.

Затем начинался парад. Парад 145-го пехотного Новочеркасского полка состоялся 29 ноября 1896 г. в 11 часов утра в манеже Михайловского замка в Санкт-Петербурге (в то время полк был расквартирован в столице). На параде присутствовали начальники отдельных частей петербургского гарнизона и начальствующие над ними лица, а также отставные и запасные нижние чины, служившие в полку. Кроме того, в манеже находились солдаты полка, одетые в копии формы полка за всё время его существования⁹³.

В параде Вильманstrandского полка 30 августа 1906 г. принимали участие бывшие офицеры полка, прибывшие на торжества. Колонну замыкал запряжённый двумя лошадьми японский пулемёт – полковой трофей, привезённый с русско-японской войны⁹⁴.

Как правило, во время юбилейного парада в строй выносились все старые знамёна, имевшиеся в полку. Помимо юбилеев, эти знамёна могли выноситься в строй во время других исключительных торжеств, например, при праздновании юбилеев сражений, а также с высочайшего разрешения.

На парадах во время полковых юбилеев могли присутствовать и другие почётные гости. Например, на параде 85-го пехотного Выборгского полка находились, в числе прочих гостей, германский посол светлейший князь Радолин, германский военный агент майор Лауенштейн и командированный германским императором на праздник майор граф Йорк фон Вартенбург. Последний зачитал полку перед парадом поздравительное письмо от императора

Германии Вильгельма II, который, как известно, был шефом полка с 6 мая 1884 г.⁹⁵.

Затем для офицеров, гостей и полковых дам устраивался торжественный завтрак или обед в собрании либо в другом подобающем случае месте. Например, завтрак в честь столетнего юбилея Новочеркасского полка проходил в Николаевском зале Зимнего дворца. На нём присутствовали, кроме офицеров и чиновников полка, командиры отдельных частей 1-го армейского корпуса и вышестоящее начальство, а также офицеры, ранее служившие в полку (последние должны были предъявить приглашение, которое они могли получить в полку). Во время завтрака играл придворный музыкантский хор и оркестр Новочеркасского полка⁹⁶. О репертуаре военных оркестров во время праздничных завтраков и обедов можно судить по программе выступления оркестра 25-го пехотного Смоленского полка на юбилейном празднике 25 июня 1900 г.: 1) полковой марш; 2) вальс «Конькобежцы» Э. Вальдтейфеля; 3) увертюра «Фра-Дьяволо» Ф. Обера; 4) ария Сусанина из оперы «Жизнь за царя» М. И. Глинки; 5) попури из оперы «Галька» С. Монюшко; 6) увертюра «Вильгельм Телль» Дж. Россини; 7) «Испанская серенада» – вальс-фантазия Дон-Лопеца; 8) попури из оперы «Продавец птиц» К. Целлера; 9) «На пикнике» – мазурка Намысловского; 10) попури из оперы «Евгений Онегин» П. И. Чайковского; 11) фантазия из оперы «Летучая мышь» И. Штрауса; 12) марш «Кастальдо» Комзака⁹⁷.

Обед 30 августа 1906 г. и танцевальный вечер 31 августа для офицеров и гостей 86-го пехотного Вильманstrandского полка проходили в курзале старорусского курорта (полк в то время дислоцировался в г. Старая Русса Новгородской губернии)⁹⁸.

Во время торжественного завтрака или обеда происходил также приём делегаций и вручение ими подарков полку. Такие делегации прибывали, как правило, от соседних частей, штаба дивизии, гражданских властей города, где полк был расквартирован или в честь которого он был назван и т. п. В качестве

подарков чаще всего выступали адреса (художественно оформленные письменные поздравления), братины, сервизы, другие предметы посуды (чаще всего из серебра). Довольно распространённой категорией подарков были иконы. Особенно часто иконы вручались депутациями городов, в честь которых полки были названы⁹⁹. Так, 113-й пехотный Старорусский полк в 1896 г. по случаю исполнившегося юбилея получил икону Тихвинской Божьей Матери от города Старая Русса¹⁰⁰. 121-й пехотный Тамбовский полк также получил в 1897 г. в подарок икону от представителей Тамбова¹⁰¹. Подарки полки получали и от своих шефов. 85-му пехотному Выборгскому полку, например, император Вильгельм II на двухсотлетие подарил свой портрет¹⁰². Все эти подарки хранились в офицерском собрании или в полковом музее (в полках, его имевших).

Вечером второго дня юбилейных торжеств для офицеров, полковых дам и гостей устраивался юбилейный ужин.

Организовывались праздничные мероприятия и для солдат. Для нижних чинов 145-го пехотного Новочеркасского полка 29 и 30 ноября 1896 г. (29-го — для 1-го и 2-го батальонов, 30-го — для 3-го и 4-го) было устроено театральное представление, состоящее из трёх отделений. В первом отделении «труппа драматических актёров» представляла спектакль «Михайловское укрепление, или Архип Осипов». Во втором «известный физиономист и характеристик Фаустини Дуткевич» давал «большое представление, состоящее из опытов индийских факиров, престижиджитации, иллюзии и мимики». Большая программа состояла из четырёх отделений и шестидесяти номеров, под названием: «Иллюзии волшебного царства или тайны Шехерезады». В третьем отделении всё та же актёрская труппа играла спектакль под названием «Суворов»¹⁰³.

Для солдат 86-го пехотного Вильманstrandского полка 30 августа 1906 г. был устроен улучшенный обед, игры, театральные представления и гулянье на полковом плацу¹⁰⁴.

Каждый солдат 145-го пехотного Новочеркасского полка получил в подарок юбилейную кружку с изображением Николая II и Александры Фёдоровны (всего такие кружки получили тысяча восемьсот восемь нижних чинов, состоящих на действительной службе и семьдесят девять запасных)¹⁰⁵, портрет шефа полка Александра III и полковую историю, написанную Д. А. Шелеховым. Кроме того, всем строевым и нестроевым солдатам полков, праздновавших свои столетние и двухсотлетние юбилеи, жаловалось по серебряному юбилейному рублю.

В течение трёх дней, с 29 ноября по 1 декабря 1896 г. солдаты и унтер-офицеры 145-го пехотного Новочеркасского полка получали улучшенную пищу. 29 ноября и 1 декабря нижним чинам было выдано 11 пудов 31 $\frac{3}{4}$ фунта леденцов, 23 пуда 23 $\frac{1}{2}$ фунта орехов, 23 пуда 23 $\frac{1}{2}$ фунта пряников, 11 пудов 31 $\frac{3}{4}$ фунта семечек и 23 пуда 23 $\frac{1}{2}$ фунта «стручков»¹⁰⁶.

Усиленный паёк получали и запасные нижние чины, прибывшие на торжества. Приказом командира полка № 331 от 26 ноября 1896 г. на время проведения торжеств они были поставлены на довольствие в тех ротах, в которых проходили службу и получали всё то же, что полагалось и нижним чинам на действительной службе¹⁰⁷.

Во время торжеств помещения казарм украшались флагами, зеленью. Так, приказом командира 145-го пехотного Новочеркасского полка предписывалось украсить флагами казармы с вечера 28 ноября до утра 2 декабря 1896 г.¹⁰⁸. В самом полку флагов для этого не хватило, поэтому командир полка вынужден был обратиться с просьбой о предоставлении флагов в различные учреждения в Санкт-Петербурге, например, в Новое Адмиралтейство¹⁰⁹. 29 ноября была зажжена иллюминация на Новочеркасской улице, а 1 декабря – на той же улице и во дворе казарм. С этой целью в каждом окне, выходящем на Новочеркасскую улицу, в 4 часа вечера было поставлено по две свечи¹¹⁰.

Часто в честь полковых юбилеев и других торжеств устраивались фейерверки. Так, во время празднования юбилея 56-го пехотного Житомирского полка были сожжены фейерверки в виде портретов Николая II и полкового шефа

великого князя Николая Николаевича высотой 10 аршин, составленные из бенгальских огней. Было взорвано 150 бомб и 150 «бураков», а также сожжено 30 ракетных павильонов. Организацией зрелища занимался штабс-капитан Белый¹¹¹.

Так же, как и в случае с полковыми праздниками, часто к юбилейным торжествам приурочивались другие важные мероприятия. Например, в 145-м пехотном Новочеркасском полку 1 декабря 1896 г. была торжественно освящена новая полковая церковь в честь св. Александра Невского. 6 декабря 1897 г., во время празднования столетнего юбилея 104-го пехотного Устюжского полка, на средства его офицеров и чиновников и «при личном труде нижних чинов» перед зданием офицерского собрания был установлен памятник шефу полка — князю П. И. Багратиону¹¹².

Расходы на юбилейные торжества достигали весьма значительных размеров. Так, Новочеркасский полк потратил на эти цели 8666 рублей 44 копейки. Деньги пошли на пошив копий старой униформы полка, издание полковой истории, заказ жетонов, публикацию приглашений в газетах, канцелярские расходы, ремонт и украшение помещений казарм, фотографии, завтрак 1 декабря, вечер 3 декабря¹¹³.

По свидетельству генерал-майора М. Грулёва юбилей 14-го гренадерского Грузинского полка стоил офицерам огромной по тем временам суммы — 150-200 тысяч рублей¹¹⁴.

Суммы эти в значительной мере накапливались за счёт вычетов из офицерского жалованья. Например, взносы офицеров 145-го пехотного Новочеркасского полка составили сумму в 1200 рублей (не считая 360 рублей, полученных с офицеров за вечер 3 декабря согласно постановления общего собрания). Другим источником средств были полковые хозяйственные суммы. На юбилей Новочеркасского полка пошли 1000 рублей из остатков хозяйственной суммы по смете на 1896 г. и 3993 рубля за дрова, снятые с полкового стрельбища. Кроме того, Главный штаб выделил 1000 рублей на

издание истории, а Главное и окружное интендантские управления 1800 рублей на ремонт казарм¹¹⁵.

Организация юбилейных торжеств требовала от офицеров полка, в особенности его командира, значительных усилий и денежных средств. Поэтому командиры полков, юбилеи которых приближались, обращались за консультациями к своим коллегам из тех полков, которые уже отпраздновали свои юбилеи. Так, командир 119-го пехотного Коломенского полка обратился в 145-й пехотный Новочеркасский полк с просьбой выслать программу празднования юбилея последнего и указать источники финансирования юбилейных мероприятий, а также одолжить на время празднования юбилея копии форм обмундирования. Командиром Новочеркасского полка был выслан соответствующий ответ¹¹⁶.

Отмечались в полках и менее значительные юбилеи. Так, 3 ноября 1913 г. 156-й пехотный Елисаветпольский полк отметил свой 50-летний юбилей. Помимо прочих торжественных мероприятий, в этот день состоялось открытие полкового музея и освящение памятника всем умершим на службе и павшим в боях чинам полка¹¹⁷.

Необходимо отметить, что сценарий проведения юбилейных торжеств и полковых праздников подвергался резкой критике со стороны некоторых офицеров русской армии. Вышеупомянутый генерал М. Грулёв называл такие праздники «закоренелой язвой, врывающейся в войсковой быт под видом преемственности традиций»¹¹⁸. Он отмечал, что с офицеров в течение 7-8 лет вычитали деньги, чтобы, по выражению кн. Барятинского (губернатора Дагестанской области), «пропить их за три дня»¹¹⁹.

Такую же неприглядную картину рисует и автор статьи «Полковой праздник без водки», опубликованной в 1903 г. в «Разведчике»: «Часов с 3 по всему лагерю идёт какой-то стон. Нестройные песни, гармошки и одиночные выкрики пьяных людей сливаются в общий дикий и негармоничный гул. Кое-где слышны крепкие нецензурные слова и писк так называемых «ротных дам», как

следствие бесцеремонного обращения подвыпивших кавалеров. На играх и состязаниях толпа, парализованная присутствием офицеров, хотя ведёт себя удовлетворительно, но чересчур громкие похвалы и одобрения всё-таки нарушают общее благочиние. Во время поверки стоят на линейках не роты, а скорее взводы; остальные спят или разошлись по окрестностям лагеря. Чтобы парализовать это противодисциплинарное явление отдаётся вынужденное приказание: общей переклички не производить, а сделать поверку людей после в палатках. Утренние после праздника доклады фельдфебелей изобиловали массой сведений о разных, хотя не серьёзных, но тем не менее, неприятных происшествиях»¹²⁰. Другой, не назвавший своего имени автор заметки «Алкоголизм в войсках» называет полковые праздники «праздниками Бахуса» и выражал сожаление по поводу того, что тосты за здоровье высочайших особ и процветание армии «обильно spryskivayutsya alkohol'nym yadom i otkryvayut soboy shirokoe istrebleniye spirtnykh napitkov vo vtoruyu polovinu pira»¹²¹.

В связи с этим в военной печати того времени появлялись предложения отменить праздники войсковых частей. Так, некто С. П. С-ов призывал отказаться от практики проведения ротных праздников, мотивируя это небольшой численностью роты и наличием общего для всего полка праздника¹²². Н. Павловский предлагал вообще отказаться от полковых праздников, а деньги, расходуемые в этих целях, пускать на закупку пулемётов и другого военного оборудования¹²³.

Безусловно, авторы несколько сгущают краски, но в их словах есть значительная доля правды. Каждое торжество, будь то юбилей полка, полковой или ротный праздник, сопровождалось многочисленными тостами. Употребление спиртных напитков было неотъемлемым признаком любого такого торжества.

Тем не менее, полковые праздники и юбилейные торжества стали одной из важных традиций русской армии, занимая далеко не последнее место в системе воспитания войск в духе уважения к истории своей части.

Ещё одной традицией, непосредственно связанной с юбилеями частей, было учреждение так называемых нагрудных юбилейных знаков. Появление этой традиции относится к рассматриваемому периоду и было обусловлено всё той же волной полковых юбилеев, которая пришлась на рубеж XIX и XX в.

Необходимо отметить, что полковая символика зародилась ещё в начале XVIII в. Связано это было с тем, что в 1708 г. полкам были присвоены имена городов и провинций России. В 1712 г. изображения гербов этих городов и областей появились на полковых знамёнах, а при Анне Иоанновне, указом от 8 марта 1730 г., были учреждены полковые гербы. Последние изображались на знамёнах, полковых печатях, деталях униформы¹²⁴.

Непосредственными предшественниками полковых знаков были жетоны. Они учреждались по инициативе офицеров полка в честь различных важных событий полковой жизни (юбилеи полка, шефа, различные события из полковой истории). Носились они на цепочке на пуговице мундира. Первоначально жетоны не представлялись на утверждение верховному командованию. Однако, со временем процесс учреждения жетонов в полках принял такие масштабы, что командование было вынуждено принять меры по регламентации правил их учреждения и ношения. 17 апреля 1891 г. император Александр III повелел, чтобы на жетонах не помещались изображения знаков ордена св. Георгия и Андреевская звезда, а сами жетоны носились в виде брелока. 12 марта того же года император предоставил право утверждать правила выдачи и образцы жетонов войсковых частей Петербургского военного округа главнокомандующему войсками этого округа. На жетонах запрещалось изображать государственный герб и какие бы то ни было орденские знаки и ленты. Также было приказано не носить жетоны напоказ. Образцы всех жетонов должны были высылаться в Главное интендантское управление¹²⁵, хотя это правило соблюдалось частями не всегда. Это привело к появлению циркуляра Главного штаба № 59 от 13 февраля 1907 г., в котором, в частности, говорилось: «его превосходительство (военный министр – И. Х.) 17-го января сего года приказал

подтвердить о неуклонном исполнении вышеуказанного порядка в отношении доставления в Главное интендантское управление как рисунков юбилейных знаков, жетонов, так и правил их ношения»¹²⁶.

Солдатские жетоны были учреждены лишь в нескольких частях.

Начиная с 1907 г. юбилейные жетоны вытесняются нагрудными знаками. Первым нагрудным знаком, официально присвоенным целой воинской части стал вензель императора Александра I, пожалованный в 1827 г. 1-м гренадерским ротам л.-гв. Преображенского и л.-гв. Семёновского полков. Следующий подобный знак был учреждён через 51 год – в 1878 г. Это был «Знак в память службы в Почётном конвое Гвардейского отряда в войну 1877-1878 гг.»¹²⁷.

В начале XX в. Главный штаб захлестнула волна ходатайств об учреждении нагрудных юбилейных знаков. В 1903 г. в Главный штаб поступило ходатайство л.-гв. Конно-гренадерского полка об объявлении в приказе по военному ведомству об учреждении знака полка с публикацией его рисунка, описания и правил ношения. Оно было отклонено, так как объявление в приказе об учреждении этого знака могло спровоцировать другие полки на возбуждение ходатайств об учреждении аналогичных знаков. Последнее же было, по мнению Главного штаба, нежелательно.

Вот что говорилось в справке Главного штаба, подготовленной в феврале 1907 г., относительно юбилейных знаков: «Испрашиваемые войсками юбилейные нагрудные знаки напоминают иногда своим внешним видом орденские знаки, в большинстве же случаев имеют большое сходство с нагрудными знаками высших учебных заведений или с нагрудными знаками с вензелевыми изображениями в Бозе почивающих императоров, кои жалуются обыкновенно лицам, состоящим в высочайшей свите или находившимся на службе в шефских частях. Ввиду этого казалось бы широкое распространение юбилейных нагрудных знаков едва ли следует признать мерою удобной и

желательной с точки зрения простоты и скромности воинского обмундирования»¹²⁸.

24 апреля 1904 г. император Николай II повелел об уже учреждённых знаках в приказах не объявлять и новые аналогичные ходатайства отклонять. Иными словами, учреждение новых нагрудных юбилейных знаков было запрещено.

Но уже 17 апреля 1907 г. последовало новое высочайшее соизволение, разрешавшее установление новых знаков¹²⁹. В том же году был учреждён первый нагрудный юбилейный знак в армейской пехоте – знак 126-го пехотного Рыльского полка¹³⁰.

Первоначально право ношения знаков предоставлялось только офицерам и чиновникам полка, состоявшим в его списках на момент празднования юбилеев. Исключение было сделано только для тех полков, юбилеи которых исполнились ранее 1907 г. В этих частях право ношения знаков распространялось и на офицеров и чиновников, числившихся в списках полка на момент учреждения знака¹³¹. Были случаи, когда знак учреждался через несколько лет после юбилея. Например, знак 86-го пехотного Вильманstrandского пехотного полка был учреждён 28 марта 1910 г., в то время как столетний юбилей полка отмечался в 1906 г.

Запрет на выдачу знаков офицерам и чиновникам, поступившим в полк после юбилея был мотивирован следующим образом: «Между тем нагрудные знаки (как и жетоны и медали) приурочиваются ко времени, оканчивающемуся со днём юбилея, почему и жалуются только служившим в данной части по означенный день — так как своей службой именно за это время они лично участвовали в более или менее доблестной эпохе, теперь исполнившейся, служения своей части на пользу Царя и Отечества. Все же поступившие после дня исполнившегося юбилея части права на нагрудные знаки не имеют, так как к истекшей юбилейной службе данной части они, не находясь в ней, не имели и не могли иметь никакого отношения. Вся их служба и деятельность принадлежат не прошлому, а текущему после юбилея столетию существования части, которая в

свое время, в день исполнения нового юбилея, также будет удостоена высочайшей милости, может быть за ещё более доблестную службу»¹³².

Уже 4 декабря 1907 г. полкам было разрешено ходатайствовать о распространении права на ношение знаков и на нижних чинах. Нагрудные знаки для солдат были того же рисунка, как и для офицеров, но изготавливались из другого металла (офицерские знаки, как правило, выполнялись из серебра) и не имели эмалевого покрытия. Одним из первых полков, знак которого было разрешено носить не только офицерам и чиновникам, но и нижним чинам – юнкерам и подпрапорщикам, был 49-й пехотный Брестский полк¹³³.

Циркуляр Главного штаба 1912 г. № 16 подтвердил учреждение знаков для нижних чинах в тех полках, где они первоначально были установлены только для офицеров и чиновников¹³⁴.

Ещё до этого, в конце 1910 г. существенно изменился статус нагрудных юбилейных знаков. 21 декабря император повелел: «В целях установления постоянного воспоминания в частях войск о вековой их службе присвоить существующим уже нагрудным юбилейным знакам наименование полковых нагрудных знаков и предоставить право их ношения всем офицерским, классным и нижним чинам, поступившим на службу в части войск после празднования ими юбилеев и имеющим поступать впредь. В соответствии с сим ныне установлено, что право ношения имеющих быть впредь учреждёнными полковых нагрудных знаков должно быть предоставляемо всем офицерским и классным чинам, служившим в частях войск до празднования юбилея, и всем офицерским, классным и нижним чинам, числившимся в списках части войск в день юбилея и поступающим на службу после такового»¹³⁵.

Таким образом, нагрудные знаки из знаков, служивших напоминанием о юбилее части, превратились в принадлежность полковой униформы, стали отличительным признаком полка.

Правда, ещё до этого в некоторых полках предусматривалась возможность выдачи знаков офицерам, служившим в полку ранее. Так, в 86-м пехотном

Вильманstrandском полку знак выдавался всем офицерам, врачам и чиновникам, находившимся в списках на день учреждения знака, а ранее служившим мог выдаваться по решению общего собрания офицеров полка¹³⁶.

Проект знака вырабатывался в самой части, автором, как правило, был офицер полка. Затем общим собранием офицеров части разрабатывались правила выдачи и ношения знака. Образец знака и его описание высылались в Главный штаб, а затем, в соответствии с циркуляром № 159 от 13 февраля 1907 г. – в Главное интендантское управление Военного министерства¹³⁷.

На право ношения знака обычно выдавалось удостоверение, подписанное командиром части.

Существовало два основных типа фона, на котором строился знак: венок из дубовых и лавровых листьев и крест. Кресты могли быть разные: Андреевский, Георгиевский, Измайльский, Базарджикский, Очаковский, Мальтийский, Кавказский, Ополченческий, Кульмский и т. д. (то есть повторяющие форму наиболее распространённых боевых наград русской армии). Полки, сформированные в XVIII в., помещали на знаках полковые гербы XVIII в.; те полки, которые их не имели – гербы губерний или городов, имя которых они носили. Почти на всех гренадерских знаках фигурировала граната. Часто на знаках помещалось изображение двуглавого орла образца времён основания полка. Иногда – знаки отличия, заслуженные полком (трубы, знаки отличия на головные уборы и др.). Почти на всех знаках помещались годы основания части, её юбилея и вензеля императоров¹³⁸.

Иногда при оформлении знака использовались какие-либо сюжеты из истории полка. На знаке 77-го пехотного Тенгинского полка был изображён подвиг рядового Архипа Осипова (во время Кавказской войны, 22 марта 1840 г. он погиб, взорвав пороховой погреб в Михайловском укреплении и 8 ноября того же года был навечно занесён в списки полка). 182-й пехотный Гроховский полк поместил на своём знаке изображение памятника, установленного на месте Гроховского сражения в 1831 г.

Носились нагрудные знаки офицерами и чиновниками на мундире, вицмундире, сюртуке, кителе и мундирном фраке на левой стороне груди, на высоте равной половине длины от воротника до талии, левее орденских звезд и вензелевых изображений. Нижние чины носили их на мундирах, фланелевых и форменных рубашках. В 1913 г. нижним чинам было разрешено носить полковые знаки на шинелях¹³⁹.

В итоге, за относительно непродолжительный период были учреждены знаки в следующих полках: 1-й – 16-й гренадерские, 1-й – 56-й, 61-й – 72-й, 77-й – 81-й, 85-й, 86-й, 89-й – 127-й, 129-й – 132-й, 135-й, 137-й – 148-й, 165-й, 169-й, 171-й – 174-й, 179-й, 180-й, 182-й – 200-й, 203-й, 204-й, 206-й пехотные.

В 1912 г. приказом по войскам гвардии и Петербургского военного округа № 84 полкам предписывалось выслать в штаб сведения о юбилейных знаках для составления альбома этих знаков. Кроме того, планировалось выпустить открытки с изображениями знаков и краткими хрониками полков. С этой целью приказом № 191 в том же году частям войск округа было предписано выслать свои краткие хроники¹⁴⁰.

Таким образом, празднование полковых юбилеев положило начало ещё одной традиции – учреждению юбилейных нагрудных знаков, которые вскоре получили статус полковых знаков и стали одним из символов полка.

Нужно сказать, что помимо жетонов и знаков по случаю полкового юбилея учреждались также и памятные медали.

3.3. Юбилей событий отечественной военной истории в войсковых частях.

Ещё одним поводом для организации в полках торжеств были юбилеи крупных сражений русской истории. На рубеж XIX-XX вв. пришлось несколько таких юбилеев. Некоторые из них отмечались очень широко, в масштабах всей страны, многие – менее торжественно, только в войсках.

11 декабря 1890 г. полками, участвовавшими в штурме Измаила в 1790 г., отмечался столетний юбилей этого события. Торжества, например, проходили в

28-м пехотном Полоцком, 81-м пехотном Апшеронском и 97-м пехотном Лифляндском полках. Сценарий юбилейных мероприятий мало отличался от сценария полковых праздников. Главной особенностью было проведение в полках лекций, посвящённых этому событию. Так, в Лифляндском полку его командир полковник Зоммер сделал краткое сообщение «с целью освежения в памяти присутствующих этого беспримерного в военной истории штурма»¹⁴¹.

Иногда делались попытки учреждения юбилейных знаков в память о юбилее того или иного события. 1 октября 1907 г. 15-м Шлиссельбургским, 21-м Муромским, 23-м Козловским, 36-м Орловским пехотными и 19-м драгунским Кинбурнским полками отмечалось 120-летие Кинбурнской победы. В связи с этим вышеперечисленные полки ходатайствовали об учреждении особого нагрудного знака в память об этом событии, но ходатайство было отклонено¹⁴².

Отмечались в полках и юбилеи сравнительно недавних побед. Например, 25 августа 1909 г. 13-м лейб-гренадерским Эриванским полком отмечался пятидесятилетний юбилей взятия Гуниба во время Кавказской войны¹⁴³.

В том же 1909 г., 27 июня, исполнялось 200 лет со дня Полтавской битвы. Торжества проводились как под Полтавой (в них участвовали, помимо прочих, 9-й пехотный Ингерманландский полк и делегации от других пехотных полков — прямых «потомков» частей, участвовавших в битве), так и в самих полках. В честь этого события 17 июня 1909 г. была учреждена юбилейная медаль. Право на её ношение получили чины «частей войск, участвовавших в Полтавском бою и сохранивших до дня празднования 200-летия сего исторического события свои первоначальные, с 1709 года, наименования». В армейской пехоте это были: 2-й Ростовский, 5-й Киевский и 9-й Сибирский гренадерские и 3-й Нарвский, 9-й Ингерманландский, 11-й Псковский, 15-й Шлиссельбургский, 22-й Нижегородский, 38-й Тобольский, 64-й Казанский и 65-й Московский пехотные полки¹⁴⁴. Кроме того, медаль могли получить лица, служившие ранее в вышеперечисленных полках, но с условием приобретения её за свой счёт. Медаль получили все чины и официальные представители, присутствовавшие на

юбилейных торжествах в Полтаве, а также члены комиссии по подготовке этих торжеств и прямые потомки мужского пола генералов и командиров частей, участвовавших в Полтавском сражении. Годом раньше, в 1908 г. отмечалось двухсотлетие ещё одной победы в Северной войне - сражения при Лесной.

Но самыми масштабными были торжества, посвящённые столетию Отечественной войны 1812 г. Центральным событием этих торжеств были празднества на Бородинском поле 26 августа 1912 г.

Помимо парада, в котором участвовали делегации от 1-го - 6-го, 8-го - 12-го и 16-го гренадерских и 2-го - 7-го, 10-го, 11-го, 13-го, 16-го, 21-го, 22-го, 24-го, 25-го, 28-го - 34-го, 36-го - 41-го, 48-го, 49-го, 52-го - 54-го, 56-го, 65-го, 66-го, 68-го, 69-го, 84-го, 91-го, 103-го и 104-го пехотных полков¹⁴⁵, торжества ознаменовались установкой на поле битвы памятников частям, участвовавшим в сражении.

Предложение о возведении на Бородинском поле, на отчуждённых у владельцев землях, памятников было выдвинуто ещё в 1908 г. московским губернатором В. Ф. Джунковским. В конце 1910 г. штаб Московского военного округа предложил воинским частям, участвовавшим в сражении, установить на свои средства памятники в тех местах, где их «предки» сражались в 1812 г. 17 ноября 1911 г. по распоряжению Главного управления Генерального штаба при штабе Московского военного округа была образована Юбилейная комиссия по организации празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Председателем её был назначен командир Гренадерского корпуса генерал-лейтенант Э. В. Экк¹⁴⁶. В обязанности комиссии, в частности, входило рассмотрение поступающих заявлений войсковых частей об установке памятников, согласование их и избрание места для их установки, руководство в дальнейшем частями войск при постройке воздвигаемых памятников, помощь им при контактах с владельцами необходимых для возведения памятников участков земли и при выработке заключаемых условий. Войсковые части должны были обращаться по вопросам постановки памятников в эту комиссию.

Туда же должны были являться прибывшие для выбора мест и для распоряжений по постановке памятников депутации войсковых частей¹⁴⁷.

Всего в 1912 г. полками армейской пехоты на Бородинском поле было установлено 13 памятников:

3-й пехотной дивизии (установлен 7-м, 91-м, 103-м и 141-м пехотными полками и 5-й батареей 41-й артиллерийской бригады);

4-й пехотной дивизии (32-й, 38-й, 54-й, 101-й, 125-й и 138-й пехотные полки);

7-й пехотной дивизии (2-й, 6-й, 11-й и 65-й пехотные полки);

12-й пехотной дивизии (3-й, 10-й, 25-й, 31-й, 104-й пехотные и 16-й гренадерский полки);

17-й пехотной дивизии (13-й, 69-й, 70-й, 86-й и 129-й пехотные и 12-й Финляндский стрелковый полки);

23-й пехотной дивизии (37-й, 113-й и 137-й пехотные полки);

24-й пехотной дивизии (39-й, 66-й, 84-й и 145-й пехотные полки);

27-й пехотной дивизии (24-й, 48-й, 52-й, 56-й, 130-й, 132-й и 148-й пехотные полки);

1-й гренадерской дивизии (л.-гв. Гренадерский, л.-гв. Санкт-Петербургский, 1-й, 2-й и 6-й гренадерские полки);

2-й гренадерской и Сводно-гренадерской дивизиям (5-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й и 12-й гренадерские полки);

1-му и 19-му егерским полкам (4-й гренадерский и 109-й пехотный полки);

Муромскому пехотному полку (21-й пехотный полк);

Волынскому пехотному полку (53-й пехотный полк).

Авторами проектов были как профессиональные архитекторы, так и офицеры некоторых полков. Например, автором проекта памятника 1-му и 19-му егерским полкам был гражданский инженер Альберти, 1-й гренадерской дивизии — воспитанник старшего класса Императорского московского

технического Строганова училища Матвеев, а 7-й пехотной дивизии – штабс-капитан 11-го пехотного Псковского полка А. В. Дроздовский¹⁴⁸.

Большая часть памятников была изготовлена фирмой «Иванов и Синицын» из гранита, песчаника и белого камня и украшена бронзовыми деталями.

Устанавливались памятники не одновременно. Так, памятник 24-й пехотной дивизии был открыт и освящён 25 июля 1912 г. в присутствии командиров 39-го пехотного Томского и 145-го пехотного Новочеркасского полков¹⁴⁹, а памятник 2-й гренадерской дивизии торжественно освящён 24 августа, после репетиции общего парада. Депутации от 5-го Киевского, 8-го Московского, 9-го Сибирского, 10-го Малороссийского, 11-го Фанагорийского и 12-го Астраханского гренадерских полков прошли мимо памятника церемониальным маршем¹⁵⁰.

Не обошлось без курьёзов и ошибок. Например, на памятнике 24-й пехотной дивизии в течение некоторого времени была указана ошибочная дата Бородинского сражения – 26 марта¹⁵¹.

При установке памятников полки сталкивались с трудностями различного характера. В первую очередь это были материальные затруднения. В связи с этим некоторые полки предлагали иные способы увековечения памяти своих предков. Так, семь войсковых частей предложили соорудить часовни, три – создать музей, четыре – установить иконы в уже существующих храмах. 103-й пехотный Петрозаводский полк предложил потратить собираемые средства на восстановление Бородинского поля, 6-й пехотный Либавский полк и Гренадерский сапёрный батальон – воздвигнуть большой металлический крест-памятник. Двадцать семь формирований выдвинули предложение установить мемориальные доски с указанием фамилий погибших офицеров и нижних чинов. 66-й пехотный Бутырский полк предложил прикрепить памятную доску с надписями в храме-памятнике на Бородинском поле, 48-й пехотный Одесский и 12-й гренадерский Астраханский полки – на стенах Спасо-Бородинского монастыря¹⁵².

Часть этих предложений была реализована. Например, на фасаде здания Бородинского музея были установлены мемориальные доски в честь 49-го и 50-го егерских полков. Оригинальное решение нашёл 104-й пехотный Устюжский генерала князя Багратиона полк. Командир полка писал в рапорте в юбилейную комиссию: «6-й егерский полк, что ныне 104-й пехотный Устюжский генерала князя Багратиона полк, по данным полковой истории, принимал видное участие в кампании 1812 года. Наиболее крупные дела – Салтановка 11 июля, Смоленск – 4 и 5 августа и Бородино – 26 августа... 2-я гренадерская рота 6-го егерского полка, обороняя вместе с другими частями своей дивизии графа Воронцова Багратионовы флеши, легла целиком вся на своём посту. На одной из этих же флешей смертельно ранен наш полковой шеф генерал князь Багратион». Не имея средств на установку памятника «полк пожелал отметить своё посильное участие во всенародном праздновании 100-летия Отечественной войны постановкою новой, приличествующей заслугам героя, решётки на могиле шефа генерала князя Багратиона (прах П. И. Багратиона был перенесён на Бородинское поле в 1839 г. – *И. Х.*), находящейся, как известно, на Бородинском поле у главного памятника»¹⁵³.

Решётка была разработана в деталях придворным архитектором академиком Бенуа и выкована на заводе Гостынского в Варшаве. Изготовлена она была из кованого железа, все украшения – из литой бронзы. На переднем фасе решётки находился диск, окружённый лавровым венком с родовым гербом Багратиона и надписью: вверху – «Своему Шефу», внизу – «104-й пехотный Устюжский генерала князя Багратиона полк». На остальных трёх фасах – бронзовые продолговатые щиты с Георгиевскими крестами на полях щитов. Все щиты увенчаны княжескими коронами и на щитах следующие надписи: на правом боковом – «Смоленск-Бородино 1812 года», на среднем заднем – «Шенграбен 1805 г. Сен-Готард 1799 года», на левом боковом – «Треббия-Нови 1799 года». На внутренней стороне ограды в головах был прикреплён железный лавровый венок, украшенный в день празднования юбилея Бородинского боя

Георгиевскими лентами. Вся ограда была поставлена на цоколь из красного гранита. Отдельные прутья ограды заканчивались наверху в виде бомб «в знак того, что князь Багратион был смертельно ранен 26 августа 1812 г. осколком чиненки».

Старая ограда была помещена в полковой церкви и использовалась в качестве ограды для гробницы с плащаницей. Там же была установлена мраморная доска, посвящённая памяти полкового шефа, а под ней в особой раме за стеклом – копия рапорта начальника штаба 2-й Западной армии графа Э. Ф. Сен-При о смерти её главнокомандующего. К ограде были прикреплены таблички, на одной из которых было описано происхождение ограды, на другой – надпись на ограде могилы П. И. Багратиона в приходской церкви с. Симы, где он был первоначально похоронен¹⁵⁴.

Из-за причин материального характера часть памятников, возведение которых планировалось, не была установлена. Например, не были сооружены памятники 11-й и 26-й пехотным дивизиям, хотя эти памятники упомянуты в списке юбилейной комиссии¹⁵⁵.

Многие полки, напротив, выразили желание установить самостоятельные памятники (в отличие от памятников дивизиям, в сооружении которых принимали участие сразу несколько полков). Например, 4-й гренадерский Несвижский полк желал «поставить памятник у моста через р. Колочь, близ с. Бородина, где полк (бывший 1-й егерский) отбросил на левый берег реки 106-й пехотный французский полк, выручая гвардейских егерей»¹⁵⁶. Однако, вместо него был установлен общий памятник двум егерским полкам – 1-му и 19-му (Несвижским полком совместно со 109-м пехотным Волжским).

Желание иметь самостоятельные памятники выразили шестьдесят семь частей русской армии (в том числе десять артиллерийских)¹⁵⁷, однако, далеко не все из них получили на это разрешение.

Кроме того, у полков возникали трудности организационного характера. Дело в том, что полки, входившие в 1812 г. в одну дивизию, спустя сто лет

оказались в составе разных дивизий и, соответственно, зачастую были расквартированы в удалённых друг от друга местностях. Это затрудняло совместную работу над памятниками. К тому же, разные полки имели различные материальные возможности.

Такие трудности возникли, к примеру, у полков, «предки» которых входили в 1812 г. в состав 17-й пехотной дивизии. Командир 13-го пехотного Белозёрского полка заявил о затруднительности войти в соглашение с остальными полками и ходатайствовал о разрешении на установку отдельного полкового памятника. Полку было предложено вместе с 86-м пехотным Вильманстрандским полком, выразившим пожелание поставить памятник, присоединиться к полкам 1-й гренадерской дивизии для сооружения общего памятника близ Утицкого кургана¹⁵⁸. Однако впоследствии, по всей вероятности, полки 17-й пехотной дивизии всё-таки нашли общий язык, и дивизионный памятник был установлен.

Помимо годовщины Бородинской битвы в 1912 г. отмечались и юбилеи других крупных сражений Отечественной войны – под Смоленском, Малоярославцем, Вязьмой и др. Для организации торжеств в этих городах были также образованы комиссии – под руководством командира 13-го армейского корпуса генерала от инфантерии Эверта (комиссия отвечала за торжества в Смоленске, Вязьме и Красном) и командира 5-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Литвинова (в Малоярославце и Тарутине)¹⁵⁹.

В Смоленске, на Королевском бастионе, был установлен памятник Софийскому полку. 2-й пехотный Софийский полк с 1892 г. был расквартирован в Смоленске, и его чины таким образом решили увековечить память своих предков, отличившихся в сражении за этот город. Тогда же на стенах смоленского кремля в память о полках, оборонявших Смоленск, их преемниками были установлены девятнадцать бронзовых досок¹⁶⁰.

6 и 7 октября 1912 г. в Полоцке прошли торжества, посвящённые столетней годовщине сражения под этим городом, на которых присутствовали

депутации от 7-го гренадерского, 8-го, 72-го, 78-го, 99-го и 100-го пехотных полков, 4-й и 5-й батарей 26-й артиллерийской бригады, 4-го понтонного батальона и петербургского дворянства (последнее формировало ополчение, активно участвовавшее в сражении). К памятнику, установленному на Кадетском плацу, депутациями были прикреплены бронзовые таблички в память о карабинерном фельдмаршала графа Барклая-де-Толли полку, 3-м, 23-м и 24-м егерских, Эстляндском, Тульском, Тенгинском пехотных, Ямбургском уланском полках, батареей № 5 роте, понтонно-артиллерийской № 2 роте и 15-ти дружинах Санкт-Петербургского ополчения¹⁶¹.

Крупные торжества проходили в Малоярославце. В них участвовали депутации от двадцати шести полков, участвовавших в сражении. Каждая депутация состояла из взвода нижних чинов при трёх обер-офицерах и одном штаб-офицере. Кроме них на празднике присутствовали командиры нескольких полков и старшие начальники. Одним из центральных событий юбилейных торжеств стало открытие памятников на трёх братских могилах русских солдат¹⁶². Сооружены они были по инициативе офицеров 5-го армейского корпуса, автор проектов – командир 23-го сапёрного батальона полковник А. В. Верховский. Работы по возведению монументов проводились солдатами сапёрного батальона, а также добровольцами из состава 7-й и 10-й пехотных дивизий¹⁶³.

Юбилейный праздник в Вязьме ознаменовался освящением 22 октября 1912 г. установленного на Базарной площади памятника Перновскому пехотному полку, вошедшему первым в город 22 октября 1812 г. Памятник был сооружён на средства офицеров 3-го гренадерского Перновского полка. В торжествах принял участие батальон полка под командой полкового командира полковника Невражина, ротами командовали командиры батальонов. Проект памятника был разработан художником Н. С. Матвеевым. На празднике присутствовали также представители от л.-гв. Кексгольмского, 4-го гренадерского Несвижского и 115-го пехотного Вяземского полков¹⁶⁴. В

1920-е гг. памятник был уничтожен, но восстановлен в 1962 г. у здания Богородицкой церкви¹⁶⁵.

Кроме того, главная улица города постановлением гордского общественно-го управления была переименована из Московской в улицу Перновского полка, а Смоленский мост – в мост майора Трешатного, офицера полка, награждённого за бой орденом св. Георгия 4-й ст¹⁶⁶.

Помимо участия в общероссийских и городских торжествах полки устраивали юбилейные праздники в своём расположении. Даты для проведения торжеств выбирались по различным принципам. Это могла быть дата начала войны – 12 июня. В этот день был устроен праздник войсками в Казанском лагере¹⁶⁷. 109-й пехотный Волжский полк отмечал 15 июля боевое крещение в деле при р. Лучесе под Витебском своего предка – 19-го егерского полка. Праздник проходил по обычному сценарию, из особенностей можно выделить лишь верховую езду и джигитовку ординарческой команды полка¹⁶⁸. 7-й гренадерский Самогитский полк, квартировавший в Москве, выбрал для проведения праздника 7 октября – день сражения под Полоцком¹⁶⁹.

Мероприятия, посвящённые юбилею войны, продолжились даже в 1913 г. В частности, 15 мая этого года на берегу р. Березины, неподалёку от г. Борисова тремя пехотными полками (93-м Иркутским, 108-м Саратовским и 112-м Уральским) был установлен памятник 7-му, 10-му и 12-му егерским полкам¹⁷⁰.

Следует также упомянуть ещё об одной традиции, существовавшей в русской армии на протяжении рассматриваемого периода и получившей наибольшее применение в ходе празднования столетия Отечественной войны. В конце XIX – начале XX в. многим полкам присваивали так называемое «вечное шефство» военачальников и героев прежних времён (А. В. Суворова, М. И. Кутузова, М. Б. Барклай-де-Толли и др.). 26 августа 1912 г., во время торжеств по случаю юбилея Бородинского сражения «вечное шефство» было присвоено сразу шести пехотным полкам: 4-й пехотный Копорский полк

получил дополнение в названии – «генерала графа Коновницына», 7-й пехотный Ревельский – «генерала Тучкова 4-го», 24-й пехотный Симбирский – «генерала Неверовского», 25-й пехотный Смоленский – «генерала Раевского», 48-й пехотный Одесский – «императора Александра I», 66-й пехотный Бутырский – «генерала Дохтурова»¹⁷¹.

Таким образом, юбилей Отечественной войны 1812 г. стал наиболее широко отмечаемым историческим событием в русской армии в начале XX в.

Отмечались в войсках и менее масштабные события. В 1890 г., например, 77-й пехотный Тенгинский полк отметил 50-летие подвига рядового Архипа Осипова. Во время Кавказской войны, 22 марта 1840 г., при штурме горцами Михайловского укрепления А. Осипов взорвал пороховой погреб, уничтожив окруживших его врагов и погибнув при этом сам. За этот подвиг рядовой Архип Осипов первым в русской армии был навечно зачислен в списки части – 1-й гренадерской роты Тенгинского пехотного полка. В приказе военного министра № 79 от 8 ноября 1840 г. говорится: «Для увековечения же памяти о достохвальном подвиге рядового Архипа Осипова, который семейства не имел, его императорское величество высочайше повелеть соизволил сохранить навсегда имя его в списках I гренадерской роты Тенгинского полка, считая его первым рядовым, и на всех перекличках, при спросе этого имени, первому за ним рядовому отвечать: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении»¹⁷². 22 марта 1890 г. во Владикавказе состоялся парад 77-го пехотного Тенгинского полка. В честь 50-летия подвига был учреждён жетон. На нём был изображён А. Осипов в последний момент перед взрывом¹⁷³. Этот же сюжет был изображён на учреждённом позднее, 19 августа 1911 г., полковом юбилейном знаке¹⁷⁴. В 12-м гренадерском Астраханском полку отмечался 25-летний юбилей взятия Плевны¹⁷⁵.

Таким образом, к рубежу XIX и XX вв. традиция отмечать различные события военной истории, как общегосударственного, так и полкового масштаба, окончательно оформилась в русской армии. Первые отмечались очень

широко, и полковые торжества в честь них становились как бы частью этих мероприятий. Вторые отмечались только в полках, участвовавших в тех или иных событиях. В обоих случаях сценарий торжеств, как правило, повторял сценарий полкового праздника.

3.4. Вручение наградных регалий войсковым частям.

Кроме собственно полковых праздников и юбилеев существования частей существовал ряд других праздников и торжеств, отмечавшихся на полковом уровне. Это прежде всего вручение регалий.

Как было сказано выше, полкам, отметившим свои столетние и двухсотлетние юбилеи, вручались новые знамёна. Однако, новые знамёна могли вручаться полкам и в других случаях. Например, за боевые отличия полкам жаловались Георгиевские знамёна. Впервые такие награды были вручены 13 июня 1806 г. Киевскому гренадерскому полку¹⁷⁶. От обычных знамён Георгиевские отличались в основном навершием с изображением знака ордена св. Георгия, Георгиевскими лентами и надписью с указанием подвига полка (впервые надписи на знамёнах появились несколько ранее – при Павле I).

Кроме того, известны случаи, когда церемония вручения юбилейных знамён проводилась некоторое время спустя после юбилейной даты. Например, 31 августа 1871 г. 2-му и 3-му батальонам 145-го пехотного Новочеркасского полка по случаю столетия формирования в 1771 г. лёгких полевых команд, послуживших впоследствии основанием этим батальонам, были пожалованы новые юбилейные знамёна. Но прибавка и освящение этих знамён из-за отсутствия грамот на их пожалование состоялись только 9 мая 1874 г.¹⁷⁷.

6 мая 1897 г. высочайшим повелением было приказано выдавать каждой войсковой части знамя при формировании¹⁷⁸. До этого при формировании знамёна получали только полки и те отдельные батальоны, которые в военное время разворачивались в полки. Прочие отдельные батальоны могли получить знамя только за военное отличие или в связи с юбилеем¹⁷⁹.

Помимо знамён полкам за отличия жаловались и другие регалии, например, трубы и сигнальные рожки, знаки на головные уборы. Иностранные шефы также жаловали своим подшефным полкам отличия на знамёна, в основном ленты¹⁸⁰.

В целом процедура пожалования Георгиевского знамени отличалась от подобной процедуры при праздновании полкового юбилея незначительно. Сначала производилась прибавка. Так же, как и при юбилейных торжествах, первый гвоздь вбивал старший из присутствовавших, за ним – в порядке убывания по старшинству. После этого (чаще всего в тот же день) знамя освящалось перед строем полка, зачитывалась грамота на его пожалование, и полк приносил присягу перед новым знаменем. После принятия полком присяги старший из присутствовавших командиров вручал регалию полку. Затем полк проходил церемониальным маршем, после которого для офицеров и гостей устраивался торжественный завтрак или обед.

Церемония вручения знамён могла производиться в дни, связанные с какими-либо событиями в полковой истории. Например, вручение Георгиевских знамён и серебряных труб 1-му, 2-му и 3-му батальонам 69-го пехотного Рязанского полка состоялось 10 июня 1881 г., в очередную годовщину переправы через Дунай во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг.¹⁸¹

Старые знамёна сдавались на склады. Но в начале XX в. полкам было разрешено при соблюдении определённых условий оставлять старые знамёна на хранение у себя. Этим правом воспользовались многие части¹⁸². По той же схеме происходило вручение наградных труб и знаков на головные уборы¹⁸³.

Таким образом, в полках Российской императорской армии в рассматриваемый период праздновалось несколько разновидностей военно-исторических праздников. Главную роль в деле пропаганды полковых исторических традиций играли юбилеи войсковых частей. Зародившись в середине XIX в., эта традиция получила особенно широкое распространение в конце XIX - начале XX в. Именно на этот период пришлись юбилеи многих гренадерских и пехотных

полков. Традиция празднования полковых юбилеев непосредственным образом зависела от системы старшинства войсковых частей, так как дата старшинства определяла и дату юбилея. Система старшинства начала складываться в начале XIX в. и окончательно оформилась к концу этого столетия. Несмотря на ряд приказов по Военному ведомству, развивающих и уточняющих эту систему, она страдала рядом недостатков. Старшинство многих полков было определено ошибочно, что привело в начале XX в. к волне ходатайств войсковых частей о его изменении. Разбором этих ходатайств занимался Разряд полковых и корабельных историй Императорского русского военно-исторического общества.

На распространение традиции праздновать юбилеи повлиял и общий уровень развития отрасли военно-исторической науки, посвящённой изучению истории войсковых частей. Изучение истории полков русской армии помогало более достоверно установить даты основания частей, подготовить к юбилею военно-исторические мероприятия.

С празднованием юбилеев связана ещё одна традиция полков русской армии - учреждение юбилейных жетонов и знаков. Зародившись во второй половине XIX в. стихийно, эта традиция после ряда ограничительных мер всё же была признана высшими органами военного руководства. В итоге в 1910 г. юбилейные знаки получили статус полковых, став одним из внешних отличительных признаков формы одежды полков русской армии.

Другой разновидностью военно-исторических праздников были юбилеи войн и сражений, наиболее важными из которых стали двухсотлетие Полтавской битвы в 1909 г. и столетие Отечественной войны в 1912 г. Помимо участия в юбилейных мероприятиях общероссийского масштаба, полки отмечали эти праздники и в местах своего квартирования. Одним из способов увековечения памяти полковых «предков» было сооружение памятников. Особенно много таких памятников было установлено в связи с юбилеем Отечественной войны 1812 г.

Исторический характер во многих случаях имели и годовые полковые и ротные праздники, связанные зачастую с тем или иным событием из истории части (дата сражения, в котором полк участвовал, фактического формирования полка и т. п.). Следует отметить, однако, что годовые праздники войсковых частей являлись по сути престольными праздниками полковых церквей, поэтому в сценарии их проведения преобладала религиозная составляющая.

Историческую подоснову имели и церемонии вручения полкам наградных регалий - Георгиевских знамён, труб, знаков отличия. Эти награды вручались полкам за боевые заслуги, следовательно, также имели непосредственную связь с историей полка, хотя и не столь отдалённой. По своему сценарию церемонии вручения регалий мало отличались от полковых юбилеев, отличаясь, в основном, меньшим размахом.

Необходимо отметить, что традиция проведения разного рода праздников в войсковых частях имела и своих противников. Основным их аргументом была необходимость борьбы с алкоголизмом в войсках, а также обременительность для офицеров денежных вычетов из жалования на эти цели. Тем не менее, традиция проведения военно-исторических праздников получила в конце XIX - начале XX в. широкое распространение.

Целью проведения таких торжеств было сплочение общества офицеров полка, воспитание у них чувства принадлежности к конкретной части с её историей и традициями, гордости за свой полк и стремления сохранить и приумножить её славу. Большое внимание уделялось развитию чувства товарищества в среде офицеров. Другими словами, целью проведения таких праздников было формирование полкового исторического самосознания. К юбилею части приурочивались такие мероприятия, как издание истории полка, открытие музея, учреждение юбилейных знаков или жетонов.

Примерно те же цели достигались и по отношению к нижним чинам, хотя в данном случае большее внимание уделялось воспитанию общих верноподданических чувств любви к вере, престолу и отечеству. Однако, следует отметить,

что за исключением бесед на исторические темы, все остальные составляющие военно-исторических праздников для нижних чинов носили либо религиозный, либо увеселительный характер.

Полковые и другие праздники, отмечавшиеся в полку, были его отличительной чертой наряду с другими традициями и регалиями. Они выделяли полк из общей армейской среды, придавали ему конкретный неповторимый облик, не похожий на облик других таких же полков русской армии, подчёркивали его историю и заслуги.

Ещё одной основой, на которой базировались эти праздники, было православие. Все торжества носили ярко выраженную религиозную окраску. Это неудивительно, поскольку в рассматриваемый период большая часть военнослужащих Российской императорской армии исповедовала именно православие, поэтому церковь играла значительную роль в её жизни. Сценарий всех праздников, отмечавшихся в рассматриваемый период в войсках, включал в качестве неотъемлемой составляющей православные богослужения.

Подводя итог, можно сказать, что полковые и другие исторические праздники занимали важное место в системе воспитания войск в духе любви к «вере, царю и отечеству» и были ещё одной устоявшейся традицией Российской императорской армии.

¹ Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1855-1918. М., 1998. С. 10.

² Там же.

³ Гильдебрандт Б. Ф. Путеводитель по музею 115-го пехотного Вяземского полка. Рига, 1913. С. 6.

⁴ Разведчик. 1912. № 1146. С. 685-686.

⁵ Приказ по войскам, в Финляндии расположенным 25 октября 1833 г. № 289 // Приказы по войскам, в Финляндии расположенным за 1833 г. СПб., 1834. Б. с.

⁶ Бекер А. В. Очерки 200-летнего прошлого Выборгского полка (1700 – 1900). Новгород, 1900. С. 482.

-
- ⁷ Новгородская жизнь. 1911. № 255.
- ⁸ Описи знамёнам, штандартам, прапорам, прапорцам, значкам, трубам за отличие, грамотам, скобам и прочим войсковым регалиям, хранящимся в Артиллерийском историческом музее, с указанием принадлежности таковых частям войск. СПб., 1903. С. 512-513.
- ⁹ Разведчик. 1912. № 1149. С. 744.
- ¹⁰ Шеленговский И. И. История 69-го пехотного Рязанского полка (1700-1900 гг.). Т. II (1805-1904 гг.). Люблин, 1910. С. 728.
- ¹¹ ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXII. СПб., 1858. С. 789.
- ¹² Русский инвалид. 1904. № 51.
- ¹³ Матвеев В. Русский военный оркестр. М.-Л., 1965. С. 62.
- ¹⁴ Ноздрунов Б. М. Материалы по истории русской военной музыки во второй половине XIX в. М., 1964. С. 60-61.
- ¹⁵ Волошин П. Русские военные оркестры // Военная быль. 1962. № 56. С. 40.
- ¹⁶ Приказание по войскам гвардии и Петербургского военного округа за 1912 г. СПб., б. г. Б. с.
- ¹⁷ Разведчик. 1912. № 1114. С. 154.
- ¹⁸ Устав строевой пехотной службы 1900 г. СПб., 1906. С. 168.
- ¹⁹ Барабанные бои // Военная энциклопедия. Т. IV. СПб., 1911. С. 385.
- ²⁰ ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XLVI. Отделение 1. СПб., 1874. С. 21.
- ²¹ Там же. Отделение 3. СПб., 1874. С. 4-11.
- ²² Подсчёт автора по справочнику: Гренадерские и пехотные полки. Справочная книжка Императорской главной квартиры. СПб., 1909.
- ²³ Русский инвалид. 1909. № 146.
- ²⁴ Разведчик. 1912. № 1126. С. 349-350.
- ²⁵ Шевяков Т. Н. Система коллективных наград русской армии через призму Великой войны 1914-1918 годов // Гербовед. 2003. № 5 (65). С. 111.
- ²⁶ Скобелевский лагерь. Полковые праздники // Русский инвалид. 1912. № 180.

-
- ²⁷ Смирнов Я. Добавление к истории 65 пехотного Московского е. в. полка с 1890 по 1900 год. Холм (Люблинский), 1900. С. 26.
- ²⁸ Шеленговский И. И. Ук. соч. С. 601.
- ²⁹ Шелехов Д. А. История 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III полка. 1796-1896. СПб., 1896. С. 350-351.
- ³⁰ Базедов Г., фон. Путевые впечатления о военной России. СПб., 1911. С. 17.
- ³¹ Цитович Г. А. Храмы армии и флота. Пятигорск, 1913. С. 442
- ³² Журнал ИРВИО. 1913. Кн. 11. С. 494.
- ³³ Христолюбивое воинство. Православная традиция Русской армии (Российский военный сборник. Вып. 12). М., 1997. С. 244.
- ³⁴ Шелехов Д. А. Ук. соч. С. 335-336.
- ³⁵ Бекер А. В. Ук. соч. С. 486
- ³⁶ Бекер А. В. Ук. соч. С. 491-492.
- ³⁷ Там же. С. 496-497.
- ³⁸ Там же. С. 500-501.
- ³⁹ Губернарчук П. Т. Очерки истории 129-го пехотного Бессарабского е. и. выс. в. к. Михаила Александровича полка. 1806-1863-1906. Киев, 1909. С. 203.
- ⁴⁰ Пфейль Р., фон. Прусский офицер на русской службе (Русско-турецкая война 1877 и 1878 гг.) // Русский вестник. 1892. Т. 221. № 8. С. 250-251.
- ⁴¹ Erlebnisse und erinnerungen aus dem russisch-japanischen Kriege von Friedrich von Nottbeck, Reservefänrich der russischen Armeeninfanterie. Berlin-Leipzig, 1907. S. 76-77.
- ⁴² 1-й армейский корпус в войну с Японией 1904-1905 гг. По дневникам, запискам и письмам участников. СПб., 1909. С. 75.
- ⁴³ Шикуц Ф. И. Дневник солдата в русско-японскую войну. СПб., 1909. С. 28-29.
- ⁴⁴ Смирнов Я. Ук. соч. С. 38.
- ⁴⁵ Поездка его императорского высочества великого князя Владимира Александровича в Новгородскую губернию // Русский инвалид. 1904. № 143.

⁴⁶ Волховский листок. 1906. № 851.

⁴⁷ Врангель П. Н. Записки (Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. 1 // Белое дело. Кавказская армия. М., 1995. С. 29.

⁴⁸ Шихлинский А. А. Мои воспоминания. Баку, 1984. С. 171.

⁴⁹ См.: Васильев М. И. Структура и содержание местных праздников в Новгородской деревне (конец XIX – XX вв.) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 11-13 ноября 1997 года. Новгород, 1997. С. 201-205; Русские / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1997. С. 602-605.

⁵⁰ Габаев Г. С. О старшинстве войсковых частей и хрониках гренадерских и пехотных полков. СПб., 1914. С. 2.

⁵¹ Григорович А. Опыт руководства к составлению полковых историй. СПб., 1913. С. 27.

⁵² Там же.

⁵³ Расписание гренадерских и драгунских полков с показанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены. СПб., 1884. С. 22.

⁵⁴ Цит. по: Выборгский, 85-й пехотный полк // Военная энциклопедия. Т. 7. СПб., 1912. С. 99.

⁵⁵ ПСЗРИ. Собрание 3. Т. XX. СПб., 1902. С. 962.

⁵⁶ Габаев Г. С. О старшинстве... С. 66-67.

⁵⁷ Григорович А. Ук. соч. С. 28.

⁵⁸ Габаев Г. С. О старшинстве... С. 66-67.

⁵⁹ Там же. С. 9-10.

⁶⁰ Журнал ИРВИО. 1913. Кн. 1. С. 8.

⁶¹ См.: Гулевич С. А. Четырёх с половиной вековая с 1478 по 1911 год история 8-го пехотного Эстляндского полка, бывшего Новгородского полка пицальников 1478-1550 годов, Новгородского стрелецкого полка 1550-1710 годов, Эстляндского гарнизонного полка 1710-1764 годов, полка графа Кастро де

Лацерна 1797-1801 годов, Ревельского гарнизонного полка 1801-1811 годов, Эстляндского егерского и пехотного полка 1811-1911 годов. СПб., 1911.

⁶² Приказания по войскам гвардии и Петербургского военного округа за 1912 г. СПб., б. г. Б. с.

⁶³ Маркс Н. Обзор предметов военной старины. Отдел I. Музеи войсковых частей. Выпуск I. М., 1912. С. 28.

⁶⁴ Журнал ИРВИО. 1912. Кн. 4. С. 111, 116.

⁶⁵ Знамя // Военная энциклопедия. Т. 10. СПб., 1912. С. 538.

⁶⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 30. Л. 14.

⁶⁷ Там же. Л. 738.

⁶⁸ Илларионов А. Празднование 56-м пехотным Житомирским е. и. выс. в. к. Николая Николаевича полком своего столетнего юбилея. 1811-1911. СПб., 1912. С. 7.

⁶⁹ Празднование Тарутинском полком 100-летнего юбилея // Вестник военного духовенства. 1897. № 20. С. 629.

⁷⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 30. Л. 44-51.

⁷¹ Там же. Л. 147.

⁷² Там же. Л. 458-460.

⁷³ Там же. Л. 738.

⁷⁴ Маркс Н. Ук. соч. С. 32.

⁷⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 30. Л. 472.

⁷⁶ Разведчик. 1903. № 653. С. 398.

⁷⁷ Илларионов А. Ук. соч. С. 7.

⁷⁸ Ефимов Н. С. Краткая памятка 86-го пехотного Вильманстрандского полка (1806-1906 г.). СПб., 1912. С. 45.

⁷⁹ Илларионов А. Ук. соч. С. 7.

⁸⁰ Русский инвалид. 1912. № 150.

⁸¹ Губернарчук П. Т. Ук. соч. С. 367.

-
- ⁸² Илларионов А. Ук. соч. С. 8.
- ⁸³ Празднование 200-летнего юбилея 85-го пехотного Выборгского полка // Русский инвалид. 1900. № 139.
- ⁸⁴ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 27. Новосибирск, 1944. С. 62.
- ⁸⁵ Илларионов А. Ук. соч. С. 56.
- ⁸⁶ Празднование 200-летнего юбилея 85-го пехотного...
- ⁸⁷ Ефимов Н. С. Ук. соч. С. 46.
- ⁸⁸ Торжественная прибавка высочайше пожалованных знамён // Русский инвалид. 1900. № 143.
- ⁸⁹ Толь В. Г. 145-й пехотный Новочеркасский императора Александра III полк. 1796-1863-1913. СПб., 1914. С. 40-46.
- ⁹⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 30. Л. 589.
- ⁹¹ Там же. Л. 623 об.
- ⁹² Илларионов А. Ук. соч. С. 24-27.
- ⁹³ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 30. Л. 623-623 об.
- ⁹⁴ Столетний юбилей вильманстрандцев // Волховский листок. 1906. № 855.
- ⁹⁵ Празднование 200-летнего юбилея 85-го пехотного...
- ⁹⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 30. Л. 624-624 об.
- ⁹⁷ Ноздрунов Б. М. Материалы по истории русской военной музыки во второй половине XIX в. М., 1964. С. 81.
- ⁹⁸ Ефимов Н. С. Ук. соч. С. 46.
- ⁹⁹ Необходимо подчеркнуть, что полки в большинстве случаев не имели никакой непосредственной связи с городами, чьи имена они носили. Многие полки никогда не квартировали в этих населённых пунктах. Однако, в рассматриваемый период города старались поддерживать добрые отношения со своими «подшефными» полками
- ¹⁰⁰ Вязинин И. Н. Старая Русса в истории России. Новгород, 1994. С. 151.

-
- ¹⁰¹ Новое Георгиевское знамя, высочайше пожалованное 121-му пехотному Тамбовскому полку ко дню его юбилея (17-го мая 1897 года), его прибавка и освящение // Вестник военного духовенства. 1897. № 13. С. 394.
- ¹⁰² Празднование 200-летнего юбилея 85-го пехотного...
- ¹⁰³ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 30. Л. 205.
- ¹⁰⁴ Ефимов Н. С. Ук. соч. С. 46.
- ¹⁰⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 30. Л. 582.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 762.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 203-204.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 203 об. – 204.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 566.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 203 об. – 204.
- ¹¹¹ Илларионов А. Ук. соч. С. 50.
- ¹¹² Маркс Н. Ук. соч. С. 46.
- ¹¹³ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 30. Л. 738.
- ¹¹⁴ Вапилин Е. Г. Все беды в России от праздников? // Военно-исторический журнал. 2003. № 2. С. 70.
- ¹¹⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/11. Д. 30. Л. 738.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 772, 773-773 об.
- ¹¹⁷ Журнал ИРВИО. 1913. Кн. 12. С. 581.
- ¹¹⁸ Цит. по: Вапилин Е. Г. Ук. соч. С. 70.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Полковой праздник без водки // Разведчик. 1903. № 672. С. 772.
- ¹²¹ Алкоголизм в войсках // Разведчик. 1913. № 1197. С. 617.
- ¹²² С-ов С. П. Военные праздники // Разведчик. 1912. № 1128. С. 393-394.
- ¹²³ Павловский Н. Как увеличить число пулемётов в войсках // Русский инвалид. 1912. № 159.
- ¹²⁴ Андоленко С. Нагрудные знаки русской армии. М., 2002. С. 5.

¹²⁵ Пособие для составления полковых историй и устройства музеев. Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 154.

¹²⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 23. Оп. 88/2. Д. 5. Л. 6.

¹²⁷ Андоленко С. Нагрудные знаки... С. 6.

¹²⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1. Л. 30-30 об.

¹²⁹ Там же. Д. 6. Л. 117.

¹³⁰ Андоленко С. Нагрудные знаки... С. 6.

¹³¹ Главный штаб выступал против разрешения учреждать знаки тем полкам, юбилеи которых к 1907 г. уже прошли. В докладной записке Главного штаба от 13 декабря 1907 г. эта позиция была аргументирована следующим образом: «Учреждение нагрудных знаков для частей, юбилеи коих уже исполнились, вызвало бы тем большее неудобство, что при бывших новых формированиях и мобилизации офицерский состав в частях сильно переменился, настолько, что весьма возможны случаи, когда в данной части, даже праздновавшей юбилей относительно недавно, не будет ни одного офицера из числа тех, которые состояли в ней по день бывшего юбилея, и таким образом нагрудные знаки носились бы не теми, кто заслужил их личной службой за данный период столетия существования полка». (АВИМАИВиВС. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1. л. 312 об.).

¹³² АВИМАИВиВС. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1. Л. 312 об.

¹³³ Там же. Л. 315.

¹³⁴ Андоленко С. Нагрудные знаки... С. 8.

¹³⁵ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1012. Л. 124.

¹³⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 54. Оп. 1. Д. 6. Л. 174.

¹³⁷ Шевелева Е. Н. Нагрудные знаки русской армии. СПб., 1993. С. 6.

¹³⁸ Андоленко С. Нагрудные знаки... С. 5-8.

¹³⁹ Леонов О., Ульянов И. Ук. соч. С. 132.

¹⁴⁰ Приказание по войскам гвардии и Петербургского военного округа за 1912 год. СПб., 1912. Б. с.

- ¹⁴¹ А. П. Празднование 97-м пехотным Лифляндским полком 100-летнего юбилея взятия Измаила // Русский инвалид. 1890. № 276.
- ¹⁴² АВИМАИВиВС. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1. Л. 214-214 об.
- ¹⁴³ Русский инвалид. 1909. № 195.
- ¹⁴⁴ Разведчик. 1913. № 1177. С. 314.
- ¹⁴⁵ Высочайше утверждённый порядок торжественного празднования 100-летия Бородинского сражения 26-го августа 1912 года в селе Бородине // Русский инвалид. 1912. № 177.
- ¹⁴⁶ Анфилов В. Е., Малышкин С. А. Юбилей Отечественной войны 1812 г. // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 680.
- ¹⁴⁷ Разведчик. 1912. № 1109. С. 66.
- ¹⁴⁸ Ашик В. А. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I. Снимки памятников, медалей и гравюр. СПб., 1913. С. 328, 352, 353.
- ¹⁴⁹ Толь В. Г. Ук. соч. С. 91-93.
- ¹⁵⁰ Русский инвалид. 1912. № 191.
- ¹⁵¹ З. Памятники на Бородинском поле // Разведчик. 1913. № 1200. С. 670.
- ¹⁵² Смирнов А. А. О чём говорят обелиски (К перспективам мемориализации Бородинского поля) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1995. С. 106-107.
- ¹⁵³ Цит. по: Никольский С. В. Памятники Бородинского поля // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны. Сборник статей. М., 1962. С. 279-282.
- ¹⁵⁴ Триковский Н. К 100-летию дня смерти князя П. И. Багратиона // Русский инвалид. 1912. № 226.
- ¹⁵⁵ Журнал ИРВИО. 1912. Кн. 5. С. 140-141.
- ¹⁵⁶ Цит. по: Никольский С. В. Ук. соч. С. 279-282.
- ¹⁵⁷ Смирнов А. А. Ук. соч. С. 106.
- ¹⁵⁸ Журнал ИРВИО. 1912. Кн. 5. С. 140-141.

-
- ¹⁵⁹ Разведчик. 1912. № 1109. С. 66.
- ¹⁶⁰ Смирнов А. А., Митрошенкова Л. В., Селедкина С. Н. Памятники // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 544.
- ¹⁶¹ Полоцк. К юбилею сражения под Полоцком // Русский инвалид. 1912. № 227.
- ¹⁶² Малоярославец. Открытие и освящение памятников на братских могилах // Русский инвалид. 1912. № 237.
- ¹⁶³ Смирнов А. А., Митрошенкова Л. В., Селедкина С. Н. Ук. соч. С. 544.
- ¹⁶⁴ Приказ по войскам Московского военного округа 23 октября 1912 г. № 450 // Русский инвалид. 1912. № 235; Столетний юбилей сражения при Вязьме // Русский инвалид. 1912. № 236.
- ¹⁶⁵ Смирнов А. А., Митрошенкова Л. В., Селедкина С. Н. Ук. Соч. С. 544.
- ¹⁶⁶ Столетний юбилей сражения при Вязьме...
- ¹⁶⁷ Чествование столетней годовщины начала Отечественной войны в Казанском лагере // Русский инвалид. 1912. № 152.
- ¹⁶⁸ Русский инвалид. 1912. № 158.
- ¹⁶⁹ Русский инвалид. 1912. № 222.
- ¹⁷⁰ Журнал ИРВИО. 1913. Кн. 5-6. С. 262.
- ¹⁷¹ Леонов О., Ульянов И. Ук. соч. С. 110.
- ¹⁷² Цит. по: Штутман С. Зачислить навечно // Родина. 1994. № 3-4. С. 80. Традиция занесения навечно в списки части была продолжена позднее, причём практически все занесения происходили в полках армейской пехоты. Единственное исключение – бомбардир А. Никитин, занесённый в списки своей батареи в 1881 г. за подвиг, оказанный в плену у текинцев. 21 ноября 1905 г. в списки своих полков были зачислены солдаты и офицеры, спасшие знамёна в Аустерлицком сражении: портупей-прапорщик М. Шеремецкий (3-й пех. Нарвский полк), прапорщик Грибовский (45-й пех. Азовский полк), портупей-прапорщик Н. Кокурин (66-й пех. Бутырский полк), портупей-прапорщик С. Кублицкий (131-й пех. Тираспольский полк). За аналогичный подвиг 25 февраля

1906 г. был занесён в списки унтер-офицер Старичков (45-й пех. Азовский полк), а 25 апреля того же года – рядовой Петров (26-й пех. Могилёвский полк, за спасение знамени во время русско-шведской войны 1808-1809 гг.). Следующая волна зачислений явилась следствием русско-японской войны 1904-1905 гг. За спасение знамён были занесены в списки 162-го пех. Ахалцыхского полка: унтер-офицер Гришанов (27 ноября 1906 г.), поручик Хондажевский (22 марта 1907 г.) и капитан Жирнов (8 января 1908 г.); в списки 4-го стрелкового полка: штабс-капитан Ожизневский, старший унтер-офицер А. Ракитников, младшие унтер-офицеры В. Нестеров и С. Смирнов (все 7 ноября 1906 г.); в списки 19-го стрелкового полка: поручик Шоке, младший унтер-офицер А. Лобачёв (оба – 7 ноября 1906 г.). Кроме того, 7 ноября 1906 г. в списки 196-го пехотного Инсарского полка за геройское поведение в плену был занесён рядовой В. Рябов. Позднее он был занесён в списки 68-го лейб-пехотного Бородинского полка, в рядах которого проходил действительную службу (Дополнение к XXVI тому 3-го Полного собрания законов Российской империи. С. 40 // ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXVIII. Отделение первое. СПб., 1911). Последнее занесение состоялось в 1912 г. В списки 1-й роты 15-го пех. Шлиссельбургского полка был занесён рядовой С. Новиков, спасший в Кинбурнском сражении жизнь А. В. Суворову (См.: Андоленко С. Занесение навечно в списки частей за боевые подвиги // Военная быль. 1964. № 67. С. 39-40; Гренадерские и пехотные полки... С. 21).

¹⁷³ Петерс Д. И. Жетоны Российской императорской армии. М., 1998. С. 116-117.

¹⁷⁴ Андоленко С. Нагрудные знаки... С. 106.

¹⁷⁵ Петров Ф. А., Афанасьев А. К. Военно-исторический музей в Москве и его документальная коллекция (ОПИ ГИМ. Ф. 137) // Письменные источники в собрании ГИМ. Вып. 3: Материалы по военной истории России (Труды ГИМ. Вып. 92). М., 1997. С. 50.

¹⁷⁶ Левин С. С. Георгиевские знамёна // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 183.

¹⁷⁷ Шелехов Д. А. Ук. соч. С. 364-366.

¹⁷⁸ Леонов О., Ульянов И. Ук. соч. С. 122.

¹⁷⁹ Габаев Г. С. Краткий очерк развития образца русских знамён и штандартов в XIX веке. Знамёна и штандарты, пожалованные русскими государями регулярным войскам в течение XIX века. Б. м., б. г. С. 47.

¹⁸⁰ В армейской пехоте следующие полки имели иностранные отличия: 5-й пехотный Калужский (лента на знамя 4-го батальона, пожалованная прусским королём в 1868 г. и присвоенная 19 июля 1888 г. полковому знамени); 6-й пехотный Либавский (лента на знамя, пожалованная прусским королём в 1888 г.); 85-й пехотный Выборгский (лента ордена Чёрного орла, пожалованная германским императором Вильгельмом II 18 декабря 1888 г.). Два полка имели серебряные трубы, пожалованные принцем Оранским ещё в эпоху Наполеоновских войн: 72-й пехотный Тульский (две трубы с надписью «Amsterdam 24 Novembre 1813», пожалованы 5 июня 1814 г.) и 96-й пехотный Омский (две трубы с надписью «За вступление егерского полка 24 ноября 1813 года в г. Амстердам», пожалованы 15 ноября 1815 г. 2-му егерскому полку). (См.: Рубец И. Ф. [Об иностранных знаках отличия в полках Российской императорской армии] // Военная быль, 1961, № 49. С. 45; Гренадерские и пехотные полки... С. 114).

¹⁸¹ Шеленговский И. И. Ук. соч. С. 726-727.

¹⁸² Подробнее об этом написано в главе, посвящённой полковым музеям.

¹⁸³ Более подробные описания таких церемоний см.: Толь В. Г. Ук. соч. С. 86-89 (вручение наградных труб полку в 1910 г.); Празднование по случаю боевой награды // Русский инвалид. 1909. № 178 (торжества в 124-м пехотном Воронежском полку по случаю пожалования знаков на головные уборы).

Заключение

По результатам данного исследования можно сделать следующие выводы.

В последней четверти XIX – начале XX в. процесс изучения истории войсковых частей развивается быстрыми темпами. За всё предыдущее время в этой области было сделано меньше, чем за рассматриваемый период. Именно в это время были созданы все полковые музеи русской армии, написана большая часть полковых историй и памятков. Тогда же широко распространяется традиция отмечать юбилеи войсковых частей и военно-исторических событий.

Активизация процесса изучения истории войсковых частей происходит на фоне общего развития военно-исторической науки в России. В 1907 г. было создано Императорское русское военно-историческое общество, ставившее своей целью изучение военно-исторического прошлого России во всех его проявлениях. Изучению истории войсковых частей общество уделяло далеко не последнее место. В его составе действовал Разряд полковых и корабельных историй, уделявший много внимания разработке методологических принципов изучения истории частей русской армии, уточнению и исправлению их старшинства. В работе разряда принимали участие крупные военные историки – Д. П. Струков, А. И. Григорович, А. З. Мышлаевский, М. К. Соколовский, В. В. Жерве.

Приблизительно в это же время была сделана попытка разработать положение о войсковых музеях, поставив, таким образом, процесс их создания в официальные рамки. В 1912 г. в Москве прошёл предварительный съезд деятелей музеев и архивов, в составе которого работала секция полковых музеев. В следующем году там же, в Москве, прошёл Первый съезд хранителей музеев частей войск Московского военного округа. Однако, последующие события в России не позволили завершить эту работу.

На конец XIX – начало XX в. приходится волна полковых юбилеев. Хотя традиция эта зародилась ещё в первой половине XIX в. и была связана с введением в 1838 г. юбилейных лент на знамёна частям, отмечавшим свои сто- и двухсотлетние юбилеи, широкое распространение она получила именно в указанный период. Сценарий проведения таких торжеств строился вокруг церемонии вручения полку нового знамени, но в остальном повторял сценарий полкового праздника. Последний, в свою очередь, также имел историческую подоснову. Распространение традиции отмечать юбилеи также было следствием возросшего интереса в войсках к своей истории и накопления соответствующих знаний в этой области. С другой стороны, сами юбилеи также были одним из стимулов к изучению прошлого полков русской армии.

Кроме того, на полковом уровне отмечались также юбилеи крупных событий военной истории. Это проявлялось в участии полковых делегаций в торжествах на местах сражений, сооружении памятников полковым «предкам» - участникам этих событий, учреждении юбилейных жетонов и знаков, организации торжеств в войсковых частях, издании исторических работ, посвящённых участию полка в войнах и сражениях.

Другим следствием было развитие и совершенствование системы старшинства войсковых частей. Работа в этом направлении велась на протяжении всего XIX в., но особенно активизировалась в рассматриваемый период. Это, в свою очередь, послужило ещё одним стимулом к распространению традиции торжественно отмечать полковые юбилеи.

Ещё одним проявлением стремления увековечить память полковпредшественников стало сооружение многочисленных памятников. Это, например, памятники на Бородинском поле, сооружённые полками-наследниками этих частей в 1912 г., памятники однополчанам, погибшим во время различных войн (например, русско-турецкой 1877-1878 гг. и русско-японской 1904-1905 гг.).

Практически во всех случаях инициатива в процессе изучения полковой истории исходила снизу — от офицеров конкретных войсковых частей. Первоначально все вопросы, связанные с созданием полковых историй и музеев, разрабатывались и обсуждались на страницах военной печати. Таким образом, происходил обмен опытом в данной сфере между частями войск. Никаких официально утверждённых правил, касающихся данных вопросов, долгое время не существовало, и на первых порах развитие полковой историографии происходило в значительной мере стихийно. Органы высшего военного руководства, прежде всего, Главный штаб, вмешивались в этот процесс лишь тогда, когда какие-либо явления в изучении истории войсковых частей принимали массовый характер и угрожали принять стихийный. Вмешательство это, зачастую, носило ограничительный или даже запретительный характер.

Объяснить это можно следующим образом. С одной стороны, военное руководство не могло не понимать пользы от дальнейшего развития этой сферы военной истории в войсках. Изучение в частях войск своей истории имело огромное военно-воспитательное значение и во многом определяло состояние морального духа войск в мирное и военное время. Особенно большое значение это приобрело после русско-японской войны 1904-1905 гг. и событий 1905-1907 гг. внутри страны. В результате этих событий авторитет армии пошатнулся, в некоторых частях войск распространились революционные настроения. Были необходимы срочные меры по укреплению престижа армии и, в особенности, укрепления её морально-психологического состояния изнутри. Изучение и пропаганда в войсках их славного боевого прошлого и исторических традиций предоставляли в этом отношении большие возможности.

В то же время, военное руководство опасалось, что данный процесс может выйти из-под контроля и принять стихийный характер. Эти опасения имели под собой некоторые основания. Например, выдача из центральных

хранилищ в полковые музеи предметов, представлявших историческую ценность, угрожала сохранности последних. Быстрыми темпами развивался процесс учреждения в начале XX в. нагрудных юбилейных знаков, что могло нарушить единообразие формы одежды войск и перенасытить её лишними элементами.

Результатом этого стало, например, запрещение ходатайствовать войсковым частям об учреждении нагрудных юбилейных знаков (1904 г., отменено в 1907 г.), предписание Главного управления Генерального штаба о запрете на выдачу полковым музеям предметов, имеющих историческую ценность (1912 г.), приказание по войскам гвардии и Петербургского военного округа о запрещении частям войск обращаться в Императорское русское военно-историческое общество за историческими справками (1912 г.).

Немаловажное значение имело, по всей видимости, и отношение к вопросу о сохранении полковых исторических традиций императора Николая II. Неслучайно в его царствование были восстановлены прежние наименования и форма одежды гусарским и уланским полкам, введена новая парадная форма в пехоте, в некоторых деталях схожая с формой эпохи Наполеоновских войн, в нескольких полках введены отличия, не предусмотренные уставами, но также связанные с историей этих частей. Всё это говорит о том, что император придавал большое значение поддержанию исторических традиций войсковых частей русской армии.

Результаты действий всех сил, так или иначе заинтересованных в развитии изучения в войсках истории полков, отражаются в следующих цифрах. К 1914 г. опубликованные труды по истории имели все шестнадцать гренадерских полков и сто шестьдесят три из двухсот восьми пехотных. Музеи были созданы также во всех гренадерских полках и, по меньшей мере, в девяноста восьми пехотных. В период с 1874 г. по 1914 г. отметили сто- и двухсотлетние юбилеи десять гренадерских и сто сорок четыре пехотных полка

(при этом имели более чем столетнюю историю в соответствии со старшинством все гренадерские и сто шестьдесят три пехотных полка)*.

Первая мировая война не могла не повлиять на процесс изучения истории полков. Естественно, почти всё внимание армии было сосредоточено на решении, прежде всего, практических задач военного времени. Однако, несмотря на сложности, связанные с военными условиями, работа по изучению и фиксации истории отдельных войсковых частей не прекращалась. Были приостановлены работы по выработке теоретических основ военно-исторической работы, однако, музеи пополнялись экспонатами с театра военных действий, накапливался богатый исторический материал. Всё это свидетельствует о том, что даже тяготы военного времени не прервали военно-историческую работу в войсках, а лишь несколько замедлили её.

Эта работа была надолго прервана лишь в связи прекращением существования Российской империи и Российской императорской армии. Нужно отметить, что все внешние атрибуты полковых традиций «царской» армии были заимствованы РККА вскоре после окончания Гражданской войны. В 1922 г. были введены ежегодные праздники воинских частей, примерно тогда же возникают первые полковые и дивизионные музеи и создаются истории войсковых частей и соединений РККА.

В советской военно-исторической науке не было места для истории войсковых частей «царской» армии. Подобного рода исследования выходили за рубежом, в русской эмигрантской печати. В России интерес к истории частей Российской императорской армии стал возрождаться вновь лишь в 1990-е гг. Начиная с этого времени вышло несколько работ (в основном статей) в жанре полковой истории. Однако, этот период изучения истории полков русской армии выходит за хронологические рамки данного исследования.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что период с 70-х гг. XIX в. до 1918 г. стал периодом наибольшего развития направления военно-

* Подсчёт автора.

исторической науки, посвящённого истории отдельных войсковых частей. Развитие это происходило под влиянием различных, подчас противоречивых факторов. За относительно непродолжительное время в этой области было сделано очень многое. Был накоплен значительный опыт, собран богатый материал. Опыт полковых историков последней четверти XIX - начала XX в. должен учитываться при исторической работе в вооружённых силах современной России.

Источники и литература

Опубликованные источники:

1. Полное собрание законов Российской империи:
Собрание 2. Т. XXXII. СПб., 1858;
Собрание 2. Т. XLVI. СПб., 1874;
Собрание 3. Т. IV. СПб., 1887;
Собрание 3. Т. XX. СПб., 1902;
Собрание 3. Т. XXIV. СПб., 1907;
Собрание 3. Т. XXVIII. СПб., 1911;
Собрание 3. Т. XXX. СПб., 1913.
2. Бунин. Правило о полковом музее 127 пехотного Путивльского полка. Пенза, 1908.
3. Высочайшая телеграмма 12-му гренадерскому Астраханскому полку // Русский инвалид. 1900. № 234.
4. Высочайшие телеграммы командиру 80-го пехотного Кабардинского полка в день 100-летней годовщины боя на р. Иоре // Русский инвалид. 1900. № 252.
5. Коллективные награды частям русской армии за отличия в войне 1812-1814 гг. / Сост. А. А. Подмазо // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. III. Сборник материалов (Труды ГИМ. Вып. 142). М., 2004. С. 186-198.
6. Положение о музее 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III полка. СПб., 1912.
7. Правила для парадов и церемоний. СПб., 1911.
8. Приказания по войскам гвардии и Петербургского военного округа за 1912 г. Б. м., б. г.
9. Проект положения о войсковых музеях // Журнал ИРВИО. 1914. № 4-5. С. 291-302.
10. Расписание гренадерских и драгунских полков с показанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены. СПб., 1884.

11. Расписание 164 пехотных полков с показанием старшинства и знаков отличий, которые должны быть им присвоены. СПб., 1884.
12. Съезд хранителей полковых музеев частей войск Московского военного округа. СПб., 1913.
13. Труды Российского государственного военно-исторического архива. Вып. I. Медали, нагрудные знаки, жетоны, России конца XIX – начала XX века. Документы. М., 1997.
14. Устав строевой пехотной службы 1900 г. СПб., 1906.

Архивные источники:

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи:
 - Ф. 23. Главное интендантское управление. 1808-1925 гг.
 - Ф. 52. Коллекция документов, поступивших из отдела военной истории Артиллерийского исторического музея. 1730-1948 гг.
 - Ф. 54. Главный штаб. 1906-1917 гг.
2. Государственный исторический архив Новгородской области:
 - Ф. 480. Новгородская духовная консистория. 1702-1918 гг.
3. Отдел письменных источников Государственного исторического музея:
 - Ф. 137. Документальные материалы Военно-исторического музея. XVIII - нач. XX в.
4. Российский государственный военно-исторический архив:
 - Ф. 400. Главный штаб Военного министерства. 1836-1919 гг.
 - Ф. 970. Военно-походная канцелярия е. и. в. при Императорской главной квартире. 1826-1917 гг.
 - Ф. 2700. 86-й пехотный Вильманstrandский полк. 1824-1918 гг.

Мемуары, дневники, письма:

1. Базедов Г., фон. Путевые впечатления о военной России // Военный сборник. 1911. № 10. С. 177-204.
2. Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990.
3. Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005.
4. Милоданович Е. А. Воспоминания командира 108-го пехотного Саратовского полка // Военная быль. 1969. № 97. С. 1-8.
5. 1-й армейский корпус в войну с Японией 1904-1905 гг. По дневникам, запискам и письмам участников. СПб., 1909.
6. Пфейль Р., фон. Прусский офицер на русской службе (Русско-турецкая война 1877 и 1878 гг.) // Русский вестник. 1892. Т. 221. № 8. С. 223-260.
7. 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.
8. Шикунц Ф. И. Дневник солдата в русско-японскую войну. Ч. 1. На полях Манчжурии. СПб., 1909.
9. Шихлинский А. А. Мои воспоминания. Баку, 1984.
10. Erlebnisse und erinnerungen aus dem russisch-japanischen Kriege von Friedrich von Nottbeck, Reservefänrich der russischen Armeeninfanterie. Berlin-Leipzig, 1907.

Литература:

1. А-бов. История полков нашей армии // Русский инвалид. 1873. № 4.
2. Агафонов К. К. Дополнение к историографической инструкции // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 25-27.
3. Агафонов К. К. К сведению составителей полковых историй // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 14-15.

4. Адамович Б. В. О серебряных трубах за взятие Берлина // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 107-108.
5. Адамович Б. В. Полковые музеи // Русский инвалид. 1900. № 255.
6. Адамович Б. В. Хранение старых знамён // Русский инвалид. 1900. № 29. С. 4-5.
7. Андоленко С. А. Занесение навсегда в списки частей за боевые подвиги // Военная быль. № 67. 1964. С. 39-40.
 Дополнения: Сенцов А. // Военная быль. 1964. № 70. С. 47.
 Андоленко С. А. // Военная быль. 1964. № 70. С. 47.
 Терентьев В. // Военная быль. 1965. № 71. С. 46.
 От редакции // Военная быль. 1965. № 72. С. 48.
 Андоленко С. А. // Военная быль. 1965. № 73. С. 45.
 Андоленко С. А. // Военная быль. 1965. № 74. С. 47.
8. Андоленко С. А. Знамёна Азовского полка под Аустерлицем // Военная быль. 1969. № 95. С. 25-28.
9. Андоленко С. А. Нагрудные знаки русской армии. М., 2002.
10. Андоленко С. А. О полковых хрониках // Военная быль. 1963. № 63. С. 31-33.
11. Андоленко С. А. Первые Георгиевские знамёна, штандарты и трубы // Военная быль. 1961. № 48. С. 11-12.
12. Аранович А. В. Русский военный костюм 1907-1917 гг. СПб., 2005.
13. Афанасьев А. Полковые музеи русской армии – хранители воинской славы Отечества // www.magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_45.html.
14. А. Ш. Празднование двухсотлетия Полтавской битвы войсками Бендерского лагерного сбора и частями Бендерского гарнизона // Русский инвалид. 1909. № 159.
15. Ашик В. А. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I. Снимки памятников, медалей и гравюр. СПб., 1913.

- 16.Б. О полковой историографии // Русский инвалид. 1910. № 239.
- 17.Беловинский Л. В. Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88-90.
- 18.Бениксон И. Собирайте, пока не поздно // Разведчик. 1913. № 1168. С. 175.
- 19.Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М., 1962.
20. Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.
- 20.Благодарный. Полковые музеи // Русский инвалид. 1913. № 30.
- 21.Бобровский П. О. Истории полков русской армии // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 1-14.
- 22.Бобровский П. О. Краткие истории войсковых частей // Разведчик. 1894. № 169. С. 7-11.
- 23.Богданов Л. Бородинское поле и его памятники // Музеи Московской области. М., 1961. С. 65-82.
- 24.Боголепов С. И. Полковой и ротные праздники 137-го пехотного Нежинского е. и. выс. в. к. Марии Павловны полка. Для солдатского чтения. Рязань, 1892.
- 25.Бориснев С. В. Русское военно-историческое общество (1907-1917 гг.), его роль в развитии исторической науки. М., 1993.
- 26.Бородинское поле. Путеводитель. М., 1966.
- 27.Бучинский Б. И. Майские парады // Русская мысль. 1963. 2 марта (№ 1963). С. 2-3; 5 марта (№ 1964). С. 4-5.
- 28.В. Марк Иванович Полянский // Волховский листок. 1904. № 254.
- 29.Вапилин Е. Г. Все беды в России от праздников? // Военно-исторический журнал. 2003. № 2. С. 70-73.
- 30.Васильев А. А. Деятельность русских трофейных комиссий в период Первой мировой войны 1914-1918 годов (По материалам Российского государственного военно-исторического архива) // Первая мировая война. Пролог XX века / Под ред. Малькова В. Л. М., 1999. С. 657-665.

31. В. Г. Заметка на статью: «По поводу составления историй полков» // Русский инвалид. 1880. № 267.
32. В. Ж. Полковая летопись // Разведчик. 1897. № 343. С. 423-424.
33. Вилинбахов Г. Носились знамена как тени... // Родина. 2002. № 8. С. 110-113.
34. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Ч. 4. СПб., 1899; Ч. 7. СПб., 1900; Ч. 9. СПб., 1900; Ч. 10. СПб., 1900; Ч. 17. СПб., 1902; Ч. 19. СПб., 1902.
35. Воинов Д., Данилов К. Сооружение в церкви 87-го пехотного Нейшлотского полка при Аракчеевских казармах придела в память чинов полка, убитых и умерших от ран в войну с Японией 1904-1905 гг. // Вестник военного духовенства. 1911. № 24. С. 757-758.
36. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
37. Воронов. О боевых дневниках // Русский инвалид. 1877. № 107.
38. Востоков Е. И. Из истории советских военных музеев // Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. VII. М., 1962. С. 204-239.
39. Вязинин И. Памятник русской доблести // Новгородский комсомолец. 1965. 26 ноября.
40. Габаев Г. С. Документ о русских знамёнах и прочих войсковых регалиях начала XIX в. (1803-1815 гг.). Опыт историко-иконографического описания. СПб., 1911.
41. Габаев Г. С. Краткий очерк развития образца русских знамён и штандартов в XIX веке. Знамёна и штандарты, пожалованные русскими государями регулярным войскам в течение XIX века. Б. м., б. г.
42. Габаев Г. С. О некоторых основных вопросах полковой историографии. М., 1912.
43. Габаев Г. С. О старшинстве войсковых частей и хрониках гренадерских и пехотных полков. СПб., 1914.

44. Габаев Г. С. Отзыв о труде Н. А. Маркса: Обзорение предметов военной старины. Отдел I. Музеи войсковых частей. СПб., 1912.
45. Гейман. Несколько слов о дневниках событий в наших войсковых частях // Русский инвалид. 1877. № 104.
46. Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII – начала XX в. Л., 1988.
47. Горбачевич А. Полковой праздник 132-го пехотного Бендерского полка, в Гуррии – на Кавказе – вдали от постоянного места жительства – от Киева // Вестник военного духовенства. 1906. № 20. С. 621-623.
48. Горбачевич А. По поводу статьи «Военные праздники» // Разведчик. 1912. № 1139. С. 572.
49. Гр. А. Д. В полковом музее // Русский инвалид. 1910. № 276.
50. Григорович А. И. Взаимопомощь // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 127-129.
51. Григорович А. И. К сведению полковых историографов // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 122-127.
52. Григорович А. И. Опыт руководства к составлению полковых историй. СПб., 1913.
53. Григорович А. И. Пишите!.. Не смущайтесь! // Русский инвалид. 1912. № 277.
54. Григорович А. И. Серебряные трубы за взятие Берлина // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 105-107.
55. Григорович А. И. Сожжённые знамёна // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 99-101.
56. Григорович А. И. Список полковых отличий, составленный в 1818 году // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 101-105.
57. Губернарчук П. Т. Очерки истории 129-го пехотного Бессарабского е. и. выс. в. кн. Михаила Александровича полка. 1806-1863-1906. Киев, 1909.

58. Гуськов С. И. По поводу заметки «К сведению составителей полковых историй» // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 15-17.
59. 200-летний юбилей 24-х пехотных полков // Русский инвалид. 1900. № 138.
60. 200-летний юбилей 77-го пехотного Тенгинского полка // Русский инвалид. 1900. № 150.
61. Доманк А. С. Знаки воинской доблести. М., 1990.
62. Дуров В. А. Русские награды XVIII – начала XX в. М., 1997.
63. Ефимов Н. С. Краткая памятка 86-го пехотного Вильманstrandского полка (1806-1906 гг.). СПб., 1912.
64. Железнов В. Ф. Войсковые регалии // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 84-88.
65. Желобовский А. Закладка церкви при 86-м Вильманstrandском полку // Вестник военного духовенства. 1896. № 4. С. 122-124.
66. Жерве В. В. Взаимопомощь в исторических работах // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 129-130.
67. Жерве В. В. Войсковые архивы // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 44-57.
68. Жерве В. В. Материалы для истории войсковых частей // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 29-39.
69. Жерихина Е. И., Яранцев В. Н. Воинские и мемориальные храмы Санкт-Петербурга // Новый часовой. 1999. № 8-9. С. 251-261.
70. Жуковский А. Для полковых музеев // Разведчик. 1913. № 1194. С. 566.
71. Жуковский А. К устройству полковых музеев // Разведчик. 1912. № 1145. С. 677-679.
72. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М., 1973.

- 73.Захарова О. Ю. Власть церемониала и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX века. М., 2003.
- 74.Звегинцов В. В. Знамёна и штандарты русской армии. Ч. 2. 1801-1914. Париж, 1964.
- 75.Звегинцов В. В. Русская армия 1914 г. Подробная дислокация, формирования 1914-1917 гг., регалии и отличия. Париж, 1959.
- 76.Иванов В. Духовное торжество в 123-м пехотном Козловском полку // Вестник военного духовенства. 1897. № 16. С. 496-499.
- 77.Иванов М. В. Материалы Отечественной войны 1812 года в собрании музея Копорского полка // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2004. С. 133-143.
- 78.Ивашко М. И. Военные храмы армии и флота России // Военно-исторический журнал. 2005. № 11. С. 36-43.
- 79.Илларионов А. Празднование 56-м пехотным Житомирским е. и. выс. в. кн. Николая Николаевича полком своего столетнего юбилея. 1811-1911. СПб., 1912.
- 80.Ильина Т. Жетоны русской армии // Антиквариат. 2004. № 6 (18). С. 118-124.
- 81.–ин. «О полковой историографии» // Русский инвалид. 1910. № 262.
- 82.Исакова Е. В. Храмы – памятники русской воинской доблести. М., 1991.
- 83.«Историография» артиллерийских частей // Русский инвалид. 1902. № 32.
- 84.Историческое описание перемен в одежде, вооружении и организации Российских войск. Т. 31. Л., 1946; Т. 32. Л., 1947; Т. 33. Л., 1947; Т. 34. Л., 1948.
- 85.Карнеев Г. С. Воинские и патриотические ритуалы. М., 1989.
- 86.К 200-летию 22-го пехотного Нижегородского полка // Русский инвалид. 1900. № 139.
- 87.К 200-летнему юбилею архангелогородцев // Русский инвалид. 1900. № 159.
- 88.К 200-летнему юбилею 11-го пехотного Псковского полка // Русский инвалид. 1900. № 153.

89. К 200-летию юбилею 139-го пехотного Моршанского полка // Русский инвалид. 1900. № 145.
90. К 200-летию юбилею 64-го пехотного Казанского полка // Русский инвалид. 1900. № 153.
91. К юбилею 5-го гренадерского Киевского полка // Русский инвалид. 1900. № 135.
92. Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. М., 1993; Т. 3. М., 1994.
93. Кибовский А. Австрийский император Франц-Иосиф I. Старейший из иностранных шефов полков российской армии // Цейхгауз. 2002. № 4. С. 22-27.
94. Кишкин Л. Съезд хранителей полковых музеев частей Московского военного округа в Москве // Военный сборник. 1913. № 7. С. 87-102.
95. Клавинг В. В. Военные храмы России. СПб., 2000.
96. Корниш Н. Русская армия 1914-1918 гг. М., 2005.
97. Котков В. М., Коткова Ю. В. Военные храмы столицы Российской империи // Военно-исторический журнал. 2003. № 6. С. 58-62.
98. Лампе А. А., фон. Русские знамёна в плену (справка) // Новый часовой. 2001. № 11-12. С. 200-205.
99. Левыкин А. К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997.
100. Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1855-1918 гг. М., 1998.
101. Любитель музеев. Не увлекайтесь! (по поводу съезда хранителей полковых музеев частей войск Московского военного округа) // Русский инвалид. 1913. № 139.
102. Маркграфский А. Ещё несколько слов по поводу составления истории полков // Русский инвалид. 1880. № 267.
103. Марков О. Д. Русская армия 1914-1917 гг. СПб., 2001.
104. Матвеев В. Русский военный оркестр. М.-Л., 1965.
105. М. И. К. Старичковское знамя // Русский инвалид. 1900. № 127.
106. Минёр В. Воинские ритуалы российской армии XIX – начала XX века // Родина. 1998. № 7. С. 62-63.

107. Митрофанова Л. Старорусский орёл // Новгородские ведомости. 1996. 2 марта.
108. Михайлов А. А. Обаяние мундира. История Псковского кадетского корпуса. Псков, 2004.
109. М-й. По поводу составления историй полков // Русский инвалид. 1880. № 230.
110. Моисеев С. В. М. И. Полянский и музейное дело в Новгородской губернии. Конец XIX – I четверть XX в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1995. С. 122-124.
111. Моисеев С., Тимофеева Н. Поиск продолжается // Старая Русса. 1995. 26 сентября.
112. Морозов О. Празднование 200-летия Лифляндского полка в Двинске в 1900 г. // Рейтар. 2004. № 7 (10). С. 232-238.
113. М. П. Полковая история // Русский инвалид. 1910. № 273.
114. М. П. Рецензии полковых памятков // Журнал ИРВИО. 1912. Кн. 12. С. 267-269.
115. М. С. Кое-что о полковой истории // Русский инвалид. 1912. № 48.
116. Музей Апшеронского полка // Разведчик. 1903. № 655. С. 441.
117. Мышлаевский А. З. Ещё о полковых историографах // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 27-29.
118. Наумов Н. Мирные сцены военного быта // Светоч. 1861. № 1. С. 83-97.
119. Николаев Н. Первая войсковая «памятка» и её автор // Разведчик. 1897. № 361. С. 803-804.
120. Никольский С. В. Памятники Бородинского поля // 1812 год: к 150-летию Отечественной войны. Сборник статей. М., 1962.
121. Н. М. Заметка о дневниках, ведённых в наших войсковых частях // Русский инвалид. 1876. № 262.

122. Новое Георгиевское знамя, высочайше пожалованное 121-му пехотному Тамбовскому полку ко дню столетнего его юбилея (17-го мая 1897 года), его прибавка и освящение // Вестник военного духовенства. 1897. № 13. С. 392-394.
123. Ноздрунов Б. М. Материалы по истории русской военной музыки во второй половине XIX века. М., 1964.
124. Н. П. Добрый почин // Русский инвалид. 1913. № 243.
125. Н. П. Предварительный съезд деятелей музеев и архивов в Москве // Журнал ИРВИО. 1913. Кн. 3. С. 127-131.
126. Одинцов С. И. О старых знамёнах и штандартах // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 97-99.
127. Одинцов С. И. Старые штандарты и знамёна // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 88-96.
128. Озаровский А. Э., фон. Ещё о полковых музеях и архивах // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 65-69.
129. Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.
130. Очерки 200-летнего прошлого Выборгского полка (1700-1900) / Под ред. А. В. фон Бекера. Новгород, 1900.
131. Павлюк К. О составлении полковых историй // Журнал ИРВИО. 1912. Кн. 5. С. 143-149.
132. Панцержинский А. К вопросу о способах собирания исторического материала в музеях при войсковых частях // Русский инвалид. 1910. № 247.
133. Парова Л. М. Создание и деятельность Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 87-91.
134. Петерс Д. И. Жетоны Российской императорской армии. М., 1998.

135. Петерс Д. И., Ильина Т. Н. Жетоны Российской императорской армии. Б. м., 2004.
136. Петров Ф. А., Афанасьев А. К. Военно-исторический музей в Москве и его документальная коллекция (ОПИ ГИМ. Ф. 137) // Письменные источники в собрании ГИМ. Вып. 3: Материалы по военной истории России (Труды ГИМ. Вып.92). М., 1997. С. 7-84.
137. Петропавловский С. Столетний юбилей 123-го пехотного Козловского полка // Вестник военного духовенства. 1897. № 17. С. 531-534.
138. Печень Н. А. Символы воинской славы. М., 2004.
139. Погоский. К вопросу об историях полков нашей армии // Русский инвалид. 1873. № 22.
140. Поднесение букета и жетона от 65-го пехотного Московского полка // Русский инвалид. 1900. № 141.
141. Полковой историк. Древнейший полк русской армии (О старшинстве Эриванского полка) // Русский инвалид. 1912. № 126.
142. Полковой историк. Перегружение материалами полковых историй // Русский инвалид. 1913. № 256.
143. Полковой историк. Полковые памятки // Русский инвалид. 1913. № 95.
144. Полковой историк. Ротные памятки // Русский инвалид. 1913. № 246.
145. Полковой праздник 156-го пехотного Елисаветпольского полка // Русский инвалид. 1900. № 256.
146. Поляков М. Н. Обелиск с орлом // Старорусская правда. 1968. 15 ноября.
147. Полянский М. И. К предстоящему освящению в г. Старой Руссе полковой церкви 86-го пехотного Вильманstrandского полка // Новгородские губернские ведомости. 1896. № 81.
148. По случаю исполнившегося 200-летнего юбилея [65-го пехотного Московского полка] // Русский инвалид. 1900. № 162.
149. Праздник 85-го пехотного Выборгского полка // Новгородская жизнь. 1911. № 211.

150. [Праздник 85-го пехотного Выборгского полка] // Новгородская жизнь. 1911. № 255.
151. Праздник 176-го пехотного Переволоченнского полка // Русский инвалид. 1900. № 269.
152. Празднование 81-м пехотным Апшеронским полком столетия взятия Измаила // Русский инвалид. 1890. № 282.
153. Празднование 28-м пехотным Полоцким полком столетия взятия Измаила // Русский инвалид. 1890. № 278.
154. Празднование 25 июня 17-м пехотным Архангелогородским полком своего двухвекового юбилея // Русский инвалид. 1900. № 145.
155. Празднование 200-летнего юбилея 85-го пехотного Выборгского полка // Русский инвалид. 1900. № 139.
156. Празднование 200-летнего юбилея 97-м пехотным Лифляндским полком // Русский инвалид. 1900. № 297.
157. Празднование 97-м пехотным Лифляндским полком 100-летнего юбилея взятия Измаила // Русский инвалид. 1890. № 276.
158. Празднование 100-х юбилеев 107-го пех. Троицкого и 108-го пех. Саратовского полков // Вестник военного духовенства. 1897. № 13. С. 396-397.
159. Празднование Тарутинским полком 100-летнего юбилея // Вестник военного духовенства. 1897. № 20. С. 629-631.
160. Преображенский П. Юбилейное торжество в 49-м пехотном Брестском полку // Вестник военного духовенства. 1906. № 21. С. 652-654.
161. Прибытие и представление депутации 77-го пехотного Тенгинского полка // Русский инвалид. 1900. №№ 268, 270, 272, 274-276.
162. Рерберг Н. Присяга в российской императорской армии // Военная быль. 1964. № 70. С. 41.
163. Рерберг Н. Ф. Присяга новобранцев // Наши вести. 1978. № 370. С. 3.
164. Ротные памятки // Русский инвалид. 1913. № 246.

165. Рубец И. Ф. [Об иностранных знаках отличия в полках Российской императорской армии] // Военная быль. 1961. № 49. С. 45.
Дополнение: Микулинский М. // Военная быль. 1962. № 55. С. 45.
166. Семевский М. И. Полковые историографы // Русский вестник. 1860. Т. 27. Май. Кн. 2. С. 258-283; Июнь. Кн. 1. С. 383-414.
167. Серпухов К. Освящение церкви при Масленских казармах, Новгородской губернии // Вестник военного духовенства. 1900. № 11. С. 345-347.
168. Серых В. Д. Воинские ритуалы. М., 1986.
169. Симкин М. П. Знамена как исторические памятники и музейные экспонаты // Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. 10. М., 1963. С. 3-276.
170. С. К. Дневники полковой истории // Русский инвалид. 1912. № 46.
171. —ский. О названиях полков // Русский инвалид. 1912. № 104.
172. Смирнов А. Имя полка // Родина. 1996. № 4. С. 37-42.
173. Смирнов А. А. О чём говорят обелиски (К перспективам мемориализации Бородинского поля) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1995. С. 103-110.
174. Смирнов Я. Добавление к истории 65 пехотного Московского е. в. полка с 1890 по 1900 год. Холм (Люблинский), 1900.
175. Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского е. и. выс. государя наследника цесаревича полка. 1642-1700-1890. Варшава, 1890.
176. Смородинова Г. Чарка из серебра. Полковая посуда гвардейских офицерских собраний // Родина. 2000. № 11. С. 116-117.
177. С-ов С. П. Военные праздники // Разведчик. 1912. № 1128. С. 393-394.
178. Соколовский М. Викториальные дни // Русский инвалид. 1910. № 265. С. 3.
179. Соколовский М. Ещё о полковых памятках // Русский инвалид. 1912. № 277.
180. Соколовский М. Кое-что о полковых памятках // Русский инвалид. 1912. № 269.

181. Соколовский М. О полковой историографии // Русский инвалид. 1910. № 243.
182. Соколовский М. Полковые хроники на стенах офицерских собраний // Русский инвалид. 1912. № 262.
183. Соколовский М. Что такое полковая история? // Русский инвалид. 1910. № 263.
184. Соколовский М., Гулевич С. Полковая история в её постепенном развитии // Военно-исторический сборник. 1912. № 1. С. 15-44.
185. Спиридонова Т. П. Музеи войсковых частей в дореволюционной России (Становление и историко-культурное значение). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
186. Спиридонова Т. Свидетельства навсегда. Русские военные реликвии в музеях и коллекциях мира // Мир музея. 2003. № 6. С. 2-22.
187. Столетие Военного министерства. 1802-1902. Управление церквами и православным духовенством военного ведомства. СПб., 1902.
188. Столетие 10-го пехотного Новоингерманландского полка // Русский инвалид. 1890. № 183.
189. Столетний юбилей 129-го пехотного Бессарабского е. и. выс. в. кн. Михаила Александровича полка. 1806-1863-1906. Киев, 1909.
190. Струков Д. П. Артиллерийский исторический музей // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 74-84.
191. Струков Д. П. О необходимости съезда представителей отечественных музеев // Журнал ИРВИО. 1913. Кн. 1. С. 22-27.
192. Суворовец. Полковой музей фанагорийцев // Русский инвалид. 1913. № 94.
193. Суворовские торжества в 95-м пехотном Красноярском полку // Русский инвалид. 1900. № 148.
194. Суханов С. Войсковые истории // Разведчик. 1912. № 1108. С. 59-60.

195. Сухарев Ю. В. Праздники русской армии // Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 80-83.
196. Съезд хранителей полковых музеев // Разведчик. 1913. № 1180. С. 360.
197. Съезд хранителей полковых музеев Московского военного округа // Журнал ИРВИО. 1913. Кн. 5-6. С. 258-260.
198. Таланов А. И. Знамена русской пехоты 1812-1814 гг. // Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 62-66.
199. Т., В. К вопросу о полковых памятках // Офицерская жизнь. 1913. № 20. С. 301-302.
200. Тинченко Я. Полковой альбом киевских гусар (2) // Цейхгауз. 2002. № 4. С. 28-30.
201. Толь В. Г. 145-й пехотный Новочеркасский императора Александра III полк. 1796-1863-1913. СПб., 1914.
202. Томилин С. В. Собрание полковой старины // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906/ С. 69-74.
203. Торжественная прибавка Высочайше пожалованных знамен // Русский инвалид. 1900. № 143.
204. Трамбицкий Ю. А. Кексгольмец // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 81-87.
205. Ульянов И. Регулярная пехота. 1801-1855 гг. М., 1997.
206. Фабрика Ю. А. Церковь и армия в России. Новосибирск, 1997.
207. Фалалеева М., Юхименко Е. Дичь – господам офицерам. Меню военных праздников и юбилеев // Родина. 2000. № 11. С. 120-122.
208. Фёдорова О. В., Ушаков В. К. Поле русской славы. М., 1979.
209. Федоровский. Полтавские дни в Скобелевском лагере // Русский инвалид. 1909. № 163.
210. Ходнев Д. И. Музей л.-гв. Финляндского полка // Финляндец. 1936. № 24. С. 31-36.

211. Ходнев Д. И. Полковой марш // Финляндец. 1957. № 34. С. 42-44.
212. Ходнев Д. И. Полковой праздник // Финляндец. 1930. № 12. С. 16-21.
213. Христолюбивое воинство. Православная традиция Русской Армии (Российский военный сборник. Вып. 12). М., 1997.
214. Цимбаев К. Полтаве - 200 лет! // Родина. 1999. № 12. С. 138-142.
215. Цитович Г. А. Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание в двух частях. Пятигорск, 1913.
216. Чествование годовщины начала Отечественной войны в Казанском лагере // Русский инвалид. 1912. № 152.
217. Чествование новгородским обществом стоящих в городе войск, 15 апреля 1890 года. Новгород, 1890.
218. Шевяков Т. Н. Знамёна и штандарты Российской императорской армии конца XIX - начала XX вв. М., 2002.
219. Шевяков Т. Н. Система коллективных наград русской армии через призму Великой войны 1914-1918 годов // Гербовед. 2003. № 5. С. 109-111.
220. Шеленговский И. И. История 69-го пехотного Рязанского полка. Т. II. (1805-1904 гг.). Люблин, 1910.
221. Шелехов Д. А. История 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III полка. 1796-1896. СПб., 1896.
222. Штутман С. Зачислить навечно // Родина. 1994. № 3-4. С. 78-81.
223. Эккерт Г. Краткие истории войсковых частей // Разведчик. 1893. № 154. С. 766-767.
224. Юбилей 12-го гренадерского Астраханского полка // Русский инвалид. 1900. № 145.
225. Юбилей Суздальского полка // Русский инвалид. 1900. № 143.

Каталоги, описи и путеводители музеев и выставок:

1. Артиллерийский исторический музей. Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков / Сост. Шевелёва Е. Н. Л., 1962.

2. Белавенец П. И. Артиллерийский исторический музей. Знаменный отдел. Краткий указатель коллекций. Л., 1927.
3. Гильдебрандт Б. Ф. Путеводитель по музею 115-го пехотного Вяземского полка. Рига, 1913.
4. Каталог рисунков Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Л., 1973.
5. Маркс Н. Обозрение предметов военной старины. Отдел I. Музеи войсковых частей. Выпуск I. М., 1912.
6. Описи знамёнам, штандартам, прапорам, прапорцам, значкам, трубам за отличие, грамотам, скобам и прочим войсковым регалиям, хранящимся в Артиллерийском историческом музее, с указанием принадлежности таковых частям войск. СПб., 1903.
7. Слава русского оружия. Художественные коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. М., 2003.
8. Шевелёва Е. Н. Нагрудные знаки русской армии. СПб., 1993.

Энциклопедии, справочники:

1. Военная энциклопедия. Т. I. М., 1911; Т. III. М., 1911; Т. VIII. СПб., 1912; Т. XI, СПб., 1913; Т. XVI. СПб., 1914.
2. Военный энциклопедический словарь. М., 1983.
3. Гренадерские и пехотные полки. Справочная книжка Императорской главной квартиры. СПб., 1909.
4. Григорович А. И. Перечень историй и памятков войсковых частей. СПб., 1913.
5. Дополнение к справочной книжке Императорской главной квартиры. Гренадерские и пехотные полки. СПб., 1912.
6. Российская музейная энциклопедия. Т. 1-2. М., 2001.
7. Советская военная энциклопедия. Т. 3. М., 1977; Т. 5. М., 1978; Т. 6. М., 1978.

Диссертации и авторефераты:

1. Александрова Н. В. Российские военные музеи в первой трети XX в. Из истории организации и деятельности. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
2. Бориснев С. В. Русское военно-историческое общество (1907-1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
3. Минёр В. Л. Воинские ритуалы российской армии в XIX - начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
4. Ноздрунов Б. М. Русская военная музыка во второй половине XIX века (пореформенный период). Дис. ... канд. искусствоведения. М., 1965.
5. Печень Н. А. Воспитание воинов российской армии отечественной историей (вторая половина XIX в. - февраль 1917 г.): опыт, проблемы, уроки. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2000.
6. Разгон А. М. Исторические музеи в России. 1861-1917 гг. Дис. ... докт. ист. наук. М., 1973.
7. Спиридонова Т. П. Музеи войсковых частей в дореволюционной России (Становление и историко-культурное значение). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
8. Цицанкин В. С. Музыкальная культура российской армии и флота во второй половине XIX в. (Исторический аспект): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
9. Шеин И. А. Развитие воинских традиций российской армии во второй половине XIX - начале XX вв.: исторический опыт и уроки. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

Список сокращений:

АВИМАИВиВС	Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
ГИАНО	Государственный исторический архив Новгородской области
ИРВИО	Императорское русское военно-историческое общество
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив

*Приложение 1***Полковые праздники и старшинство гренадерских и пехотных полков русской армии в начале XX в¹.**

Полк	Праздник	Старшинство
Гренадерские полки		
1-й л.-гр. Екатеринославский	6 августа	30 марта 1756 г.
2-й Ростовский	День Св. Троицы	25 июня 1700 г.
3-й Перновский	29 июня	29 июня 1710 г.
4-й Несвижский	29 июня	17 мая 1797 г.
5-й Киевский	29 июня	25 июня 1700 г.
6-й Таврический	День Св. Троицы	30 марта 1756 г.
7-й Самогитский	21 мая	17 мая 1797 г.
8-й Московский	1 августа	15 мая 1790 г.
9-й Сибирский	6 августа	26 июня 1700 г.
10-й Малороссийский	15 августа	30 марта 1756 г.
11-й Фанагорийский	30 августа	25 мая 1790 г.
12-й Астраханский	22 октября	25 июня 1700 г.
13-й л.-гр. Эриванский	29 июня	25 июня 1642 г.
14-й Грузинский	9 мая	25 июля 1700 г.
15-й Тифлисский	8 июля	8 июля 1726 г.
16-й Мингрельский	6 августа	15 декабря 1763 г.
Пехотные полки		
1-й Невский	16 августа	9 мая 1706 г.
2-й Софийский	23 апреля	17 января 1811 г.
3-й Нарвский	9 августа	6 декабря 1703 г.
4-й Копорский	30 августа	16 мая 1803 г.
5-й Калужский	30 августа	28 августа 1805 г.
6-й Либавский	8 июня	16 мая 1803 г.
7-й Ревельский	16 августа	2 сентября 1769 г.
8-й Эстляндский	6 декабря	17 января 1711 г.
9-й Ингерманландский	30 августа	19 июля 1703 г.
10-й Новоингерманландский	6 августа	20 августа 1790 г.
11-й Псковский	8 сентября	25 июня 1700 г.
12-й Великолуцкий	6 декабря	17 января 1711 г.

¹ Составлено по: Гренадерские и пехотные полки (1-й – 16-й гренадерские и 1-й – 180-й пехотные полки). Справочная книжка Императорской главной квартиры. СПб., 1909; Дополнение к справочной книжке Императорской главной Квартиры. Гренадерские и пехотные полки (181-й – 208-й пехотные полки). СПб., 1912; и другим материалам.

13-й Белозёрский	6 декабря	6 декабря 1708 г.
14-й Олонецкий	29 июня	20 августа 1798 г.
15-й Шлиссербургский	23 июня	25 июня 1700 г.
16-й Ладожский	29 июня	29 июня 1708 г.
17-й Архангелогородский	15 августа	25 июня 1700 г.
18-й Вологодский	24 июня	16 мая 1803 г.
19-й Костромской	29 июня	25 июня 1700 г.
20-й Галицкий	8 ноября	17 января 1811 г.
21-й Муромский	6 августа	6 августа 1708 г.
22-й Нижегородский	26 августа	25 июня 1700 г.
23-й Низовский	9 мая	9 мая 1726 г.
24-й Симбирский	29 июня	6 ноября 1811 г.
25-й Смоленский	1 октября	25 июня 1700 г.
26-й Могилёвский	30 августа	28 августа 1805 г.
27-й Витебский	27 ноября	6 декабря 1703 г.
28-й Полоцкий	6 августа	30 августа 1769 г.
29-й Черниговский	25 декабря	25 июня 1700 г.
30-й Полтавский	29 июня	20 августа 1798 г.
31-й Алексопольский	6 августа	11 ноября 1731 г.
32-й Кременчугский	15 августа	16 августа 1806 г.
33-й Елецкий	День Св. Троицы	15 декабря 1763 г.
34-й Севский	6 декабря	15 декабря 1763 г.
35-й Брянский	6 августа	13 октября 1809 г.
36-й Орловский	6 декабря	19 февраля 1711 г.
37-й Екатеринбургский	День Св. Троицы	29 ноября 1796 г.
38-й Тобольский	25 декабря	6 декабря 1703 г.
39-й Томский	8 июля	29 ноября 1796 г.
40-й Колыванский	20 августа	20 августа 1798 г.
41-й Селенгинский	День Св. Духа	29 ноября 1796 г.
42-й Якутский	26 ноября	16 августа 1806 г.
43-й Охотский	6 августа	16 августа 1806 г.
44-й Камчатский	25 сентября	16 августа 1806 г.
45-й Азовский	День Вознесения Господня	25 июня 1700 г.
46-й Днепровский	29 июня	30 августа 1769 г.
47-й Украинский	29 июня	20 августа 1798 г.
48-й Одесский	23 апреля	6 ноября 1811 г.
49-й Брестский	9 мая	16 августа 1806 г.
50-й Белостокский	16 ноября	12 мая 1807 г.
51-й Литовский	6 декабря	22 октября 1809 г.
52-й Виленский	6 декабря	29 октября 1811 г.
53-й Волынский	17 сентября	16 мая 1803 г.
54-й Минский	22 октября	16 августа 1806 г.

55-й Подольский	16 августа	5 января 1798 г.
56-й Житомирский	День Св. Троицы	20 октября 1811 г.
57-й Модлинский	23 апреля	14 февраля 1831 г.
58-й Прагский	6 декабря	14 февраля 1831 г.
59-й Люблинский	12 декабря	14 февраля 1831 г.
60-й Замосцкий	День Св. Троицы	14 февраля 1831 г.
61-й Владимирский	23 июня	25 июня 1700 г.
62-й Суздальский	30 августа	25 июня 1700 г.
63-й Углицкий	1 октября	1 октября 1708 г.
64-й Казанский	15 августа	25 июня 1700 г.
65-й Московский	5 октября	25 июня 1700 г.
66-й Бутырский	День Св. Троицы	29 ноября 1796 г.
67-й Тарутинский	6 октября	29 ноября 1796 г.
68-й лейб-пехотный Бородинский	26 августа	29 ноября 1796 г.
69-й Рязанский	22 августа	6 декабря 1703 г.
70-й Рязский	24 июня	15 декабря 1763 г.
71-й Белёвский	День Св. Троицы	12 декабря 1763 г.
72-й Тульский	8 июля	30 августа 1769 г.
73-й Крымский	30 августа	17 апреля 1856 г.
74-й Ставропольский	8 ноября	16 декабря 1845 г.
75-й Севастопольский	8 ноября	17 апреля 1856 г.
76-й Кубанский	6 декабря	16 декабря 1845 г.
77-й Тенгинский	29 июня	25 июня 1700 г.
78-й Навагинский	День Св. Духа	21 сентября 1777 г.
79-й Куринский	День Вознесения Господня	29 декабря 1802 г.
80-й Кабардинский	6 января	15 декабря 1726 г.
81-й Апшеронский	День Св. Троицы	25 июня 1700 г.
82-й Дагестанский	6 декабря	16 декабря 1845 г.
83-й Самурский	6 декабря	16 декабря 1845 г.
84-й Ширванский	15 августа	9 июня 1724 г.
85-й Выборгский	26 июня	25 июня 1700 г.
86-й Вильманstrandский	30 августа	16 августа 1806 г.
87-й Нейшлотский	30 августа	18 июня 1863 г.
88-й Петровский	30 августа	18 июня 1863 г.
89-й Беломорский	9 мая	29 апреля 1803 г.
90-й Онежский	30 августа	29 апреля 1803 г.
91-й Двинский	30 августа	29 августа 1805 г.
92-й Печорский	9 мая	29 апреля 1803 г.
93-й Иркутский	6 декабря	17 мая 1797 г.
94-й Енисейский	23 апреля	11 июля 1813 г.
95-й Красноярский	23 апреля	17 мая 1797 г.

96-й Омский	30 августа	17 мая 1797 г.
97-й Лифляндский	30 августа	25 июня 1700 г.
98-й Юрьевский	15 августа	13 декабря 1763 г.
99-й Ивангородский	30 августа	31 октября 1805 г.
100-й Островский	29 июня	13 июня 1806 г.
101-й Пермский	30 августа	17 мая 1797 г.
102-й Вятский	6 декабря	29 апреля 1803 г.
103-й Петрозаводский	8 ноября	16 мая 1803 г.
104-й Устюжский	6 декабря	17 мая 1797 г.
105-й Оренбургский	29 июня	29 июня 1811 г.
106-й Уфимский	26 октября	17 января 1811 г.
107-й Троицкий	День Св. Троицы	17 мая 1797 г.
108-й Саратовский	30 августа	17 мая 1797 г.
109-й Волжский	4 февраля	17 мая 1797 г.
110-й Камский	1 августа	11 июля 1813 г.
111-й Донской	9 мая	17 мая 1797 г.
112-й Уральский	1 октября	17 мая 1797 г.
113-й Старорусский	9 мая	29 ноября 1796 г.
114-й Новоторжский	30 августа	30 августа 1763 г.
115-й Вяземский	3-й день Св. Пасхи	20 августа 1798 г.
116-й Малоярославецкий	8 сентября	17 мая 1797 г.
117-й Ярославский	1 октября	1 октября 1763 г.
118-й Шуйский	30 августа	19 февраля 1711 г.
119-й Коломенский	6 августа	17 мая 1797 г.
120-й Серпуховский	6 августа	11 июля 1813 г.
121-й Пензенский	29 июня	11 июля 1813 г.
122-й Тамбовский	6 декабря	17 мая 1797 г.
123-й Козловский	27 ноября	17 мая 1797 г.
124-й Воронежский	6 декабря	22 февраля 1775 г.
125-й Курский	30 января	16 августа 1806 г.
126-й Рыльский	23 апреля	12 мая 1807 г.
127-й Путивльский	15 июля	22 октября 1809 г.
128-й Старооскольский	6 декабря	14 февраля 1831 г.
129-й Бессарабский	6 декабря	16 августа 1806 г.
130-й Херсонский	День Вознесения Господня	29 октября 1811 г.
131-й Тираспольский	6 августа	25 июня 1700 г.
132-й Бендерский	9 мая	20 октября 1811 г.
133-й Симферопольский	14 сентября	14 февраля 1831 г.
134-й Феодосийский	27 ноября	14 февраля 1831 г.
135-й Керчь-Еникальский	26 ноября	5 января 1798 г.
136-й Таганрогский	8 июля	14 февраля 1831 г.
137-й Нежинский	30 августа	29 ноября 1796 г.

138-й Болховский	5 июля	6 декабря 1703 г.
139-й Моршанский	13 октября	25 июня 1700 г.
140-й Зарайский	30 августа	20 августа 1798 г.
141-й Можайский	День Св. Троицы	29 ноября 1796 г.
142-й Звенигородский	5 июля	16 августа 1806 г.
143-й Дорогобужский	6 августа	16 августа 1806 г.
144-й Каширский	30 августа	16 августа 1806 г.
145-й Новочеркасский	30 августа	29 ноября 1796 г.
146-й Царицынский	23 апреля	30 августа 1769 г.
147-й Самарский	6 августа	20 августа 1798 г.
148-й Каспийский	22 декабря	6 ноября 1811 г.
149-й Черноморский	30 августа	6 ноября 1863 г.
150-й Таманский	21 мая	6 ноября 1863 г.
151-й Пятигорский	1 октября	6 ноября 1863 г.
152-й Владикавказский	6 августа	6 ноября 1863 г.
153-й Бакинский	20 июля	6 ноября 1863 г.
154-й Дербентский	30 августа	6 ноября 1863 г.
155-й Кубинский	26 ноября	6 ноября 1863 г.
156-й Елисаветпольский	8 ноября	6 ноября 1863 г.
157-й Имеретинский	9 мая	6 ноября 1863 г.
158-й Кутаисский	День Св. Троицы	6 ноября 1863 г.
159-й Гурийский	26 сентября	6 ноября 1863 г.
160-й Абхазский	26 ноября	6 ноября 1863 г.
161-й Александропольский	21 апреля	1 августа 1874 г.
162-й Ахалцыхский	8 ноября	1 августа 1874 г.
163-й Ленкоранско- Нашебургский	25 декабря	1 августа 1874 г.
164-й Закатальский	23 апреля	1 августа 1874 г.
165-й Луцкий	30 августа	27 марта 1811 г.
166-й Ровненский	22 июля	19 мая 1877 г.
167-й Острожский	9 мая	19 мая 1877 г.
168-й Миргородский	30 августа	19 мая 1877 г.
169-й Ново-Трокский	1 октября	27 марта 1811 г.
170-й Молодечненский	26 ноября	19 декабря 1877 г.
171-й Кобринский	1-й день Св. Пасхи	27 марта 1811 г.
172-й Лидский	День Св. Троицы	27 марта 1811 г.
173-й Каменецкий	6 декабря	27 марта 1811 г.
174-й Роменский	9 мая	27 марта 1811 г.
175-й Батурицкий	6 декабря	31 июля 1877 г.
176-й Переволочненский	26 ноября	31 июля 1877 г.
177-й Изборский	6 декабря	2 апреля 1877 г.
178-й Венденский	30 августа	2 апреля 1877 г.
179-й Усть-Двинский	6 декабря	27 марта 1811 г.

180-й Виндавский	20 июля	27 марта 1811 г.
181-й Остроленский	29 июня	9 февраля 1720 г.
182-й Гроховский	1 октября	27 марта 1811 г.
183-й Пултусский	8 ноября	27 марта 1811 г.
184-й Варшавский	27 марта	27 марта 1811 г.
185-й Башкадыкларский	8 ноября	27 марта 1811 г.
186-й Асландузский	15 декабря	15 декабря 1763 г.
187-й Аварский	30 августа	29 августа 1805 г.
188-й Карсский	6 декабря	29 ноября 1796 г.
189-й Измаильский	22 июля	27 марта 1811 г.
190-й Очаковский	16 августа	4 января 1804 г.
191-й Ларго-Кагульский	30 августа	27 марта 1811 г.
192-й Рымникский	22 октября	17 января 1811 г.
193-й Свяжский	8 июля	19 февраля 1711 г.
194-й Троицко-Сергиевский	6 августа	29 ноября 1796 г.
195-й Оровайский	22 октября	27 марта 1811 г.
196-й Инсарский	6 января	27 марта 1811 г.
197-й Лесной	30 августа	16 мая 1803 г.
198-й Александро-Невский	30 августа	9 февраля 1720 г.
199-й Кронштадтский	30 августа	16 августа 1806 г.
200-й Кроншлотский	30 августа	16 мая 1803 г.
201-й Потийский	22 октября	20 сентября 1889 г.
202-й Горийский	9 мая	12 июля 1887 г.
203-й Сухумский	8 ноября	29 августа 1805 г.
204-й Ардагано- Михайловский	6 мая	16 августа 1806 г.
205-й Шемахинский	30 августа	20 сентября 1889 г.
206-й Сальянский	7 июня	14 июня 1805 г.
207-й Новобаязетский	21 ноября	12 июля 1887 г.
208-й Лорийский	17 октября	12 июля 1887 г.

Статьи устава стросвой пехотной службы 1900 г.:**О церемониальном марше [полка]**

363. Полк проходит церемониальным маршем в батальонных резервных колоннах или в одном из прочих строев, указанных в ст. 345¹, а также в сомкнутом резервном порядке, имея в последнем интервале между флангами батальонов, находящихся в одной линии – один шаг, а дистанцию между линиями батальонов – 15 шагов.

Примечание. Для обозначения линии прохождения вызываются жалонеры* 1-х и 3-х рот каждого батальона.

364. Порядок прохождения полка в сомкнутом резервном порядке следующий: впереди, на два жалонера* - барабанщики (горнисты) всего полка, а в 10 шагах за ними – командир полка, имея на шаг позади себя и на шаг влево полкового адъютанта.

В 10 шагах перед серединой барабанщиков – полковой горнист, впереди которого, в 3-х шагах, в одну шеренгу и по старшинству справа налево – батальонные командиры и все остальные конные офицерские чины.

Конные ординарцы проходят в 10 шагах за полком, в одну шеренгу.

365. Если патронные двуколки в строю, то они проходят в 10 шагах за ординарцами, в одну линию, на интервалах в 6 шагов или одна позади другой, на дистанции в 3 шага.

На фланге равнения двуколок проходит заведывающий оружием; для отдания чести он прикладывает руку к головному убору.

366. Во всех прочих строях чины проходят в следующем порядке: впереди, на два жалонера* - командир полка, имея в двух шагах за собой младшего штаб-

* Жалонёр заменён линейным (приказ по военному ведомству 1902 г. № 238).

офицера и полкового адъютанта, а в одном шаге за полковым адъютантом — полкового горниста; в 4-х шагах за полковым горнистом идут барабанщики (горнисты); в 10-ти шагах за барабанщиками (горнистами) — командир 1-го батальона, имея за собой батальонного адъютанта, и в 20-ти шагах за ним — головная часть этого батальона.

367. Дистанции между частями, при прохождении церемониальным маршем, определяются числом интервалов между жалонерами*, а именно:

а) при прохождении поротно в развёрнутом строю, между ротами — один интервал, а между батальонами — два интервала.

б) при прохождении батальонными колоннами, между батальонами полка — один интервал, а между отдельными батальонами, хотя бы они были в составе сводного полка — два интервала.

368. Барабанщики (горнисты) при прохождении поротно, идут перед своими батальонами, а при прохождении батальонными колоннами — все впереди 1-го батальона, исполняя в обоих случаях указанное для них в ст. 332², но после поворота налево они вздваивают ряды.

Барабанщики (горнисты) выходят на указанные им места непосредственно после команды, определяющей порядок прохождения полка.

369. Относительно салютования и заездов соблюдаются следующие правила: младшие офицеры и подпрапорщики, находящиеся во фронте, не салютуют и не заходят, а поворачивают лишь голову к стороне начальника; батальонные адъютанты, младшие офицеры, находящиеся впереди фронта, а также ротные и батальонные командиры только салютуют; командиры отдельных батальонов и командиры полков салютуют и заезжают.

За командиром полка салютует и заезжает полковой адъютант.

Примечание. Если отдельные батальоны находятся в составе сводного полка, то командиры их и батальонные адъютанты, при прохождении в сомкнутом резервном порядке, проезжают в общей линии конных офицерских чинов, причём те и другие не заезжают, а только салютуют.

О знамени.

Честь выносить знамя предоставляется достойнейшему унтер-офицеру, преимущественно из имеющих знак отличия военного ордена. Ассистентом к нему назначается унтер-офицер.

Место знамени.

370. Знамя в строю становится:

а) Во всех строях роты – правее командира 1-го взвода, а в батальоне и в полку – правее командира 1-го взвода 1-й роты.

б) При переходе полка или отдельного батальона в боевой порядок, знамя переносится при батальонном адъютанте к полковому (батальонному) резерву, где становится при старшем по номеру батальоне (роте), согласно п. е ст. 300.

371. Во всех поименованных выше случаях в затылок знаменщику становится ассистент.

372. Для прохождения церемониальным маршем, по команде: *к церемониальному маршу*, командир роты, при которой находится знамя, командует знаменщику: *шагом-МАРШ!* и, взяв шашку *подвысь*, ведёт его на 10 шагов перед середину роты, батальона или полка; поставив знаменщика, он опускает шашку, а затем, взяв *на плечо*, идёт на своё место. Одновременно с выходом знаменщика выходят два офицера, назначенные ассистентами, держа шашки *подвысь*; став по сторонам знамени, они опускают шашки, а затем берут *на плечо*. По выходе знаменщика перед середину, ассистент становится правее фельдфебеля 1-й роты, а если правее фельдфебеля стоит батальонный жалонер*, то – правее последнего.

373. В походе знаменщик идёт в 4-х шагах впереди головной части, имея ассистента левее себя.

Порядок приёма и относа знамени.

374. Для принятия знамени наряжается одна полурота с двумя офицерами; при ней должны находиться: унтер-офицер, назначенный ассистентом и ротные барабанщики (горнисты). Знаменщик идёт к тому месту, где хранится знамя, отдельно от полуроты, а ассистент – при полуроте, в 2-х шагах за правофланговым рядом, если же полурота следует в колонне по отделениям, то – на левом фланге первого отделения, в первой шеренге.

К месту хранения знамени должен прибыть заблаговременно и батальонный адъютант.

375. Полурота следует к месту хранения знамени в колонне по отделениям или рядами, заблаговременно выстраивается, а затем останавливается так, чтобы середина её пришлась против выхода. Если нельзя выстроить полуроту заблаговременно, то она выстраивается, став на место.

Барабанщики (горнисты), при следовании полуроты идут впереди её, а после остановки занимают места на правом фланге, как указано в ст. 320³.

376. Когда знамя покажется у выхода, командир полуроты командует: *слушай, на кра-УЛ!*

По этой команде барабанщики и горнисты (где есть) начинают бить и играть поход.

Адъютант, приложив руку к головному убору, ведёт знаменщика к полуроте и останавливает его в 4-х шагах перед серединой её; одновременно с этим выходит ассистент и становится левее знаменщика.

Батальонный адъютант садится на лошадь и занимает место правее барабанщиков (горнистов).

Когда знаменщик и ассистент станут на своё место, командир полуроты, подав знак для прекращения боя, командует: *к но-ГЕ!*, а затем, скомандовав: *на пле-ЧО!* ведёт полуроту в развёрнутом строю, в колонне по отделениям или рядами.

377. При следовании полуроты впереди её, в 4-х шагах, идёт знаменщик с ассистентом; впереди знамени, в 5-ти шагах – командир полуроты; впереди его, в 5-ти шагах, идут барабанщики и горнисты (где есть), а в 4-х шагах перед ними едет батальонный адъютант, имея шашку на плечо. Барабанщики (горнисты), при следовании полуроты к полку (батальону), бьют (играют) марш.

378. Когда полурота со знаменем приблизится шагов на 50 к своей части, командир полка (батальона) командует: *слушай на кра-УЛ!* По этой команде оставшиеся при полку (при батальоне) барабанщики бьют (горнисты играют) поход, а музыканты играют полковой марш. Батальонный адъютант, пропустив ротных барабанщиков (горнистов), становится перед знаменем и, взяв шашку подвысь, отводит знамя кратчайшим путём на место, определённое ему в ст. 370, после чего отъезжает на своё место.

После команды: *слушай, на кра-УЛ!* командир полуроты, принесшей знамя, поворачивает её налево (если подошёл к батальону с правого фланга) или – направо (если подошёл с левого фланга батальона) и затем вводит её в своё место, а барабанщики (горнисты) идут на присоединение к барабанщикам (горнистам) своего батальона.

379. Когда знаменщик станет на место, командир части подаёт знак для прекращения барабанного боя и командует: *к но-ГЕ!*

380. Для отнosa знамени также назначается полурота. Если для этого назначена полурота от одной из головных рот, то командир полка (батальона) командует: *музыканты, перед такую-то полуроту такой-то роты.* По этой команде барабанщики (горнисты) батальона, от которого назначена полурота, и музыканты выходят перед назначенную полуроту и становятся перед ней на взводной дистанции; при этом барабанщики (горнисты) строятся в 4-х шагах перед музыкантами, а в 4-х шагах перед барабанщиками становится батальонный адъютант. Если для отнosa знамени назначена полурота от одной из рот, стоящих сзади, то полковой (батальонный) командир предварительно

командует: *такая-то полурота такой-то роты, перед 1-й батальон* (в батальоне – *перед батальон*).

По этой команде командир назначенной полуроты выводит её и останавливает в 20-ти шагах впереди батальона, указанного командой. Когда полурота займёт своё место, командир полка (батальона) командует: *музыканты, перед такую-то полуроту такой-то роты*.

По этой команде барабанщики (горнисты) и музыканты выходят и выстраиваются впереди полуроты.

381. Когда будет исполнено вышеуказанное, полковой (батальонный) командир командует: *под знамя, слушай на кра-УЛ!* По этой команде музыканты играют **полковой марш**, а барабанщики бьют **под знамя**; все берут на караул; командир 1-й роты командует знаменщику: *шагом-МАРШ!* берёт шашку **подвысь** и ведёт знаменщика с ассистентом перед середину полуроты, назначенной для отнеса знамени; поставив знаменщика, он опускает шашку и затем, **взяв на плечо**, возвращается на своё место.

382. Когда знамя станет перед полуротой, полковой (батальонный) командир подаёт знак для прекращения боя. Затем командир полуроты, назначенной для отнеса знамени, командует: *к но-ГЕ!* и, получив приказание, ведёт полуроту. Когда последняя отойдёт от строя шагов на 50, полковой (батальонный) командир командует: *к но-ГЕ!* Полурота следует в развёрнутом строю, в колонне по отделениям или рядами, причём все чины идут на местах, указанных в ст. 377; музыканты играют марш, чередуясь с барабанщиками (горнистами), которые бьют **под знамя**.

383. Подойдя к месту, где хранится знамя, командир полуроты выстраивает её как указано для принятия знамени и затем останавливает полуроту перед входом; барабанщики (горнисты) и музыканты становятся на правый фланг. Адьютант, отдав лошадь барабанщику (горнисту), идёт к знамени и, приложив руку к головному убору, становится в двух шагах перед знаменем.

Полуротный командир командует: *слушай, на кра-УЛ!* Барабанщики (горнисты) бьют **поход**, а музыканты играют **полковой марш**. Адъютант командует знаменщику: **шагом-МАРШ!** и ведёт знамя, а ассистент уходит на своё место.

384. Когда знамя будет внесено в помещение, полуротный командир, подав знак для прекращения боя, командует: *к но-ГЕ!* и затем ведёт полуроту домой.

385. В присутствии государя императора честь знамени не отдаётся, если на то не последует повеления его императорского величества.

Приложение 1.

Держание знамени.

1. Когда ружья у ноги, знамя держится в свободно опущенной правой руке, имея три средних пальца спереди, мизинец сбоку, а большой палец в охвате сзади древка, подток – у середины ступни правой ноги.
2. При исполнении ружейных приёмов знамя остаётся в том же положении.
3. Когда предстоит движение, то по команде: *шагом* перенести знамя на левое плечо, левую руку вытянуть по древку и кисть её наложить на древко так, чтобы оно пришлось между указательным и средним пальцами, а правую руку отнести на своё место. При этом положении знамени подток должен быть около полуаршина от земли.
4. При отдавании чести, по команде: *слушай, на кра-УЛ!* поднять знамя правой рукой, обхватить древко левой около плеча, а кистью правой руки – спереди, пальцами под подтоком; затем отнести левую руку на своё место, держа знамя у правого плеча.
5. Для салютования знаменем из положения на караул сделать пол-оборота направо и, не выпуская древка из кисти левой руки, плавно уклонить знамя вперёд, удерживая его в правой руке у подтока. При этом кисти обеих рук

должны быть на высоте правого плеча, а кисть правой руки и несколько позади его; локоть левой руки должен быть немного отделён от тела.

Не задерживая знамени в этом положении, снова плавно поставить его, как по команде: *слушай, на кра-УЛ!* В то же время повернуться в пол-оборота налево и отнести левую руку на своё место.

6. С положения на караул знамя переносится к ноге следующим образом: левой рукой обхватить древко у правого плеча; выпустив подток из правой руки, левой опустить знамя; в то же время правой рукой обхватить древко выше левой руки, имея большой палец сзади, а прочие спереди; затем, отняв левую руку от древка, поставить знамя в положение, указанное в п. 1.
7. По команде: **НА МОЛИТВУ!** подняв знамя обеими руками, поставить его левее правой ноги, упирая подтоком в носок правой ноги, положить древко в изгиб локтя левой руки. По команде: *шапки ДОЛОЙ!* правой рукой снять головной убор и передать его в левую руку; затем правую руку отнести на своё место.

В означенном положении знамя остаётся до команды: **НАКРОЙСЬ!** По этой команде знаменщик, надев головной убор, ставит знамя в положение, указанное в п. 1.

8. Для окропления знамени святой водой, оставляя подток в положении, указанном в п. 7, обхватить древко под полотном правой рукой и уклонить знамя вперёд так, чтобы оно было перед серединой груди, на расстоянии вытянутой руки. По окроплению знамени поставить его в положение на молитву.

¹ Поротно, повзводно (пополуротно) и в колоннах — резервной, взводной и по отделениям.

² С началом движения роты барабанщики (горнисты) бьют (играют) марш; поравнявшись с начальником, они, по знаку старшего барабанщика, прекращают бой и, повернувшись налево, пристраиваются к левому флангу музыкантов,

причём горнисты становятся левее барабанщиков. Музыканты, по прекращении боя барабанщиками, начинают играть марш, а барабанщики, став на место, бьют в такт музыке.

Если при роте нет хора музыки, то барабанщики (горнисты), поравнявшись с начальником, не прекращают боя и, повернувшись налево, идут на место, указанное выше для музыкантов, причём горнисты остаются правее барабанщиков.

Примечание. Если горнистов в строю менее 3-х, то они, находясь и следуя на указанных в ст. 330 местах и исполняя всё по изложенному в ст. 332, не играют. Приказ по военному ведомству 1904 г. № 264.

В соответствии со ст. 330 горнисты и барабанщики располагались в 10 шагах впереди ротного командира, перед ротой.

³ В 4-х шагах от правого фланга роты, равняясь по 2-й шеренге.

В соответствии со ст. 155 ротные барабанщики (горнисты) выстраивались в 1 шеренгу правее фельдфебеля (горнисты правее барабанщиков). При 2 барабанщиках и 2 горнистах старший из барабанщиков становился в одном шаге перед серединой их.

**Проект положения
о войсковых музеях и исторических комиссиях,
собирающих материалы для истории части
(1913 г.)**

Только та страна и сильна,
которая свято чтит заветы
своей старины.

Николай II.

Войсковые истории, памятки и музеи, доставляя уроки для будущего, служат одним из верных залогов нравственной силы частей войск: сохраняя основные традиции и боевые предания, они составляют одно из средств для поддержания славы и чести полков; из примеров прошлого молодёжь приобретает любовь и уважение к своей части и рвение к подвигам в будущих войнах. Каждая войсковая часть обязана верить в вечность и славу свою и не должна забывать, что настанет время, когда и наши дни будут называться началом прошлого столетия. Имея особую заботу о своей истории, памятке и музее, являющимся основой воспитания, каждая воинская часть тем самым поддерживает традиции и сохраняет в памяти доблесть и славу свою.

Музей.

1. Войсковой музей есть хранилище регалий, реликвий и памятников, освещающих боевую и мирную жизнь части.
2. Музей есть неременная принадлежность каждой воинской части и военно-учебного заведения. В артиллерии с подразделением на батареи, в казачьих войсках – при всех действующих частях, в льготных полках – при Управле-

ниях окружных атаманов отдела, в батареях в местах по установлению войскового начальства.

3. Об открытии созданного музея испрашивается милостивое утверждение государя императора.
4. При расформировании части музей передаётся по указанию Русского императорского военно-исторического общества.
5. На случай мобилизации способ передачи хранения должен быть предусмотрен в каждой воинской части.
6. Музей находится в постоянном специальном помещении по возможности при офицерском собрании, размер его должен быть не менее 27 кв. сажень и помещение его не должно быть использовано ни для какой иной цели.
7. Пополнение музея и нравственная забота о его расширении лежит на священной обязанности всех чинов полка.
8. Для непосредственной и постоянной работы по музею и для его хранения выбирается общим собранием офицеров части из числа наличных и служивших в ней офицеров – хранитель музея.
9. Из числа офицеров хранитель музея выбирает себе помощника.
10. Хранитель музея руководствуется в своих обязанностях особой инструкцией (Инструкция № 1).
11. Предметам, хранящимся в музее, ведётся опись (Приложение № 1 – форма).
12. Средства для музея изыскиваются начальником части путём исходатайствования для его развития ежегодного отпуска от казны в размере суммы, отпускаемой на офицерскую библиотеку, и отчислением 20% из годового чистого дохода полковой солдатской лавки. Для первоначальной же организации исходатайствуется единовременное пособие: для воинских частей, существующих от 50 до 100 лет – 300 рублей, от 100 до 150 лет – 500 рублей и от 150 и более лет – 800 рублей.
13. Отчётность по музею ведётся хранителем музея по правилам, изложенным в инструкции (Инструкция № 1).

14. Внешняя охрана музея устанавливается применительно к местным условиям и согласно устава внутренней службы.
15. Хранитель музея должен быть командирован на исторические юбилеи, съезды и заседания Отделов Русского императорского военно-исторического общества, а также для исторических исследований как внутри империи, так и за границу, по положению о служебных командировках.
16. Документы, хранящиеся в центральных архивах и в других хранилищах, не имеющие общего государственного исторического значения, но имеющие воспитательное значение и историческую связь с частью, должны быть передаваемы в их музеи; те же документы, которые имеют общее значение и которые не могут быть выданы из центральных хранилищ – копируются.
17. Хранитель музея имеет право за помощью обращаться в постоянное бюро для справок при отделах Русского императорского военно-исторического общества.
18. Музей имеет свою печать.
19. Ключ от музея находится у хранителя его.
20. Допуск в музей устанавливается применительно к местным условиям.
21. В каждом музее хранятся предметы и не имеющие прямой исторической связи для части, но имеющие общее историческое значение, описи коих сообщаются в местные отделы Русского императорского военно-исторического общества, для объявления о возможной их уступке в другие музеи.
22. Хранитель музея выдаёт штандарты, знамёна, регалии и другие хранящиеся в музее предметы для временного пользования, согласно инструкции (Инструкция № 1).
23. При музее должен быть фотографический кабинет.
24. В распоряжение хранителя музея назначается грамотный нижний чин для службы в музее.

История.

1. Войсковая история есть подробное описание всей жизни части. Составление её распадается на два периода: а) сбор материалов, приведение их в систему и б) самое изложение.
2. Составление истории своей части, как работа научно-историческая, возлагается на Историческую комиссию части.
3. Историческая комиссия избирается общим собранием офицеров в составе 4-х лиц.
4. Для своих работ Историческая комиссия руководится инструкцией (№ 2).

Инструкция № 1-й.

Для хранителя полкового музея.

1. Для постоянного заведывания музеем в каждой отдельной части войск и учреждений общим собранием офицеров избирается один из офицеров части или учреждения (по возможности из числа желающих) на должность хранителя музея.
2. Хранителем музея может быть избран и офицер, служивший в этой части.
3. О назначении выборов и об избранном хранителе музея объявляется в приказе по части.
4. В случае убыли или отказа от должности хранителя музея назначаются немедленно новые выборы.
5. Хранитель музея с разрешения командира части избирает из гг. офицеров себе помощника, о чём объявляется в приказе, и он является заместителем хранителя музея на время его официального отсутствия.
6. Хранитель музея для занятия в музее с ведома командира части освобождается от служебных обязанностей не более 2-х дней в неделю.

7. Хранитель и его помощник не должны быть одновременно командиром по делам службы.
8. Хранитель музея является неперенным членом войсковой исторической комиссии. В другие комиссии в части он не назначается.
9. В специальном деле хранитель музея непосредственно подчиняется командиру своей части.
10. Хранитель музея обязан ревниво заботиться о поступлении в музей памятников как минувшей, так и текущей жизни части, пополняя музей предметами, имеющими связь с традициями и славой полка.
11. Все поступающие в музей предметы хранитель музея записывает в подробную опись с объявлением в приказе по части.
12. В виду особой ценности предметов, хранящихся в войсковом музее, которые собираются с большими трудами в течение многих лет, причём некоторые из них в случае потери даже не могут быть заменены новыми экземплярами, хранитель музея обязан принимать все меры к наилучшему охранению имущества музея, как от пожара и потери, так и от влияния времени и атмосферных явлений.
13. За целостность же предметов, состоящих в описи музея, но находящихся в ведении других лиц, отвечают эти лица, но хранитель музея обязан наблюдать за их целостностью и сохранностью.
14. Старые знамёна выносятся из музея в строй только в полковой, георгиевский праздник и юбилейные дни.
15. Для работы в музее или же получения из него для просмотра книг, рукописей и других материалов требуется согласие хранителя музея, а в особо важных случаях ещё разрешение и командира части или учреждения.
16. Предметы и книги из музея выдаются не иначе, как под расписку взявшего их.

17. За утерянные предметы, книги и т. п., взятые из музея, с виновного взыскивается их стоимость, если потерявший не пополнит потери точным дубликатом.
18. Ключ от музея и печать хранит у себя хранитель музея, передавая их лишь своему помощнику на время своего отсутствия.
19. Представляет командиру части ежегодно при исправлении мобилизационного плана свои соображения о музее.
20. В военное время изыскивает средство для сохранения собираемых предметов.
21. Имеет аванс в 100 рублей, которым распоряжается на нужды музея. На единовременные же расходы свыше этой суммы испрашивает постановления общего собрания офицеров.
22. Хранитель музея хранит и ведёт следующие книги:
 - 1) Книгу для росписей Высочайших особ при посещении части.
 - 2) Книгу записей Высочайших подарков и призов, как части пожалованных, так и отдельным её чинам.
 - 3) Опись музея (приложение № 1 – форма).
 - 4) Книгу посетителей.
 - 5) Книгу автографов чинов части.
 - 6) Почётную книгу.
 - 7) Книгу выдачи полковых жетонов и знаков.
 - 8) Книгу описания подношений уходящим из полка офицерам.
 - 9) Приходно-расходную книгу.
 - 10) Расносную книгу.
 - 11) Книгу поступлений за текущий год, предметов и документов, в порядке поступления.
 - 12) Журнал входящих и исходящих бумаг.
 - 13) Дело о переписке музея.
 - 14) Книгу записей очерков о ежегодной деятельности музея.

23. Хранитель музея переписку по делам музея ведёт самостоятельно, а в особенно важных случаях представляет бумаги для подписи командиру части, скрепляя их своей подписью.
24. Отчётность по музею хранитель музея представляет для поверки председателю исторической комиссии по истечении каждые 4-х месяцев.
25. Признавая за музеем его заповедность, важное воспитательное и историческое значение в помещении музея безусловно воспрещаются какие бы то ни было занятия, игры и курение табаку.
26. Хранитель музея имеет право быть действительным членом Русского императорского военно-исторического общества без выбора и членского взноса и комитетов по охране памятников, имеющих значение для своей части.
27. Хранитель музея обязан участвовать на исторических юбилеях, съездах и заседаниях Отделов Русского императорского военно-исторического общества, а также командироваться для исторических исследований, как внутри империи, так и за границу, по положению о служебных командировках.
28. Хранитель музея снабжается от Русского императорского военно-исторического общества удостоверением (безымянным) на право беспрепятственного допуска к осмотру всех правительственных и общественных музеев и прочих древлехранилищ.
29. Докладывает ежегодно обществу офицеров части очерк о деятельности музея, представляя его для отдачи в приказе по части, и копию с него отсылает в Русское императорское военно-историческое общество.
30. Доставляет в Русское императорское военно-историческое общество ежегодно к 1-му сентября описи предметов, хранящихся в музее, но не имеющих прямого отношения к историческому прошлому части, а также и дубликатов, могущих быть уступленными, ценность которых определяется общим собранием офицеров.

Инструкция № 2-й
Для войсковой исторической комиссии.

I. Состав комиссии.

1. В каждой воинской части учреждается постоянная войсковая историческая комиссия, выбираемая общим собранием офицеров, как из наличного числа офицеров части, так и ранее в ней служивших, в составе четырёх членов.
2. В частях, отличающихся по своему составу от полковой организации, а также в различных учреждениях и заведениях военного ведомства, число членов комиссий — по определению начальника части, во всяком случае, не менее 3-х.
3. В случае убыли кого-либо из членов комиссии производятся новые выборы.
4. Комиссия утверждается начальником части.
5. Председателем комиссии является старший из членов её.
6. Делопроизводитель — по выбору членов комиссии.
7. Хранитель музея входит в состав исторической комиссии непременно членом.
8. Члены исторической комиссии имеют право быть действительными членами Русского императорского военно-исторического общества без выборов и внесения членского взноса.

II. Обязанности комиссии.

1. Сбирать материалы для истории своей части.
2. Вести подробную хронику (дневник) текущей жизни части, беспристрастно записывая для этого все события жизни части, иллюстрируя их снимками и пр.
3. Заботиться о пополнении уже составленной истории своей части.
4. Вести самостоятельную переписку по вопросам, касающимся истории части.

5. Ежегодно передавать хронику (дневники) и сборники материалов за истекший год на хранение в музей.
6. При возникновении вопроса о каких-либо переменах формы обмундирования и снаряжения, а также об изменении названия части или установления новой шифровки или нумерации её, должна мотивированное мнение высказать и доложить командиру части.
7. Возбуждать ходатайства о восстановлении той или иной принадлежности формы обмундирования или снаряжения своей части, но каждый раз с заключением Русского императорского военно-исторического общества.
8. 15-го января каждого года докладывает командиру полка и общему собранию офицеров о своей деятельности и намеченной программе.
9. Члены исторической комиссии командировются в различные архивы и другие древнехранилища для собирания материалов по истории своей части, пользуясь при этом правом служебных командировок.
10. Для более успешной работы войсковой исторической комиссии Русское императорское военно-историческое общество оказывает возможное содействие.
11. В военное время обязанности войсковой исторической комиссии распространяются на нравственную ответственность всех чинов части

Приложение № 1.

Опись музея

(Группировка предметов, хранящихся в музее¹).

I. Группа штандартов, знамён, регалий и грамот.

1. Штандарты и знамёна части.
2. Скобы от знамён, наверхия, предметы при прибавке знамён.
3. Высочайшие рескрипты и резолюции.

4. Грамоты к знамёнам и знакам отличия.
5. Дешеш, письма и приказы высочайших особ в дни праздников.
6. Знамёна других частей.
7. Трофейные знамёна.
8. Боевые отличия – трубы, литавры, барабаны.
9. Знаки офицерские, надписи на головных уборах.
10. Знаки фурьерские, жалонерные и др.

II. Группа церковная.

1. Полковые, ротные и др. образа и снимки с них.
2. Церковные предметы.
3. Памятники, виды и изображения их.
4. Памятные доски раненых и убиенных.
5. Церковные книги.
6. Исторические облачения.
7. Виды и планы церквей части и других.

III. Группа орденская.

1. Ордена и знаки отличия шефов.
2. Ордена, принадлежащие офицерам.
3. Знаки отличия нижних чинов.
4. Медали в память походов и отличий полка.
5. Доски Георгиевских кавалеров.
6. Печати полковые, ротные, личные и др.
7. Полковые знаки (книга).
8. Монеты и денежные знаки наши.

¹ В каждой группе первый отдел – «заповедный».

9. То же иноземные.
10. Товарищеские жетоны, знаки.

IV. Группа оружия и снаряжения.

1. Жалованное и призовое.
2. Мундиры жалованные и высочайших особ.
3. Огнестрельное оружие части.
4. Холодное оружие части.
5. Трофейное оружие – огнестрельное.
6. То же – холодное.
7. Предметы обмундирования и снаряжения.
8. Головные уборы.
9. Манекены.
10. Призовые мишени.

V. Группа портретная.

1. Портреты государей.
2. Портреты шефов.
3. Портреты командиров полков.
4. Портреты офицеров полка.
5. Портреты командиров высших соединений, в которые входила часть.
6. Портреты классных чинов, служивших в полку.
7. Портреты нижних чинов.
8. Фотографические группы.
9. Литографии и гравюры портретов случайных.
10. Портреты на различных предметах, бюсты.

VI. Группа юбилейная.

1. Подготовительные работы в частях для празднования юбилеев (комиссии, комитеты и т. д.).
2. Подарки высочайших особ.
3. Денежные и другие высочайшие награды, кроме регалий.
4. Подарки частей войск и административных частей.
5. Высочайшие приветствия по случаю юбилеев.
6. Приветствия других частей, прежде служивших чинов и т. д.
7. Юбилейные нагрудные знаки для гг. офицеров и нижних чинов.
8. Разные вещи, созданные в память юбилея (посуда, платки, украшения, меню, программы увеселений).
9. Рисунки, снимки и проекты.
10. Описание юбилейных торжеств.

VII. Группа походных воспоминаний (кроме знамён и оружия).

1. Маршруты и карты походов.
2. Карты, кроки и схемы сражения части.
3. Виды местностей и боевых полей.
4. Походные картины.
5. Картины боевых подвигов.
6. Изображения подвигов отдельных чинов (статуи и др.).
7. Трофеи, кроме знамён и оружия.
8. Памятные вещи, сувениры и проч.
9. Донесения и переписка.
10. Походные дневники, описания подвигов, реляций.

VIII. Группа бытовая.

1. Призы и отличия за стрельбу.
2. Призы и отличия за гимнастику и фехтование.
3. Призы и отличия за конные состязания.
4. Призы и отличия за другие состязания.
5. Подарки случайные и снимки с подарков офицерам.
6. Картины занятий части и мирной жизни.
7. Предметы обучения, программы учений
8. Визитные карточки, пригласительные билеты, росписи блюд.
9. Бытовой дневник с приложениями.

IX. Группа библиотечная.

1. История государей.
2. Жизнеописание шефов.
3. Хроники, истории и памятки части.
4. То же других частей.
5. Труды офицеров части.
6. Печатные посвящения полку.
7. Сборники полковых, ротных и др. песен части.
8. Уставы и положения.
9. Вырезки из газет и журналов.
10. Каталоги и описи музеев и библиотек.

X. Группа архивная.

1. Приказы – 2-е экземпляры.
2. Послужные списки – копии.
3. Списки по старшинству офицеров в дни праздников.

4. Раздаточные ведомости и списки.
5. Рукописи офицеров.
6. Письма офицеров и классных чиновников.
7. То же нижних чинов.
8. Книги предложений и постановлений офицерских собраний.
9. Книги дежурных, ротные и др. книги отчётностей.
10. Описи дел.

Церемониал празднования полковых юбилеев

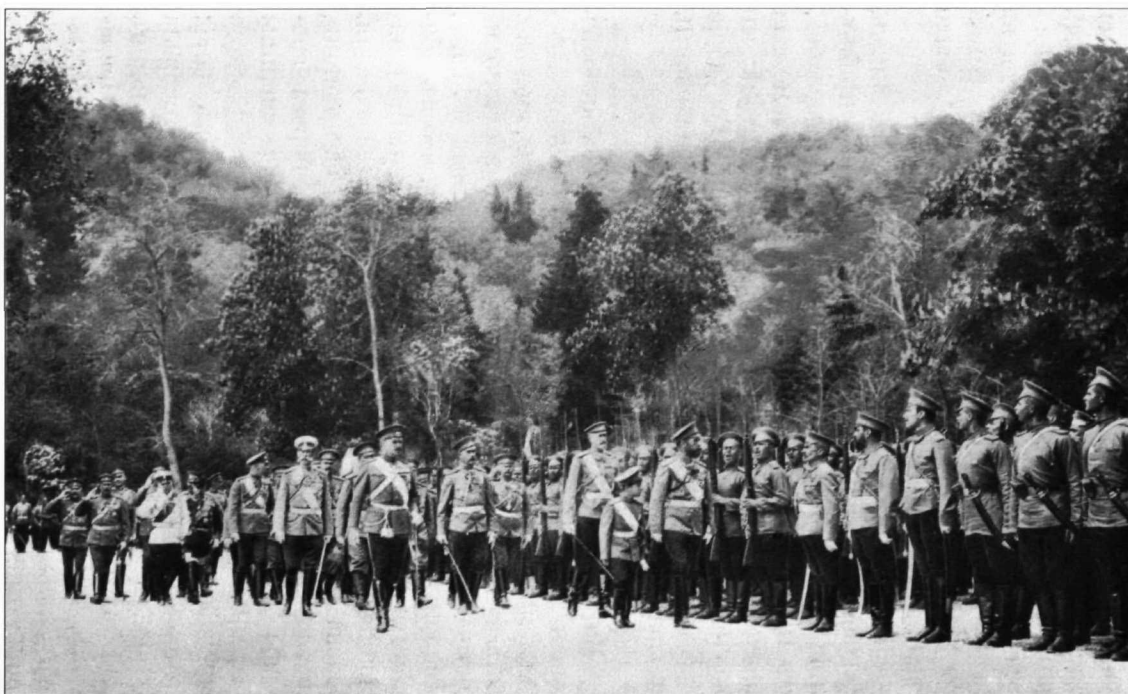

Рис. 1. Император Николай II и наследник цесаревич Алексей Николаевич обходят строй 56-го пехотного Житомирского полка. Ливадия. 3 мая 1912 г.

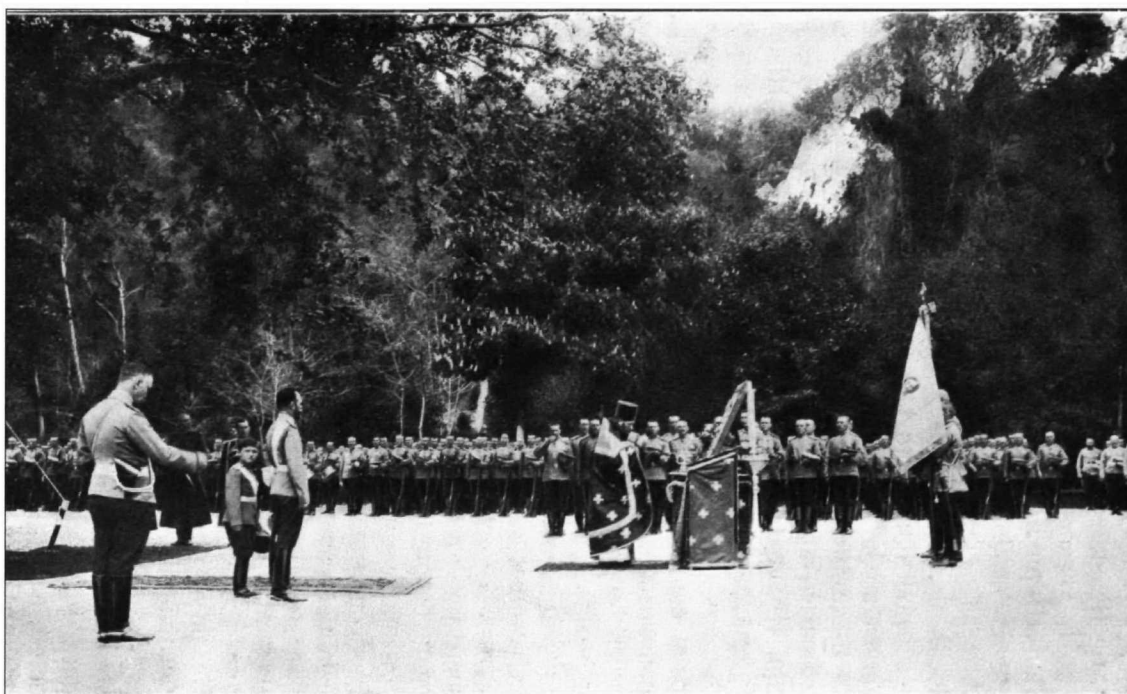

Рис. 2. Освящение нового знамени 56-го пехотного Житомирского полка. Ливадия. 3 мая 1912 г.

Церемониал празднования полковых юбилеев

Рис. 3. Присяга 56-го пехотного Житомирского полка перед новым знаменем. Ливадия. 3 мая 1912 г.

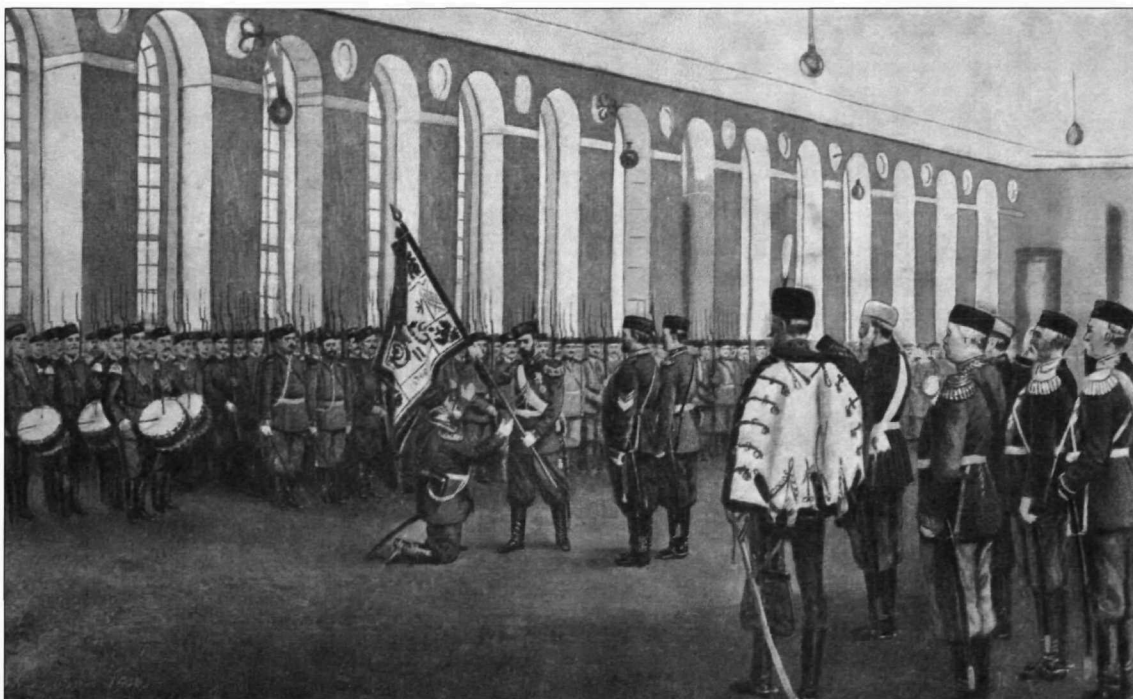

Рис. 4. Вручение императором Николаем II нового знамени 145-му пехотному Новочеркасскому полку. Санкт-Петербург, Михайловский манеж. 29 ноября 1896 г.

Полковые музеи

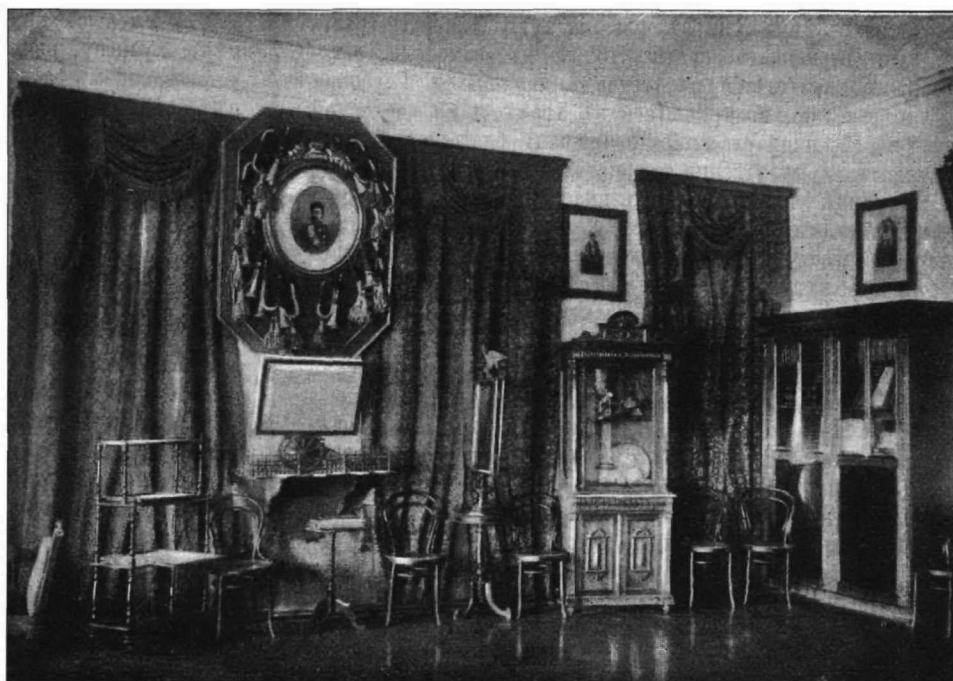

Рис. 5-6. Интерьер музея 81-го пехотного Апшеронского полка.

Полковые музеи

Рис. 7. Интерьер музея 11-го гренадерского Фанагорийского полка.

Рис. 8. Интерьер музея 93-го пехотного Иркутского полка.

Полковые музеи

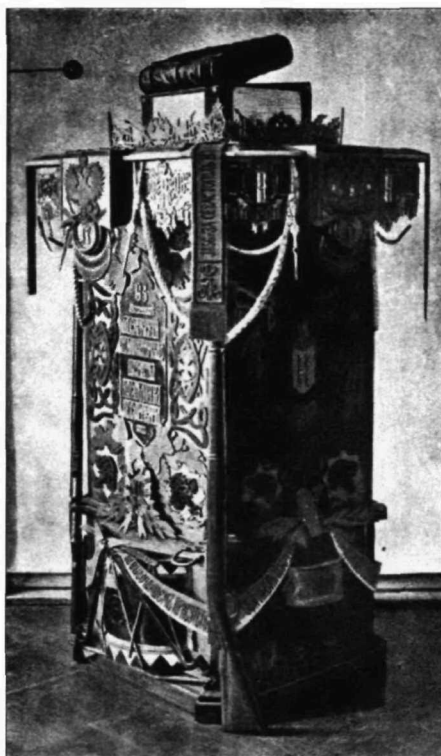

Рис. 9. Музей 65-го пехотного Московского полка. Витрина для хранения ранца, в котором 2 сентября 1886 г. наследник цесаревич Николай Александрович находился в строю полка.

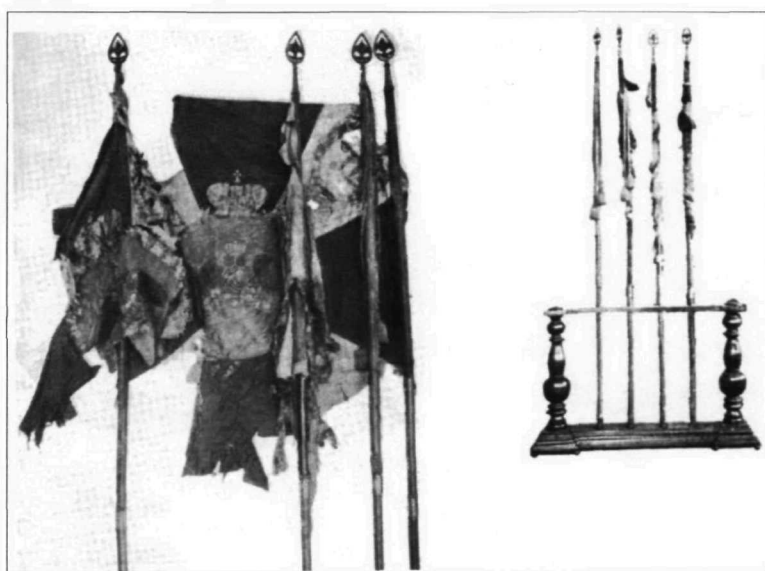

Рис. 10. Музей 93-го пехотного Иркутского полка. Старые полковые знамёна.

Нагрудные юбилейные знаки

Рис. 11-13. Нагрудные юбилейные знаки 77-го пехотного Тенгинского, 182-го пехотного Гроховского и 6-го гренадерского Таврического полков.

Памятники войсковым частям

Рис. 14-16. Памятник Перновскому пехотному полку в Вязьме, 1912 г.; памятники 17-й и 24-й пехотным дивизиям на Бородинском поле, 1912 г.